Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 1 • 2014 • ЯНВАРЬ — МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Добреньков В.И. Сталинградский рубеж России XXI в. 5

Современная социологическая теория и методология

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Философия социальных наук. 20
Осипова Н.Г. Социология в странах Азии, Африки и Латинской Америки: ключевые фигуры (Окончание. Начало в № 4 за 2013 г.) . .47

Политическая социология

Кудрявцев В.А. Духовно-ценностные проблемы власти и правосознания в России 62
Невская Т.А. Динамика развития партийной системы современной России: тенденции и проблемы. 75
Шишков В.В. Российский федерализм и его особенности в свете постимперского транзита 90
Соколов А.В., Дементьев А.А. Краудфандинг в российской политике . . 106

Военная социология

Агапов П.В. Война как предмет изучения в истории социально-философской и социально-политической мысли: опыт научного анализа 125
Афанасьев В.В. Современные локальные конфликты 142

Социология семьи и детства

Немова О.А., Бурухина А.Ф. Мультипликационные фильмы как средство формирования семейных духовно-нравственных ценностей . . . 152

Социология управления, организаций и менеджмента

Юрасова М.В. Интегрированные системы исследований качества (качество исследований и исследование качества) 174
Ксенофонтова Е.Г., Пехова Н.Ю. Социология компетентности и модель компетенций как области научного и практического интереса 194

Рецензии

Мирошниченко Г.Л. Размышляя над прочитанным 207
Лубский А.В. Книжное обозрение. Рецензия на монографию “Новые идеи в социологии” 215
Коркия Э.Д. Наследие Т. Парсонса: современная интерпретация (рецензия на монографию Е.М. Бабосова, Е.С. Бабосовой, А.К. Мамедова “Теоретическая социология Толкотта Парсонса”) 224

Проба пера. Слово молодому ученому

Иванова Ю.А. Дискуссия по проблеме субъекта в современном феминизме 229
Таланова К.С. Модель морального кризиса по Э. Дюркгейму 238
Шустер О.В. Социальные предпосылки становления визуальности как ключевого элемента коммуникации в информационном обществе. 256

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2014

CONTENTS

Dobren'kov V.I. Stalingrad abroad in Russia XXI 5

Contemporary sociological theory and methodology

Kimelyev J.A., Polyakova N.L. Philosophy of the social sciences 20
Osipova N.G. Sociology in the countries of Asia, Africa and Latin America: key figures (Continued. Beginning in the number 4 in 2013) 47

Political sociology

Kudryavtsev V.A. Spiritually-value problems of power and justice in Russia . .62
Nevskaya T.A. Dynamics of development of the party system of modern Russia: trends and challenges 75
Shishkov V.V. Russian federalism and its features in light of the post-imperial transit 90
Sokolov A.V., Dementiev A.A. Crowdfunding in Russian politic 106

Military sociology

Agapov P.V. War as a subject of study in the history of socio-philosophical and socio-political thought: the experience of scientific analysis 125
Afanasiev V.V. Modern local conflicts 142

Sociology of the family and childhood

Nemova O.A., Buruhina A.F. Animated films as a means of family formation moral values 152

Sociology of management and organizations

Yurasova M.V. The integrated system of research quality (quality of the research and research quality) 174
Ksenofontova E.G., Pehova N.Yu. Social competence and competency model as a field of scientific and practical interest 194

Reviews

Miroshnichenko G.L. Reflecting on the readings of the text 207
Lubskiy A.V. Book review. Review of the monograph "New ideas in sociology" 215

Korkia E.D. Review of the monograph of E.M. Babosov, E.S. Babosova, A.K. Mamedov “Theoretical sociology Talcott Parsons” 224

Pen test. Word of the young scientist

Ivanova Yu.A. Discussion on the problem of the subject in modern feminism. 229
Talanova K.S. Model moral crisis by Emile Durkheim. 238
Schuster O.V. Social preconditions of forming visuality as a key element of communication in information society. 256

В.И. Добреньков, докт. филос. наук, проф., зав. кафедрой истории и теории социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СТАЛИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ РОССИИ XXI в.

Известные события конца XX в. (распад СССР, ликвидация Варшавского Договора, процессы тотальной рыночной демократизации, катастрофическое сокращение армии) поставили под сомнение существование России как самостоятельного государства и цивилизации. Так возник сталинградский рубеж ("отступать некуда, другой земли у нас нет") современной России.

Ключевые слова: *Россия, Великая Отечественная война, Сталинградская битва, современный сталинградский рубеж России.*

Notable events of the late twentieth century (collapse of the USSR, the liquidation of the Warsaw Pact, the processes of democratization total market, a catastrophic reduction of the army) have questioned the existence of Russia as an independent state and civilization. Thus arose Stalingrad abroad ("nowhere to retreat, another land we have") in modern Russia.

Key words: *Russia, the Great Patriotic War, the Battle of Stalingrad, Stalingrad modern Russia abroad.*

Сталинградский рубеж современной России

Победа во Второй мировой войне вывела нашу страну в разряд глобальной сверхдержавы, ставшей лидером огромного геополитического блока социалистических стран. СССР контролировал одну треть мира. Авторитет и сила влияния советского народа на ход мировой истории поднялись во второй половине XX столетия на невиданную высоту. Великая победа 1945 г. предопределила новый виток западного геополитического натиска на СССР (позже — Россию), получившего название "холодная война" или "Третья мировая война".

Независимо от названия стратегия Запада имела традиционную для него цель — расчленение России и русского народа, ликвидация России как геополитического конкурента. Известные события конца XX в. (распад СССР, ликвидация Варшавского Договора, процессы тотальной рыночной демократизации, катастрофическое сокращение армии) поставили под сомнение существование России как самостоятельного государства и цивилизации. Колоссальные жертвы, принесенные народами СССР на алтарь победы во Второй мировой войне, в результате развала СССР, послевоен-

* **Добреньков Владимир Иванович,** e-mail: soc@socio.msu.ru; vid@socio.msu.ru

ной системы мироустройства оказались обесцененными. Вывод наших войск из Восточной Европы, куда они пришли как победители и освободители, превратился в унизительное бегство великой армии, когда-то победившей фашизм и принесшей свободу континенту. Так возник сталинградский рубеж ("отступать некуда, другой земли у нас нет") современной России.

Россия словно вновь пережила события 1941–1942 гг.: позорное для СССР начало Отечественной войны, отступление и потеря живой силы, обширных территорий и техники. По мнению Дж. Курта, Россия "...потерпела большее поражение, чем Германия в Первой мировой войне... Из центра мировых событий Россия спустилась на периферию европейского континента, и она остается центральной нацией только для пустот Центральной Азии"[1].

Современная колонизация России в периоды перестройки и реформ в условиях неолиберальной космополитической глобализации, неуклонного расширения агрессивного блока НАТО на Восток — это продолжение сугубо экспансионистского курса "Drang nach Osten" ("Натиск на Восток"). Запад по-своему обосновывает целесообразность разрушения России как системы политических, социально-экономических, межнациональных отношений. Еще в начале прошлого века английский профессор Х. Макиндер в своей работе "Географическая ось истории" заявлял, что главной геополитической задачей Запада является ликвидация "русского господства" над геополитическим "сердцем мира". Пока Россия будет контролировать огромное континентальное ядро Евразийского континента, утверждал Х. Макиндер, Запад не может быть спокойным за свое глобальное лидерство, а это означает развитие военного сценария отношений с Россией. Третья мировая война продолжается.

Стратегическая цель этой войны — уничтожение исторической России и ее расчленение, полный передел мира в пользу Запада, "победа демократии". План капитуляции России по итогам Третьей мировой ввиду его грандиозности и беспрецедентности предусматривает расчленение исторической России, достаточно долгое, поэтапное, полное разоружение страны, ее колонизацию, оккупацию, закабаление и истребление населения — в течение пятнадцати–двадцати лет (план претворяется в жизнь: страна теряет в год по миллиону человек).

Современная история России есть история тотального ограбления масс, создания олигархической элиты, история разрушения и уничтожения армии, флота, космических сил, уничтожения промышленности, сельского хозяйства, распродажи народной соб-

[1] Цит. по: *Уткин А.* СССР в осаде. М., 2010. С. 276.

ственности, разрушения систем народного образования и здравоохранения, история бесконечных террористических войн.

Современная война — это война на уничтожение: у народа отбирается все, что у него есть. Народу, армии, руководству еще предстоит осознать жесткие требования и условия современной войны и состояние современной России.

На Россию под маской “прав человека”, “демократии” и “рынка” напал безжалостный и жестокий враг. Пробудится ли в народе инстинкт национального самосохранения, встанет ли в России во всей мощи прежний русский народ — воин, богатырь, герой Сталинградской битвы?

Геополитическая и военно-стратегическая ситуация вокруг России складывается далеко не в пользу ее безопасности. После распада Советского Союза Московский военный округ стал приграничным округом. На северо-западе Россия потеряла ряд территорий (Прибалтика, Белоруссия, Украина) и обрела размеры государства начала XVII в. Были утрачены огромные территории и на юго-востоке (Среднеазиатские республики, Азербайджан, Грузия, Армения). Границы Российского государства опутаны военными базами Североатлантического блока. Из шестнадцати военных округов, охватывавших всю территорию СССР (до января 1992 г.), в России осталось восемь, из которых половину составляют округа внутреннего базирования, что обусловливает их более низкий, по сравнению с округами передового базирования в СССР, уровень оснащения. За пределами страны оказались тринадцать общевойсковых армий и корпусов, четыре танковые, две ракетные армии стратегического назначения, три армии ПВО, пять воздушных армий. И надо отметить, что это были наиболее подготовленные, первоклассные соединения.

На территории бывших союзных республик размещались многие станции раннего обнаружения и предупреждения, пункты оперативно-стратегического назначения и базы. По экспертным оценкам, нынешняя российская армия не в состоянии проводить операции стратегического масштаба, осуществлять крупномасштабную переброску войск в различные регионы страны, а защиту границ Отечества она сможет обеспечить лишь при незначительной продолжительности боевых действий.

Так, в период грузинской агрессии 2008 г. 58-я армия только через сутки смогла сформировать два батальона бронетехники и направить их в Южную Осетию. Концентрация грузинских войск была очевидной, не оставляющей сомнения в том, что они готовятся к нападению. Понесенные российской армией потери и жертвы в значительной степени являются результатом беспечности российских силовых структур. Российская система обороны от внешнего

нападения строится без учета военных угроз, закономерностей и особенностей ведения современных войн.

Несколько слов о том, кто противостоит России и какие у нее шансы на дальнейшее развитие в случае серьезного конфликта. Что касается вопроса о том, “кто противостоит”, то ответ на него хорошо известен: противостоят России прежде всего США и некоторые (возможно, даже все) их союзники по НАТО. Эффективно противостоять НАТО России вряд ли может. НАТО имеет большое преимущество перед Россией в тяжелых вооружениях. К примеру, на 1 января 2006 г. по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) Североатлантический альянс имел 14 693 танка, Россия — только 4999. Боевых бронированных машин у стран НАТО было 27 225, у нас — 9653, боевых самолетов у НАТО — 8038, у России — 3416, вертолетов соответственно 2509 и 825.

Таким образом, практически по каждому виду вооружений, которые составляют основную ударную силу любой армии, Альянс имеет преимущество перед Россией в 2,5–3,5 раза[2]. Следует также помнить о военных базах США в Германии, Бельгии, Греции, Италии, Болгарии и Румынии, а также о 6-м американском флоте в Средиземном море. Учитывая все это, можно заключить, что ситуация для России складывается крайне опасная.

На протяжении двадцати так называемых “перестроечных” лет Россия разоружалась в одностороннем порядке, не заботясь о своей безопасности и обороне. По Договору СНВ-1 Россия взяла на себя обязательство снять к 2015 г. с боевого дежурства только в Сухопутных ядерных силах 1401 баллистическую ракету (т.е. все) с 6642 ядерными зарядами в головных частях. С 1991 по 1999 г. в стране не было произведено ни одной межконтинентальной баллистической ракеты. К концу 2015 г. при самом благоприятном для России варианте развития ситуации как в политике, так и в экономике на суше она будет иметь 201 ракету. Следует учесть, что живучесть ракетного комплекса шахтного базирования не превышает 17%. Через 7–8 лет его эффективность при совершенствовании американцами своей системы ПРО сократится до минимума. Развертывание ее новых элементов в Польше, Чехии, Румынии поставит вопрос о переводе наших частей Ракетных войск стратегического назначения с европейской территории на Урал и даже дальше на восток.

Состояние и боеготовность вооруженных сил любого государства определяются в первую очередь их оснащенностью современной техникой и вооружением, надежностью управления войсками, уровнем выучки и дисциплины, социальной защищенностью и патриотизмом людей в погонах. Однако и они в свою очередь зависят от

[2] См.: *Алексеев И.С.* Войны. Мир. Власть. М., 2011. С. 216–217.

отношения государства и общества к армии и флоту, от степени развития экономики, оборонного комплекса, образования, демографической ситуации, а также крепости нравственных принципов в обществе. Вооруженные силы Российской Федерации в этом смысле не исключение, и их нынешнее состояние во многом было предопределено разрушением Советского Союза, его армии и флота.

Еще в начале 2000-х гг. эксперты прогнозировали, что к 2012 г. ядерный потенциал России по сравнению с 1991 г. уменьшится в 600 раз, США же смогут развернуть практически все новейшие системы вооружения, в том числе более 100 тысяч высокоточных крылатых ракет. Система ПВО США может перехватить не менее 70% российских ракет, т.е. на территорию США Россия сможет доставить не более пяти, в лучшем случае — десяти ядерных зарядов.

Запад, а также Китай и Индия вооружаются достаточно интенсивно. До вступления в 2004 г. в НАТО новых государств Альянс развернул на западном направлении 41 дивизию и 86 бригад. В России им противостояли четыре дивизии и пять бригад.

На Дальнем Востоке США и Япония имеют 15 развернутых дивизий, Россия — ни одной. Против 109 дивизий Китая в Забайкальском военном округе развернута только одна российская дивизия. Глубоко заблуждаются те, кто считает, что нам сегодня никто не угрожает и возможность войны исключена. На Россию нападали и тогда, когда она никому не угрожала. Целью агрессоров всегда были ее территория, национальные богатства и население. В условиях капиталистической глобализации, схватки за обладание энергетическими и природными ресурсами, когда “золотой миллиард” фактически эксплуатирует остальное человечество, именно Россия с ее природными ресурсами будет первоочередным объектом нападения. Россия занимает 12% суши планеты, на которой проживает 3% населения мира, владеет 22% всех лесов, 20 — мировых запасов пресной воды, 16 — разведанных минеральных ресурсов, 32 — мировых запасов газа, 12 — нефти, 28 — угля, 36 — никеля, 40% мировых запасов металлов платиновой группы.

Исходя из вышесказанного, логично предположить, что вероятные агрессоры — это те, кто в этих ресурсах нуждается больше всего, а именно блок НАТО, основу которого составляют страны “золотого миллиарда” во главе с Соединенными Штатами Америки.

Российская Федерация сохранила 76% территории и более 50% населения СССР, но в мировой политике воспринимается фактически как второстепенное государство с ослабленным военно-политическим и экономическим потенциалом.

Вооруженные силы России во многом еще держатся за счет потенциала, заложенного Советским Союзом, хотя его запасы неумолимо иссякают. Исправность самолетного парка военно-воздушных

сил не превышает 50%. За последние шестнадцать лет ВВС не получили ни одного современного стратегического ракетоносца. Сухопутные войска находятся в еще более худшем положении. В них преобладают устаревшие образцы ракетных комплексов оперативно-тактического назначения, а доля артиллерии составляет почти 80% всего вооружения. Значительная часть бронетанковой техники изношена до предела. В Военно-морском флоте остался единственный авианосец "Адмирал Кузнецов". Существовавшие ранее флотилии подводных лодок сокращаются до дивизий и отдельных бригад. Выходы наших кораблей в открытое море стали редким явлением, а дальние походы составляют печальное исключение. Подводные ракетоносцы без надежного прикрытия и сопровождения становятся уязвимыми и не способными эффективно выполнять боевые задачи. Фактически утрачен вспомогательный флот, без которого боевые корабли и их экипажи в случае войны или чрезвычайных ситуаций обречены на гибель, что и произошло с атомной подводной лодкой "Курск".

Огромные, а порой и невозвратные потери понес военно-промышленный комплекс, который длительное время находится в состоянии существенного недофинансирования. Катастрофического уровня достиг моральный и физический износ научно-производственной базы "оборонки". Продолжается резкий отток высококвалифицированных специалистов. Средний возраст людей в науке ВПК составляет шестьдесят лет, а она, наука "оборонки", в СССР всегда находилась на передовых позициях и была генератором всей научной жизни страны.

Военно-промышленный комплекс подвергся жесточайшему расчленению и приватизации, искусственному банкротству и распродаже за бесценок, в том числе и зарубежным фирмам. Достаточно упомянуть о плачевной судьбе таких гигантов, как Балтийский завод, Уфимское моторостроительное производственное объединение, Уралмашзавод, Московский вертолетный завод им. М.Л. Миля, Воронежский завод "Электроприбор", Тульский ЦНИИ систем управления и многих других. Иностранцы имеют блокирующие пакеты акций в ОАО "АНТК им. Туполева", Саратовском ОАО "Сигнал", в ЗАО "Евромиль" и т.д. А совсем недавно немецкая компания "Сименс" скупила блокирующий пакет — 25% акций — уникального российского объединения "Силовые машины". Ежегодное финансирование Вооруженных сил не может быть ниже 3,5% валового внутреннего продукта страны. Только такие цифры могут обеспечивать нормальное развитие армии и флота. Тем не менее бюджет Министерства обороны РФ никогда не превышал 2,5–2,7% ВВП. Необходимо зафиксировать объем финансирования Вооруженных сил РФ в размере 3,5% ВВП в федеральном законе, в част-

ности в законе “Об обороне”, что повысит обязательность исполнения принятых решений и ответственность за них.

Российские руководители и политическая элита оказались в плену догмы, что у нашей страны нет врагов и на нас никто не будет нападать. Мы сами разрушили системы безопасности России, открыли доступ к ее природным ресурсам и превратили Россию из некогда индустриальной мировой державы во второсортное государство с утраченными машино- и станкостроением, потерянными отечественной электроникой и приборостроением, самолетостроением и сельхозиндустрией.

Все вышесказанное порождает закономерный вопрос: чем мы будем защищаться? Надо признать, что наши возможности невелики. Чем больше у России проблем в сфере безопасности, тем выше вероятность агрессии извне. Эта довольно ясная зависимость в настоящее время начинает осознаваться на всех уровнях российского общества: “Сильные вооруженные силы, сильная экономика и сильное государство позволяют побеждать без войны! Слабые вооруженные силы, слабая экономика и слабое государство могут спровоцировать войну против России. Слабая Россия обречена на различные конфликты и войны”[3].

Соединенные Штаты Америки несут миру не демократию, а войну. На примере оккупации Ирака мы видим, что США в совершенстве овладели искусством превращать в ад любое место на земле. США “строят демократию” в странах, тщательно “расчистив” их от людей, они изменяют природу тех, кого хотят оставить здесь “работать” управляющими. За семь лет в Ираке разрушены все системы жизнеобеспечения народа. Американская оккупация не предполагает реконструкции жизненных условий существования народа Ирака. “Новые хозяева” рассматривают завоеванный народ как неполноценных людей, подлежащих уничтожению. Русские также могут оказаться в представлении западных народов (прежде всего англосаксов и др.) такими же неполноценными, обреченными на исчезновение. С точки зрения западных политиков, Россия — азиатская деспотия, “примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих жертв, империя зла, обладающая ядерным оружием”. Таким образом, «...вновь мировая геополитика (в лице США и Евросоюза) *невротически* агрессивна по отношению к России, и причины здесь просты. Очевидной целью геополитики является устранение конкурентов, а наша страна даже после поражения в холодной войне остается одним из геополитических центров мира и тем самым *стратегической угрозой* для Соединенных

[3] Военная сила в международных отношениях: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.И. Анненкова. М., 2011. С. 131.

Штатов. Поскольку установить полный политический контроль над Россией американцам так и не удалось..., в ближайшее время следует ожидать реанимации “плана Баруха” или даже настоящей “горячей” войны, несмотря на ее кажущуюся невозможность. И первым шагом в этом направлении является американская политика “roll-up” (“оттеснение” России с пространства СССР). Обоснованием агрессии против нашей страны станет опасение Запада, что гигантские природные ресурсы России, не поставленные под контроль транснациональных корпораций, могут в недалеком будущем вырасти в цене и обрушить мировую экономику. Ведь на “нефтяной игле” сидит не Россия, а страны — потребители нефти. Быть “сырьевым придатком” плохо только тогда, когда цены устанавливает не рынок, а монопольный покупатель. Если сырье кончится, кончится и “альтернативная” постиндустриальная экономика. Поскольку, что бы там ни писали западные экономисты, никакая экономика без сырья не работает.

Когда нынешние историки упрекают Сталина за “очевидную ошибку” в оценке намерений Гитлера в 1941 году, они демонстрируют полное непонимание тогдашней ситуации. Сегодня — очевидная ситуационная рифма 41-му году с таким же актуальным вопросом: нападут ли США на Россию? Чтобы понять всю сложность прогноза событий накануне Великой Отечественной войны, попробуйте сегодня ответить на данный вопрос... Матрица “за” и “против” и сейчас, и в 1941 году тождественны. Что мотивировало нападение Гитлера (да и Наполеона) на Россию? Только реальная стратегическая угроза стране-гегемону со стороны России. Все остальные факторы были против войны: наличие политических и торговых соглашений, отсутствие каких-либо политических требований, наконец, риск поражения агрессора. Однако стратегическая угроза перевесила все эти аргументы — вот главный урок 1941 года. То же самое мы видим и сегодня. И когда мы говорим, что неожиданный ядерный удар США по России невозможен, потому что Соединенные Штаты — “наш стратегический партнер и даже союзник”, мы допускаем ту же ошибку, что и Сталин в 1941 году»[4].

Если исходить из агрессивной сущности Запада, то интересы национальной безопасности страны являются главными, приоритетными для современной России. В основе сохранения, созидания и процветания России лежит тщательно пестуемая система национальной безопасности. Проблемы и стратегия безопасности России изначально носят не только государственный, но и цивилизационный характер (речь идет о спасении уникальной цивили-

---

[4] *Августинович В.Г.* Разгадка русской истории. Битва за прошлое. М., 2010. С. 376.

зации и культуры). Война идет не только на полях сражений, но и во всех сферах человеческого бытия — экономической, духовно-нравственной, демографической, этнической, социальной и др.: *"...наша страна стоит на пороге войны (в смысле — ожесточенной борьбы не на жизнь, а на смерть), которая неминуемо разразится и кончится порабощением России, если мы будем по-прежнему благодушествовать. И только мобилизация всего потенциала нации может противостоять натиску хищников, позволит дать им сокрушительный отпор"*[5].

Осознав внутреннюю и внешнюю опасность, народ обретет мужество бестрепетно подняться против самого изощренного и опасного врага из всех когда-либо приходивших на Русь. Как и во времена Сталинградской битвы, русский человек должен понять, осознать главное, что не ради шкурнических интересов он будет воевать на собственной земле за собственную страну, отстаивая право своего народа, своих детей и внуков ***жить, право на существование России, русской цивилизации и культуры, русского мира.*** Вот и сегодня каждый россиянин должен осознать Сталинградский рубеж современной России: дальше отступать некуда. "Но, я думаю, нам не избежать новой Великой Отечественной войны. Как она будет протекать, не знаю. Тайно или открыто? Вяло или остро? Затянуто или взрывоподобно? Не знаю. Но без нее не обойтись"[6].

Парадокс современной России заключается в том, что постоянно появляются новые угрозы существованию страны, а руководители России как будто не осознают необходимости адекватных ответов на эти угрозы. Страна, пережившая столько нашествий, выигравшая самые масштабные и жестокие войны, включая Сталинградскую битву, перестала замечать реальные угрозы своему существованию! Перестала учитывать уроки и опыт защиты страны в "ситуациях жизни и смерти", опыт, добытый в Отечественных войнах. Ни государственная власть, ни оппозиция никак не могут постигнуть агрессивную стратегию войн нового поколения, мирно-военных действий, осуществляемых против нашей страны.

НАТО вплотную приблизился к границам новой России: его позиции позволяют наносить ракетно-бомбовые удары вплоть до Волги и Урала, взломав и уничтожив ракетно-ядерный щит России. «Сейчас мы в глухих окопах "под Сталинградом". Мы отступаем. Но дальше отступать некуда. Перед нами враг, который не оставляет нам места на нашей земле. И впереди у нас Новая Великая Отечественная. Не обязательно "горячая" и кровавая — хотя

---

[5] *Антонов М.Ф.* Цель номер один: план оккупации России. М., 2011. С. 16.

[6] *Петухов Ю.Д.* Четвертая мировая война. М., 2011. С. 62.

мы имеем полное право и на такую. Наш враг, США и НАТО, успешно испытал и провел в жизнь войну нового типа, нового поколения — Третью мировую. И победил нас в этой войне»[7]. Именно сейчас, когда в обществе идет процесс возрождения национально-государственного самосознания, перед ним встают задачи национально-освободительной борьбы. Однако население России ни теоретически, ни практически не готово к народно-освободительной борьбе. Оно сломлено на корню, подавлено и развращено всеми силами “мирового сообщества”, режимом рыночной демократии и средствами массовой информации и культуры.

Положение России на первый взгляд безнадежное, но здесь есть подвижники, люди воли и долга, патриоты, державники, которые не смирятся с таким положением. Необходимо или восстановить Великую Россию, или умереть, поскольку глобальное закабаление России — это ее смерть. В современном мире идет истребительная война, в которой Россия должна будет доказать свое право на существование. Это не захватническая война, а война за выживание. Россия может провести новую Великую Отечественную по тем стратегиями и технологиям, что продиктованы законами современных противоборств в этом мире.

Стратегия глобального сокрушающего удара (современный блицкриг, “Барбаросса-2”)

Главная новая реальная опасность заключается в том, что Россия обезоружена перед фактом новой войны. Военная реформа пробуксовывает. США же уже ведут войны следующих поколений — бесконтактные (Югославия, Ирак, Ливия). Это новое поколение войн резко отличается от предыдущих поколений контактных войн тем, что они ведутся без наземных военных действий. В Россию никакой наземный противник со своими многочисленными фронтовыми, армейскими сухопутными группировками ниоткуда не придет. Бесконтактные войны ведутся в основном с нанесением высокоточных ударов издалека через воздушно-космическое пространство, которое фактически становится театром военных действий. Такая война сводится лишь к нанесению массированных ударов по системам управления страной, по экономическому потенциалу страны-жертвы, подвергшейся агрессии. Именно это уже является главной потенциальной опасностью для России. Россия отстала от США в вооружении, стратегии и тактике войн на поколение. Нам надо срочно догонять североамериканцев: разрабатывать системы высокоточного оружия, защиты и обороны от него, способы ведения бесконтактной войны.

[7] Там же. С. 78.

Однако то оружие, которое выпускает российский ВПК, можно продавать, если его кто-то покупает, но оно совершенно неэффективно для обороны такой страны как Россия, для ведения бесконтактных дистанционных войн. Нужно совершенно иное оружие, а потому необходимо перестраивать весь ВПК, который должен работать на создание систем высокоточного оружия, космической группировки сил. Россия отстает от США в развитии космических систем. Сейчас у нас порядка 90 спутников различного назначения. Для минимального же обеспечения дистанционной бесконтактной войны их необходимо порядка 200, а для глобального обеспечения войны — порядка 400. Прежде всего это должны быть спутники-разведчики, обеспечивающие оптическую, телевизионную, радиотехническую разведку, и в первую очередь — глобальная навигационная система страны, ГЛОНАСС. Первоначально она сможет обеспечить оборону в дистанционной войне.

Существует опасность *внезапного нападения, как в июне 1941 г.* К моменту внезапного нападения аэрокосмические и морские силы США будут в состоянии "постоянной мобилизации", готовности к боевым действиям, не требующей дополнительной передислокации (концентрации) сил и специальной подготовки для нападения. Первый удар будет нанесен этими силами постоянной готовности (на суше, на море, в космосе), без какого-либо участия других родов войск (за исключением, может быть, спецназа). Расчеты показывают, что для нанесения обезоруживающего удара достаточно не более четверти развертываемых США ударных сил. К моменту нападения новейшие мобильные крылатые ракеты с обычными боеголовками и дальностью до 5 тысяч километров будут размещены в Прибалтике, Польше, Украине, Турции, Грузии, Болгарии, Румынии, Азербайджане, Таджикистане, Афганистане, Узбекистане, Киргизии и других странах на границах России общим числом не менее 30 тысяч штук для эшелона первого удара.

Новую потенциальную опасность представляет то, что массированный удар по России может быть осуществлен с любой стороны (по всему периметру границ, отовсюду). Если мы раньше защищались с запада и с востока, то сейчас надо иметь круговую надежную оборону от высокоточных ударов. Тыла в традиционном смысле не будет, поэтому нельзя будет спрятать стратегически важные объекты на Урале или в Сибири. В этой войне *тылом становится весь военно-экономический потенциал России.* Противник будет способен послать такой наряд высокоточных ракет, что какие-то из них в любом случае найдут свои критические точки экономики России и управления страной. Массированные высокоточные удары по объектам экономики и экономической инфраструктуры в бесконтактных войнах будут наноситься многочисленными беспилотны-

ми средствами воздушного и морского базирования одновременно со всех стратегических воздушно-космических направлений в течение длительного времени, исчисляемого несколькими десятками суток. Здесь нельзя будет выделить направление главного удара, второстепенные направления.

Поскольку в бесконтактной войне основным объектом поражения становится экономический потенциал государства, то агрессор будет способен направить такой наряд высокоточных беспилотных средств различного базирования, которого будет достаточно для разгрома этого самого государства. Сейчас в ряде стран идет интенсивное накопление ударного потенциала высокоточных средств. Это совершенно новая опасность для многих государств и для их безопасности. Если современное государство и его вооруженные силы не в состоянии отразить бесконтактную агрессию и нанести адекватный ответный высокоточный удар по агрессору, где бы он ни находился, то такое государство и его вооруженные силы не будут представлять для агрессора никакой военной опасности. Он вообще может не наносить по ним высокоточные удары. Высокоточное беспилотное оружие дорогое, поэтому агрессор будет его использовать только для решения важнейших задач (управление, экономика) и достижения стратегических целей войны.

Вполне реальна угроза военного нападения на Россию в связи с капитальным перевооружением Вооруженных сил США и НАТО. Программа перевооружения Вооруженных сил США под названием “Единая перспектива-2010” завершена. Согласно этой программе, все стратегические бомбардировщики (общее количество 240) перевооружаются новыми системами управления, оснащаются новым оружием. Все военные спутники (общим числом около 300) заменяются на новые. Стоимость программы 60 млрд долл. Все разведывательные самолеты электронной борьбы оснащаются новой аппаратурой (всего таких самолетов пяти типов 200 единиц). США совместно с Великобританией создают перспективную наступательную систему FOSSM с новыми радиоуправляемыми самолетами-“роботами” Х-45. К моменту окончания реализации “Единой перспективы-2010” планировалось создать 10 аэрокосмических экспедиционных формирований (АЭФ), а для обеспечения боевых действий этих формирований число самолетов-заправщиков доведено до 500.

США заключили с Россией Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), и сделали они это потому, что на порядок оторвались в разработке обычных, высокоточных вооружений, создании глобальной системы ПРО. США также приняли Доктрину первого, обезоруживающего удара 80 тысячами крылатых ракет по административным и военным цент-

рам, в том числе по шахтным пусковым установкам с точностью в 1,5–2 метра и с интенсивностью пуска в тысячу ракет в сутки. У США и НАТО в целом появились новые виды вооружения, которые подавляют электронные системы управления и оружия.

Военная группировка НАТО продвинулась на Восток на 650–750 км. Состав объединенных ВВС НАТО по тактической авиации увеличился на 17–20%. Североатлантический альянс получил в свое распоряжение 290 первоклассных аэродромов. На них можно в кратчайшие сроки сосредоточить 3500 боевых самолетов. Использование этих аэродромов позволит НАТО наносить ракетно-бомбовые удары вплоть до Волги и Урала, уничтожать позиции стратегических ядерных ракет России. В случае неядерного конфликта между Россией и странами НАТО крылатым ракетам “Томагавк”, запущенным с территории или из воздушного пространства Латвии или Эстонии, понадобится максимум 40–50 минут, чтобы поразить объекты, входящие в систему Центрального командного пункта Генштаба и видов Вооруженных сил. Стратегическое звено управления Вооруженными силами если и не будет ликвидировано совсем, то уж точно будет парализовано.

Наше время — пора войн информационных, аэрокосмических, которые ведутся высокоточным оружием с зачатками искусственного интеллекта. Не менее важную роль, чем бомбы и снаряды, сегодня играют системы связи, разведки и управления, беспилотные самолеты-наводчики и спутники. По мнению экспертов, черед год-два, максимум три Россия рискует скатиться на уровень производителя и экспортера второсортного военного товара — танков, самолетов, корпусов боевых кораблей. Наш потенциальный противник создает аэрокосмические ударные формирования, воздушно-орбитальные флотилии, а мы продолжаем мыслить категориями противовоздушной обороны, хотя говорить нужно как минимум о воздушно-космической обороне.

Протяженность радиолокационно контролируемых участков государственной границы в воздушном пространстве РФ снизилась на высоте 10 000 м с 99 до 59%, на высоте 1000 м — с 84 до 23%. Доля устаревших образцов ВВТ ПВО составляет 65–80%. Исправность истребителей ПВО — 48–49%, ЗРС — 92, радиолокационного вооружения — около 50%. Сокращен боевой состав зенитных ракетных комплексов.

Уход в небытие СССР не произвел разительных перемен в военном поведении США. Они не “закрыли” НАТО, не увели легионы из Германии, Кореи, Японии, не возвратили к своему побережью флоты, контролирующие мировую акваторию, не сократили свой военный бюджет. США готовы погрузить мир в новую **глобальную войну.** Идеология стратегии нового американоцентризма

гласит: либо мир станет американским, либо он сгорит в пожаре новой войны. Итак, перед США стоит сегодня стратегическая задача — заставить мир принять однополярную диктатуру США, признать диктат их мирового господства. США и НАТО готовы сразиться с любым вероятным противников. Возможность "Барбароссы-2" вполне реальна.

В настоящее время опасность вмешательства со стороны Запада во внутренние дела независимых государств сохраняется в отношении Ирана, Северной Кореи, Белоруссии и некоторых других стран мира. В ряду их оказывается и Россия. Правительство России взяло курс на последовательное отстаивание своих национальных интересов, укрепление государственности, возрождение и развитие страны, в частности на развитие ВПК и Вооруженных сил, усиление международных позиций государства. Нападению будет предшествовать массированная антироссийская информационная кампания в СМИ с обвинениями в фашизме, геноциде и т.д. Это будет одна из многих кампаний по подготовке мозгов армии и народа США к удару по России. Вероятно, нападению будет предшествовать масштабный мировой финансово-экономический кризис и падение доллара, резкое ухудшение уровня жизни в США. Начало мирового кризиса спланируют заранее. Это может произойти за полгода или год до удара. Основной задачей и целями блицкрига станут дезорганизация системы управления государством и Вооруженными силами, парализация всех видов связи, нейтрализация всех источников общественной информации, и прежде всего интернета. Согласно имеющимся сценариям войны, мощным воздушным ударам подвергнутся наиболее значимые административные здания в Москве (Минобороны, Генерального штаба, штаба Сухопутных войск и т.п.) и в других крупных городах страны (пункты управления и узлы связи военных округов и т.п.).

После того как ракетно-ядерный щит страны будет взорван, дальнейшие военные действия сведутся к уничтожению оставшегося военного потенциала РФ высокоточным оружием в обычном снаряжении. Наступит этап коротких прорывов и рейдов механизированных и бронетанковых подразделений в целях молниеносного захвата продолжающих функционировать центров коммуникаций, пунктов военного и политического управления, региональных узлов связи.

Как показывают результаты анализа современных военных конфликтов, чтобы победить в войне, по В. Слипченко, требуется добиться достижения всего трех целей. Первая — разгромить вооруженные силы противника; как правило, на его территории. Вторая — уничтожить экономический потенциал противника. Третья — свергнуть или заменить политический строй противника. Если эти три

задачи решаются одновременно, то победа считается полной. Системы дистанционного высокоточного оружия позволяют выиграть любую войну даже без применения сухопутных сил. Однако этого не произойдет, если, в частности, в России будет сохранен курс на укрепление государственности, территориальной целостности и национальной безопасности, усиление геополитических позиций в мире. В этом случае можно будет создать эффективную военную систему, представить нашим геополитическим оппонентам набор "асимметричных ответов", нейтрализовать опасность прямого военно-силового вторжения — этого нового плана "Барбаросса-2".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Августинович В.Г. Разгадка русской истории. Битва за прошлое. М., 2010. (*Avgustinovich V.G.* Razgadka russkoj istorii. Bitva za proshloe. M., 2010.)

Алексеев И.С. Войны. Мир. Власть. М., 2011. (*Alekseev I.S.* Vojny. Mir. Vlast'. M., 2011.)

Антонов М.Ф. Цель номер один: план оккупации России. М., 2011. (*Antonov M.F.* Cel' nomer odin: plan okkupacii Rossii. M., 2011.)

Военная сила в международных отношениях: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.И. Анненкова. М., 2011. (Voennaja sila v mezhdunarodnyh otnoshenijah: Ucheb. posobie / Pod obshh. red. V.I. Annenkova. M., 2011.)

Петухов Ю.Д. Четвертая мировая война. М., 2011. (*Petuhov Ju.D.* Chetvertaja mirovaja vojna. M., 2011.)

Уткин А. СССР в осаде. М., 2010. (*Utkin A.* SSSR v osade. M., 2010.)

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Ю.А. Кимелев, докт. филос. наук, гл. н. с. ИНИОН РАН*

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Философия социальных наук — это раздел философии, в котором тематизируются и исследуются отношения между философией и социальными науками. Основными функциями философии социальных наук является разработка социальной онтологии, методологии социальных наук и метатеории социальных наук.

Ключевые слова: *философия социальных наук, функции философии социальных наук, социальная онтология, методология социальных наук, метатеория социальных наук.*

Philosophy of social science is a branch of philosophy where relations between philosophy and social sciences are traced and investigated. The main functions of philosophy of social science are: to work out social ontology, methodology and metatheory of social science.

Key words: *philosophy of social science, functions of philosophy of social science, social ontology, methodology of social sciences, metatheory of social sciences.*

Философия социальных наук в самом общем виде — это проблематизация и исследование отношений между философией и социальными науками.

Это принятое обозначение имеет широкое применение, поскольку философия социальных наук может выступать и в форме относительно автономной философской дисциплины, и в форме разработок соответствующей проблематики в контексте разнообразных по своей дисциплинарной принадлежности философских концепций, и в форме определенных сегментов или аспектов объектно-исследовательских или методологических теорий в социальных науках.

Таким образом, говоря о философии социальных наук, мы имеем дело и с философскими построениями в общепринятом смысле слова, и с определенными концептуализациями в рамках социальных наук. Такие концептуализации правомерно отнести к философии социальных наук, если они решают задачи, фактически отно-

* **Кимелев Юрий Анатольевич,** e-mail: vestnik@socio.msu.ru

** **Полякова Наталья Львовна,** e-mail: theory@socio.msu.ru

сящиеся к ее сфере и по содержанию, и по уровню всеобщности рассмотрения.

В целях социально-научного познания возможно выделение нескольких основных форм использования философии. Такие формы правомерно также квалифицировать как базовые задачи философии социальных наук. Эти задачи задают главные направления работы современной философии социальных наук.

Первый блок задач можно определить как “онтологический”, второй включает различные варианты использования философии социальных наук в методологических целях, а третий — это собственно метатеоретическое исследование социально-научных теорий, в процессе которого философия социальных наук фактически осуществляет функцию философии науки или теории науки применительно к сфере социально-научного познания.

К объектной области философии социальных наук относятся, таким образом, усилия, направленные на то, чтобы прояснить общий характер социальной реальности как объектно-предметной сферы социальной теории и установить, какие категории феноменов наличествуют нередуцируемым образом в социальном мире (“блок онтологических задач”). Другой блок задач ориентирован на то, чтобы определить, какой метод позволяет наиболее адекватным образом постичь функционирование социального мира. Третий ориентирован на решение комплекса метатеоретических проблем социально-научного знания, связанных с традиционным для теории науки стремлением установить статус теоретических построений социально-научного знания, прояснить, что обеспечивает и гарантирует правомочность притязаний на теоретическое знание об исследуемом социальном мире.

Каждая из этих проблемных областей многообразно пересекается с определенными разделами философии и соответствующими философскими дисциплинами. К примеру, то, что принято называть “онтологией социальных наук”, задачей которой является общее “онтологическое” определение предметной сферы социальных наук, не может не взаимодействовать с философской онтологией вообще. Проблематика социальной агентности оказывается связанной в современной философии с философско-антропологической проблематикой, в том числе, к примеру, с проблематикой философии сознания и т.п. Вопросы метода сопрягаются с целым рядом компонентов философской эпистемологии. В целом речь идет о том, чтобы рассмотреть результаты работы различных разделов философии в совершенно определенной перспективе — перспективе выявления и осмысления тех компонентов этих результатов, которые могут быть использованы в целях социально-научного познания.

Философия социальных наук фактически берет на себя “посреднические” функции в отношениях между философией и социальными науками. Она как бы “разворачивает” различные разделы и дисциплины философии в сторону последних. Разнообразные философские разработки рассматриваются в перспективе возможностей их использования в целях социально-научного познания, наделяются инструментальной функцией в отношении социальных наук.

Мы определили основные задачи и соответственно функции философии социальных наук — онтологическую, методологическую и метатеоретическую. Встает вопрос о связи между ними. При попытке установить такую связь мы будем ориентироваться в первую очередь на “онтологию социального”.

Подчеркнем, что философские концептуализации социальной реальности осуществляются и функционируют и вне контекста социальных наук или без соотнесения с ними. Такие концептуализации относятся к философии социальных наук в том случае, если они тематизируются как “онтология социального для социальных наук”.

В связи с этим особого внимания заслуживает отношение между философией социальных наук и социальной философией. Философия социальных наук, так же как и социальная философия, осуществляет концептуализации социальной реальности. В первую очередь это относится к концептуализациям онтологического порядка — общей характеристике социальной реальности, проблематике агентности. В такой объектной направленности философия социальных наук и социальная философия совпадают. Различие заключается в том, что первая осуществляет свои объектные концептуализации с учетом того, что речь идет об общем философском определении предметной сферы социальных наук. Социальная философия, естественно, работает безотносительно к тому, будут ли ее концептуализации тематизированы как предметная сфера социально-научного познания.

Вместе с тем если такая тематизация может быть реализована или тем более реализуется, то налицо совпадение обеих философских дисциплин. Точнее будет сказать, что социальная философия выступает в функции философии социальных наук. Фактически это подтверждает сказанное выше о том, что философия социальных наук не обязательно должна носить форму только автономной философской дисциплины с таким названием.

Связь между онтологией социальных наук и “рассуждением о методе” проявляется в силу всегда наличной принципиальной корреляции между исследуемым объектом и исследовательской стратегией, которая реализуется в том числе и в используемом ме-

тодическом оснащении. Соответственно онтологически постулируемый общий характер социальной реальности задает некоторую общую рамку методологических построений. К примеру, если социальная реальность представляет собой когерентную или тем более систематическую целостность, то и теоретическое постижение этой реальности будет носить, скорее всего, холистский характер с использованием, в частности, дедуктивных объяснительных методов. Если же социальная реальность конституируется, причем, как иногда полагается, относительно свободным образом, то ее постижение будет носить индивидуалистский и индивидуалистско-групповой характер, появляются те или иные формы методологического индивидуализма.

Мы представили корреляцию между онтологией и методом в философии социальных наук в предельно схематизированном виде. В реальной исследовательской практике отношения между эксплицитными или имплицитными онтологическими полаганиями, с одной стороны, и собственно методико-исследовательскими процедурами, с другой стороны, носят гораздо более дифференцированный и сложный характер. Такая сложность исследовательской практики находит отражение и в том, каким образом философские размышления получают конкретизацию в дисциплинарных методологических разработках. Так, подход к объяснению, известный как “модель покрывающего закона”, а правило его применения известно как “гипотетико-дедуктивный метод”, стал объектом интенсивной разработки и осмысления как часть методологии исторического познания.

Вопросы, рассматриваемые философией социальных наук в ее метатеоретической функции, во многих отношениях совпадают и соответственно могут быть отнесены к области философии или теории науки, разумеется, прежде всего к той ее части, что связана с социально-научным познанием. Связь между социальной онтологией и метатеоретической функцией философии социальных наук проявляется прежде всего в устремлении к экспликации онтологических предпосылок социально-научных теорий.

Проблематика философии социальных наук как проблематика отношений между философией и социальными науками имеет весьма давнюю историю. Однако поскольку данная работа ориентирована на анализ нынешнего состояния философии социальных наук, то неизбежно в фокусе внимания должна оказаться философская традиция, наиболее влиятельная в настоящее время. Соответственно большинство рассматриваемых в статье позиций относится именно к традиции аналитической философии. Кроме этого “внутрифилософского” обстоятельства отметим другое — в настоящее время социальные науки, прежде всего в их теорети-

ческом компоненте, интенсивнее всего разрабатываются в одном культурном и университетско-институциональном пространстве с аналитической философией.

Социальная онтология и как автономная философская теория, и как важнейший сегмент философии социальных наук стремится решить несколько онтологических задач. Укажем важнейшие из них. Первая задача — попытаться ответить на вопрос о возникновении, оформлении социальной реальности в единой реальности, соответственно ответить на вопрос о месте социальной реальности в единой реальности. Она решается через соотнесение с природной реальностью и антропологической реальностью. Подходы к решению этой задачи определяются общей философской позицией — онтологической схемой, эпистемологическими воззрениями, пониманием философско-антропологической проблематики.

Вторая задача — постичь фундаментальное строение социальной реальности, определить ее базисные элементы (которые могут постулироваться как объектный ориентир социально-научного познания). В качестве элементов фундаментального строения полагаются чаще всего институциональные структуры и человеческая агентность, индивидуальная и коллективная, как способность человека создавать, поддерживать и изменять институциональные структуры.

Таким образом, решение задачи через определение фундаментального строения социальной реальности создает условия для решения третьей задачи социальной онтологии — указать главные источники социального изменения.

Современная онтология стремится тематизировать временное измерение постигаемых реальностей, объяснить механизмы изменчивости и изменения этих реальностей. Тем более такая задача стоит перед социальной онтологией.

Социальная онтология разрабатывается в современной философии как относительно автономный раздел онтолого-метафизической проблематики без эксплицитного соотнесения с социальными и гуманитарными науками. В то же время онтологические концептуализации социальной реальности объективно тематизируют предметную область социальных наук и объективно представляют собой наиболее общие предпосылки исследовательской практики социальных наук.

В такой ситуации философско-онтологические концептуализации социальной реальности выступают в качестве онтологического сегмента того, что принято называть “философией социальных наук”. Разумеется, философско-онтологические концептуализации социальной реальности могут не только спонтанно-объективно служить социальным наукам, но и осознанным образом ориенти-

роваться на тематизацию предметной сферы социальных наук, могут выполнять инструментальную функцию по отношению к социальным наукам. “Разворот” таких концепций в сторону социальных наук, сочленение или интеграция в социально-научное познание осуществляются либо внутри самих социально-онтологических теорий, либо извне.

Онтологические теории социальной реальности могут выполнять целый ряд функций в отношении социальных наук. Они способны выступать как общая интерпретационная или объяснительная рамка социально-научных исследований; служить основой систематизации внутри той или иной социально-научной дисциплины или даже междисциплинарной систематизации. Эти функции философии социальных наук предполагают ту, что можно считать основной, — функцию общего определения исследовательского поля для социальных наук.

Итак, во всякой онтологии социального первостепенное значение имеют вопросы о месте социальной реальности в единой реальности или вопросы о конституировании социальной реальности в рамках единой реальности. Эти вопросы предполагают общую онтологическую схематику.

Так, Ингвар Иогансон утверждает: “Важнейшая онтологическая проблема сегодня — как разместить общество в природе”[1]. Решение этой проблемы возможно в рамках разработки “когерентной системы всех наиболее абстрактных категорий”, нужных для истинного описания мира. Для лучшего понимания природы, человека и общества, а особенно отношений между ними, следует пересмотреть наши самые базисные категории. Более того, “созрело время не только для модификации или возврата к какой-то категории, но и для создания новой категориальной системы”.

Совокупность категорий должна образовать “онтологическую систему”. При разработке такой системы основная трудность заключается в объединении концептуализации природы, отождествляющей ее с “мертвой” материей, с идеей о том, что некоторые понятия, не соотносящиеся с понимаемой таким образом природой, например понятия “действия” и “интенции”, все же соотносятся с чем-то, что обладает реальным существованием.

Разграничение между природой, человеком и обществом может быть осуществлено с помощью категории интенциональности. Соответственно природа тождественна с не-интенциональной частью реальности, а наиболее важной для понимания человека категорией является категория интенциональности. Категория интенциональности является ключевой и для понимания общества. Ведь че-

[1] *Johansson I.* Ontological investigations. L.; N.Y., 1989. P. 37.

ловек и общество немыслимы друг без друга. «Существует только один способ объединить индивидов и общество, — резюмирует И. Иогансон, — сделать это можно с помощью категории интенциональности, а также различных типов “угнездившейся” интенциональности»[2].

“Угнездившаяся” интенциональность означает нерасторжимую связь в человеке между телом и интенциональностью, между биологической природой человека и его социальной природой. Материальное и интенциональное вообще сплетены воедино. Категория “интенциональность” при всем своем фундаментальном значении для существования человека и общества не должна пониматься идеалистически. Соответственно вся система онтологических категорий призвана воплощать и выражать “не-редуктивный материализм”. Единая реальность при ее концептуализации в свете “не-редуктивного материализма” включает “природную материю” и “общественную материю”, природу и общество.

Представленная здесь концепция И. Иогансона выделяется полнотой разработки онтологической проблематики, как она представлена в современной аналитической философии. Мы ограничились реконструкцией тех моментов этой концепции, которые имеют непосредственное отношение к социальной онтологии.

Усиление внимания к проблематике социальной онтологии в последнее время связано во многом и с проектом Джона Сёрла по разработке “общей теории социальной онтологии”. Дж. Сёрл считает, что есть нужда в новой области философии, которую можно было бы назвать “философией общества”, подобно тому как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др. изобрели философию языка в конце XIX — начале XX в.[3]

Дж. Сёрл исходит из того, что поскольку мы живем в одном мире, то должны быть в состоянии точно объяснить, как различные части относятся друг к другу в когерентном целом. В своих работах Дж. Сёрл стремится объяснить, каким образом функционируют ментальность (mind), язык и социальная реальность и каким образом они образуют когерентное целое. Следует показать, что мы живем в одном мире, а не в двух или трех — физическом, ментальном и культурном.

Реальность состоит из физических частиц и силовых полей. Частицы обычно организуются в более крупные системы. На нашей планете некоторые системы представляют собой живые системы, являющиеся членами видов, которые возникли в долговременном

---

[2] Ibid. P. 314.

[3] *Searle J.R.* Mind, languague and society. L., 1999; *Idem.* Making the social world. N.Y., 2010.

эволюционном процессе. Некоторые из таких живых систем являются животными, а некоторые животные обладают нервными системами, способными порождать и поддерживать сознание. Обычно обладающие сознанием животные обладают и интенциональностью.

Вид, члены которого способны к обладанию сознанием и интенциональностью, может продвинуться к коллективной интенциональности. С приобретением коллективной интенциональности вид автоматически приобретает “социальные факты” и социальную реальность.

Человеческое общество как общество, отличающееся от других животных обществ, базируется на некоторых весьма простых принципах. Более того, институциональные структуры базируются, если быть точным, на одном принципе. В высшей степени сложные образования человеческого общества — это различные поверхностные манифестации чего-то общего, лежащего в их основе. Речь идет о поиске единого механизма продуцирования институциональных фактов. Мы используем один формальный лингвистический механизм. Он применяется вновь и вновь с различным содержанием. Все человеческие социальные институты начинают существовать и сохраняют свое существование посредством одной логико-лингвистической операции, которую можно применять повторно сколько угодно. Язык конституирует институциональную реальность, и все человеческие институты являются по существу лингвистическими. Отметим, что практически вся социально-онтологическая концепция Дж. Сёрла представляет собой развернутую экспликацию этого базисного тезиса.

Все институциональные факты и поэтому все статусные функции создаются речевыми актами. Декларативные речевые акты изменяют мир, декларируя, что какое-то положение дел существует, и тем самым вызывает это состояние дел к существованию. За исключением самого языка, вся институциональная реальность и в известном смысле вся цивилизация создаются речевыми актами.

Есть регулятивные правила (делай то-то) и конститутивные. Конститутивные — “X считается Y в контексте C”. Статусные функции вызываются к существованию посредством конститутивных правил. Это же правило относится к самому фундаментальному институту из всех — языку. Институт — это система конститутивных правил, и такая система автоматически создает возможность институциональных фактов.

Статусные функции, существующие в силу коллективной интенциональности, обладают “деонтическими силами”. Они несут права, обязательства и т.п. Деонтические силы обладают уникальным свойством, вероятно неизвестным в животном царстве: как только они получают признание, они начинают снабжать нас при-

чинами действовать, которые независимы от наших склонностей и желаний. Статусные функции — клей, скрепляющий общество. Они создаются коллективной интенциональностью и функционируют, неся деонтические силы.

Социальная и институциональная реальность является объективной реальностью только потому, что мы считаем ее таковой. Коллективное наделение статусными функциями правительств, денег, национальных государств, университетов и т.д., а главное, долгосрочное принятие и признание этих статусных функций за всеми этими институтами заставляют их казаться столь же прочными, как скалы.

Как только происходит отказ от коллективного принятия, институты могут претерпеть неожиданный и даже мгновенный коллапс. Пока же институты как социально созданные механизмы существуют, они обладают каузальной силой, что может служить самым общим объяснением социальной реальности.

Если попытаться сжато реконструировать основной теоретический ход Дж. Сёрла при разработке "онтологии социального и институционального", то его можно представить в следующем виде. Существование социальной институциональной реальности связано с тремя факторами — коллективной интенциональностью, наделением чего-либо какой-то функцией и конституирующими правилами. Соответственно факторами, выраженными этими понятиями, возможно, по мнению Дж. Сёрла, объяснить "всякую институциональную реальность".

Социально-онтологическая проблематика в философии предстает не только как проблематика возникновения и конституирования, но и как проблематика фундаментального строения и функционирования социальной реальности. В настоящее время рассмотрение этой проблематики осуществляется чаще всего через полагание в качестве базисных структурных элементов институциональных структур и агентности человека, т.е. его способности к социальному действию, а также через определение отношений между такими базисными элементами. Анализ отношений между социальными структурами и социальной агентностью, индивидуальной и коллективной, осуществляемый на весьма абстрактном уровне, есть продолжение онтологического анализа социальной реальности. Неслучайно, в частности, что, как мы видели, именно интенциональность, индивидуальная и коллективная, находится в фокусе внимания при разработке социально-онтологической проблематики.

В социально-онтологической перспективе в центре внимания неизбежно должен находиться человек как создатель и ключевое функциональное звено социальной реальности как таковой. Дву-

стороннее отношение между социальным действием и социальной структурой — это всегда процессуальное отношение, означающее динамичное и взаимообусловливающее взаимодействие сторон отношения.

Разработка проблематики отношений между институциональными структурами и агентностью в философии являет определенную специфику по отношению к социально-научному, прежде всего теоретико-социологическому, подходу к этой проблематике. Если говорить очень коротко, специфика эта связана с более дифференцированным вниманием к *субъектности*.

В истории философии представлен весьма широкий спектр концептуализаций отношения социального агента с социально-историческими структурами. Полюсами этого спектра можно считать утверждение о свободной конститутивно-созидательной функции по отношению к социально-историческим структурам, с одной стороны, и утверждение о полном подчинении им — с другой. В современной философии воспроизводятся основные позиции указанного спектра. Конечно, они представлены новыми концептуализациями.

В настоящее время при рассмотрении агентности агентность как способность просто поддерживать и воспроизводить институциональные структуры в качестве основы социального порядка не находится в центре внимания. В конце концов, весь исторический опыт человечества так или иначе свидетельствует о такой способности. В новейшей философской литературе обсуждаются в основном вопросы о способности или неспособности человека к свободному самоопределению в своем социальном действии и существовании. В таком своем качестве, в своей волитивной и целеполагающей природе агентность противопоставляется социально-теоретическим позициям, утверждающим примат факторов, принципиальным образом ограничивающих или детерминирующих человеческое действие.

Таким образом, речь идет прежде всего о социальной агентности как о способности человека создавать и изменять социальный порядок, в том числе базовые институциональные структуры. Индивид как агент предстает в качестве созидателя социального порядка, а в философии истории — и в качестве созидателя истории.

Такая теоретическая позиция может получать полноту и завершенность, если агентность человека понимается как потенциал человека конституировать свою социально-историческую жизнь *сознательно проектируемым и направляемым образом*. Агентность становится субъектностью в полном смысле, социальное действие приобретает характер сознательной социальной субъектности. Такая субъектность может и должна получать коллективное проявление,

становясь интерсубъективностью соответствующего порядка. Представленную здесь позицию можно считать последовательной субъектной формой социальной агентности.

В целом такая идея социального субъекта предполагает социальную зрелость индивидов, их свободную самореализацию, а также формирование разумных общественных отношений и как продукта действующих зрелым образом людей, и как предпосылки осуществления собственного права и воли человека.

Субъект как ответственный агент предстает и как наделенный определенной устойчивой самопреемственностью, принимающий взвешенные и обдуманные решения. Эти решения должны быть ориентиром и целью действий, а сами действия в своей совокупности должны служить реализации определенного проекта, задающего смысл практической жизни. В идеале жизненный проект призван стать средством реализации определенной идеи. Речь идет об идее как об организующем принципе, источнике энергии и мобилизации, ключе к интерпретации жизни и социальных отношений, видении мира, организации знания и жизненной практики. В общем это руководство, позволяющее ориентироваться в реальности и формировать ее.

Отметим следующее. Такая концептуализация социальной агентности как социальной субъектности еще только должна получить реальное воплощение. Первым условием созидания желательной социальной реальности должно стать прежде всего оформление интерсубъективного процесса, в котором индивидуальная субъектная агентность будет постоянно трансформироваться в коллективную агентность, в коллективную инстанцию конституирования желательной социальной реальности. Далее, для того чтобы социальная реальность стала благом, годным к использованию, стала способствующим выживанию и благосостоянию социальным миром, требуются свершения, направленные на его практическое изменение — техническое и морально-политическое. Благой мир должен быть еще создан посредством субъектных, точнее, интерсубъективных усилий всего общества. Так возникает представление об обществе, конституирующем и созидающем себя. А для реализации субъектно-интерсубъективного проекта лучшего, более человечного общества требуется объемная социальная теория, способная указать объективные условия процессуального самопорождения общества.

В современной философии и социальной теории к такой “субъектной” модели социальной агентности наиболее близка социально-философская концепция Юргена Хабермаса. В соответствии с этой концепцией человеческий род как модерновое самоконституирующееся мировое общество рассматривает свои исторические пред-

посылки как материал, которым можно распоряжаться. При этом оно зависимо только от внешней природы и определяется природой человеческих потребностей, “организмом трудящегося человека”.

Проблематика исторического действия индивидуального исторического субъекта в современной социально-философской и философско-исторической мысли чаще всего моделируется в соотнесении с практической и теоретической ситуацией, которая характеризуется как “модерн”. Соответственно эту проблематику применительно к современной теоретической ситуации можно определить как “модерн и субъект”.

Оформление “идеи субъекта” как субъекта социального действия было нерасторжимо связано с общим историческим процессом становления и утверждения модерна. Это нашло свое отражение в теоретической мысли эпохи модерна, в том числе в философии и социологии. Сама мысль модерна есть в той или иной форме размышление о социальном субъекте и субъективности.

В современных разработках, концентрирующихся на проблематике модерна, на передний план выходит индивидуальное социальное действие, а не действие человечества как родового субъекта. Индивид предстает как “субъект”, и анализ фокусируется — в интересующей нас перспективе — на выявлении потенциала социальной субъектности.

Понятно, что современные исследования “модерна”, “радикального модерна”, “постмодерна” сосредоточиваются в первую очередь на современной социальной ситуации, а соотнесение с прошлым выполняет в основном инструментальную функцию по отношению к главному объекту исследования — современности. В этих концепциях, с одной стороны, теоретически фиксируются реальные условия существования субъекта эпохи модерна, а с другой — субъект эпохи модерна предстает как лишь отчасти реализованная возможность, как возможность, которая еще подлежит полной реализации.

Попытаемся реконструировать общее содержание различных современных концептуализаций “субъекта модерна”. Такие концептуализации могут быть ориентированы как на позитивную характеристику и осмысление субъекта модерна, так и на его на критику и даже отрицание его социально-исторической действенности.

Обобщенная современная идеальная концептуализация “субъекта модерна” представляет индивида как наделенное уникальной идентичностью “Я”, неповторимое, уникальное существо, базисной целью которого является самореализация. Индивид способен быть сознательным субъектом социального и культурного процесса. Такой субъект руководствуется прежде всего разумом, именно разум является стержнем субъектной и субъективной самореали-

зации. Создание условий для самореализации такого индивидуально-автономного субъекта предстает как основная цель исторического и культурного процесса. Задача и смысл социальных институтов видятся в том, чтобы обеспечить условия такой самореализации для всех и каждого.

Главное заключается в следующем. Признание "субъекта модерна", какие бы формы такое признание ни принимало, означает признание социальной агентности как субъектности, возможности контроля над социальным процессом.

В этом плане постмодерн означает водораздел в интерпретации и понимании исторического и социального субъекта. Как бы ни представляли себе так называемый постмодерн в будущем, он будет восприниматься как эпоха, которая считала возможным расстаться с понятием субъекта в его традиционалистском или модерновом формате.

Традиционные философские воззрения на субъекта и субъективность подверглись критическому осмыслению в рамках структурализма, постструктурализма и постмодернизма. Субъект как рациональное, определяющее и контролирующее свою историческую ситуацию, вообще ситуацию своего существования существо — вот та теоретическая и идеолого-мировоззренческая модель, которая была провозглашена несостоятельной.

В перспективе постструктуралистов и постмодернистов субъект представляет собой фрагментированное существо, лишенное четко определяемой и устойчивой идентичности. Субъект — это процесс определенного рода, причем процесс в постоянном состоянии растворения, а не пребывающее во времени и сохраняющее свою уникальную определенность "Я".

Постмодернизм рассматривает структуру "Я" как нечто размытое и расчлененное: с одной стороны — как фрагментированное опытом, а с другой — беспомощностью, которую индивиды испытывают перед лицом глобализирующих тенденций социальной и культурной жизни. Ежедневная жизнь формируется как результат вторжения символических систем, массовой культуры, конституирующих мир в моделях и символах, которые делают его абсолютно искусственным. Уже никто не апеллирует к "реальному" объекту, поскольку не делается различия между представлениями об объектах и самими объектами, в мире доминируют искусственные модели. Отношение с миром трансформируется фундаментальным образом, и именно потеря связи с реальным миром вызывает ощущение "пустоты" и "бессмысленности" жизни.

Соответствующая позиция обозначается и как "постгуманизм". Эта позиция является, по существу, определенным моментом постмодернистских воззрений, поскольку предполагается, что ны-

нешняя эпоха — это и постгуманистическая эпоха. Постгуманизм направлен в основном против “проекта Просвещения”, если он рассматривается как потерпевший неудачу, а также против модернового представления о субъекте, поскольку гуманизм представляет собой важнейший составной момент модерна.

Отметим, что рассуждения относительно “конца субъекта” образуют составную, причем весьма значительную часть, так называемой “культуры эндизма” (от англ. *end* — “конец, окончание”). Речь идет о совокупности определенных теорий, провозглашающих завершение исторического существования, соответственно исчерпание социальной и культурной действенности определенных явлений, таких, как история, субъект.

Провозглашение конца таких явлений призвано служить прежде всего целям эмансипации от устаревших, обременяющих и репрессивных идей и установок, в том числе и в практическом плане. (Наиболее ярким примером можно считать тезис о конце истории. Ведь этот тезис можно понимать и таким образом, что нынешнее или будущее социальное и культурное состояние означает конец присущего истории отчуждения.)

Вместе с тем “эндизм” не означает стремления к полному разрыву с прошлым или полного его забвения. Достаточно вспомнить в связи с этим неоднозначное отношение постмодернизма к “эндизму”. С одной стороны, постмодернисты разделяют представление об уникальном своеобразии нынешней эпохи, более того, они очевидным образом находятся в первых рядах тех, кто заявляет о том, что мы вступили в принципиально новое состояние. С другой стороны, постмодернистская культура в соответствии с программной установкой вправе широко использовать ресурсы культуры прошлого, и даже призвана это делать.

Реконструированные социально-онтологические модели агентности и субъектности в нынешних условиях целесообразно расширить за счет обращения к теме, в значительнейшей степени новой для философской рефлексии, в том числе для философской социальной онтологии — возможности изменять с помощью новейших научно-технологических средств саму биологическую природу человека со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. Если говорить коротко, речь идет об осмыслении характера и перспектив человеческого существования, которое не будет однозначно определяться биологической природой человека, обусловленной предшествующим эволюционным процессом, — осмыслении перспектив “постэволюционного существования”. Все это неизбежно затрагивает существенные моменты не только философско-антропологической проблематики, но и проблематики социальной онтологии, позволяет сформулировать целый ряд вопросов,

постановка которых была бы немыслима в другие эпохи. Возможно ли и желательно ли оставаться в рамках традиционных способов понимания понятия *“человек”*? Вероятно, целесообразно пересмотреть это понятие, унаследованное от либерального гуманизма, с тем чтобы создать новые формы этого понятия? Во что мы превращаемся? Кем и чем мы в действительности хотим быть? Какое общество желательно смоделировать, учитывая новые неслыханные возможности науки?

Практически все подходы философской социальной онтологии, как традиционные, так и новейшие, исходят из наличия такой биологической структуры, как “человек”. Эта структура допускает огромную вариативность, эволюционную изменчивость, однако остается устойчивой и во многих отношениях неизменной. Иными словами, человек как биологическое существо понимается как некая неснимаемая, говоря философским языком, “абсолютная” данность. Человек являет неслыханную пластичность в своем социальном и культурном творчестве, но созидается все это многообразие на основе и в рамках определенной биологической структуры.

В современных концепциях “посторганического человека” социальная онтология предстает в увязке с демонстрацией способности человека посредством современной “технонауки” преображать и такое фундаментальное условие устройства социального бытия, как собственная органическая природа. Возможное “посторганическое”, “постэволюционное” существование может восприниматься и как совершенно определенное свидетельство социально-трансформационного потенциала человека. Это есть также ответ на ряд важнейших вопросов социальной онтологии.

Итак, мы реконструировали различные способы понимания и концептуализации социальной агентности. Они простираются от молчаливого, как бы самоочевидного признания способности человека поддерживать и воспроизводить существование базисных социальных институтов, социального порядка до признания полноценной социальной субъектности как потенциальной способности проектировать и созидать желательный благой социальный мир.

При этом в современной социальной онтологии не тематизируются какие-либо всеобщие принципы социально-конструктивной деятельности человека, укорененные в его природе или в каких-то внеположных человеку реальностях. Разумеется, предполагаются определенные ограничивающие эту деятельность моменты природно-физического и природно-биологического свойства. Однако главным фактором, ограничивающим и направляющим социально-созидательную деятельность, предстает сама эта деятельность, точнее, ее уже реализованное содержание в формах наличного социального порядка.

Вообще, мы вправе заключить, что при разработке социальной онтологии и в философии, и в социальных науках в настоящее время очевидно преобладает стремление к концептуализации социальной реальности как открытого, непредопределенного динамичного процесса. Конечно, речь идет именно о социальной онтологии, т.е. каких-то "последних", "базисных" свойствах социальной реальности.

С таким выводом относительно характера разработки социальной онтологии сочетается и другой вывод общего плана. Современные социально-онтологические концепции делают акцент на социально-созидательном потенциале человека. Это касается и генезиса социальной реальности, и вычленения базисных компонентов этой реальности, и указания на источники социальных трансформаций.

Философия социальных наук выступает не только в форме "онтологии социальных наук", о различных вариантах которой шла речь выше. Философия социальных наук традиционно предстает и как философское размышление общего плана о наиболее адекватных методах теоретического познания социального мира.

С XVII в. предпринимаются усилия наделить социально-гуманитарное познание таким же надежным теоретико-методологическим обоснованием, каким обладало мощно утвердившееся новое естествознание. Разумеется, и в настоящее время ведется интенсивная работа в этом направлении как в философии, так и в различных социальных и гуманитарных науках.

В данной работе рассматриваются только некоторые наиболее общие проблемы методологии социально-научного познания. Это, по существу, философские проблемы. Мы исходим из посылки о том, что эти проблемы фактически образуют своего рода основу или каркас многообразных конкретных методов, используемых в социальных науках.

Такая проблематика носит более общий характер в сопоставлении с конкретными методами и методиками. Она присутствует в конкретных методах и методиках в качестве наиболее общих эксплицитных или имплицитных предпосылок. Эти фундаментальные предпосылки конкретных исследовательских методов, используемых социальными науками, можно считать "фоновым методологическим знанием".

При рассмотрении философии социальных наук в ее методологической функции мы сосредоточим внимание на ряде философско-методологических проблем, фактически выполняющих роль основания для всего диверсифицированного комплекса методов различных социально-научных дисциплин. Подчеркнем, что об основании говорится не в смысле "основоположения", на котором воздвигается строение конкретной методологии конкрет-

ных социальных наук. Речь идет о методологических проблемах, которые присутствуют и так или иначе обсуждаются в рамках всякой конкретно-дисциплинарной методологической саморефлексии. Вообще ни о какой иерархии, ни о какой-либо системности в отношениях между философией социальных наук и методологией конкретных социальных наук говорить не приходится.

Как уже отмечалось, философия социальных наук может фактически выступать не только в виде особой философской дисциплины, не только в форме эксплицитных философских рассуждений, но и в форме определенных компонентов объектно-исследовательских или методологических теорий в социальных науках, если эти теории содержат разработки философского характера. Конкретно речь идет о разработках высокого уровня обобщения и обладающих универсальной применимостью.

В этом плане, на наш взгляд, имеет смысл обратиться к методологической проблематике, например, исторической социологии. Дело в том, что эта проблематика фактически реализует указанную методологическую функцию философии социальных наук. Прежде всего это связано с универсалистскими притязаниями исторической социологии. Ведь ее предметной областью являются практически все исторически существовавшие общества. Кроме того, она неизбежно соотносится и с сегодняшней социально-исторической реальностью.

В методологических разработках, осуществленных в рамках исторической социологии, нашел отражение целый ряд важнейших по существу методологических проблем, имеющих отношение ко всему спектру социально-научного познания. Речь идет о методологическом осмыслении и ревизии такого ключевого социально-научного понятия, как “общество”, о некоторых аспектах междисциплинарности, о соотношении между эмпирическим исследованием и теорией. Рассмотрение этих вопросов позволяет составить общее представление о характере методологической работы в современной философии социальных наук.

Современная историческая социология разрабатывается преимущественно в англоязычном мире, прежде всего в Великобритании и США. При всех различиях в понимании характера исторической социологии можно констатировать несомненное преобладание установки на разработку социологической теории исторической жизни человечества. Если говорить кратко, своеобразие исторической социологии заключается в исследовании долговременных процессов социального изменения и оформления крупномасштабных социальных структур. В предметную сферу исторической социологии могут входить также те или иные исторические эпохи или даже отдельные крупные события исторической жизни. Важ-

нейшим направлением исследовательской работы является историческая компаративистика. В этом историческая социология многообразно пересекается с компаративистской социологией, в методологическом плане в том числе.

Еще раз укажем на следующее обстоятельство. Философско-методологическое значение методологические проблемы и разработки исторической социологии приобретают в силу ее особенностей, в первую очередь вследствие специфики ее предметной сферы. Как уже отмечалось, речь идет о соотнесенности этой предметной сферы с многообразием исторически существовавших обществ.

Универсальный характер предметной области исторической социологии обусловливает универсалистскую ориентацию ее методологического оснащения. Такая ориентация проявляется, в частности, в стремлении использовать такое понятие общества, которое было бы применимо к возможно большему числу исторически существовавших обществ. Подобное стремление ведет к пересмотру традиционного "ортодоксального" социально-научного понятия общества, так или иначе скоррелированного с национальным государством и обществом, которое такое государство "содержит". Ревизия традиционного понятия общества влечет за собой и пересмотр целого ряда других теоретико-методологических позиций. Ведь, подчеркнем, объектная и методологическая ориентация на национальное общество и национальное государство привычно играет важнейшую роль в методологическом оснащении социальных наук.

Британский социолог Майкл Манн[4] осуществил исследование предыстории человечества, перехода к цивилизации, истории ранних цивилизаций, исторического пути западной цивилизации, которое представляет собой один из крупнейших исследовательских проектов в области исторической социологии, современной социологической теории вообще.

Значимым методологическим содержанием концепции М. Манна следует считать и критическое размежевание с системной или унитарной концепцией общества, которую он квалифицирует как "социологическую ортодоксию". М. Манн предпринимает попытку представить свое целостное видение "общества" и соотнести это видение с "теоретико-социологической ортодоксией". Он заявляет о том, что намеревается руководствоваться "особым общим подходом к рассмотрению человеческих обществ, расходящимся с теми моделями общества, которые господствуют в социологии и в историографии"[5].

---

[4] *Mann M.* Societies as organized power networks. Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986.

[5] Ibid. P. 1.

Подход М. Манна можно, по его собственным словам, резюмировать в двух утверждениях. Первое утверждение гласит: “Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопространственных сетей власти”[6]. Смысл данного утверждения раскрывается прежде всего через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть “подсистем”, “измерений” или “уровней” у такой тотальности. Так как нет целого, то социальные отношения нельзя свести “в конечном счете” к какому-то системному свойству этого целого, будь то “способ материального производства”, “культурная” или “нормативная система”. В силу того что нет ограниченной тотальности, нет смысла делить изменения или конфликты на “эндогенные” и “экзогенные” разновидности. Не существует социальной системы, и потому нет внутренне присущего ей “эволюционного” процесса. Человечество не подразделяется на ограниченные тотальные образования, вследствие чего не существует “диффузии” форм социальной организации между подобными образованиями. Несуществующая тотальность не может быть социальной структурой, которая “как целое” ограничивает социальное действие. И вообще бесполезно членение на “социальное действие” и “социальную структуру”.

Второе утверждение вытекает из первого. Самым лучшим общим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений “четырех источников социальной власти — идеологических, экономических, военных и политических отношений”. Эти отношения представляют собой: 1) накладывающиеся друг на друга сети социальной интеракции, а не измерения, уровни или факторы какой-то единой социальной тотальности; 2) организации, институциональные средства достижения определенных человеческих целей.

Оценивая концепцию М. Манна в перспективе методологической проблематики, можно прежде всего констатировать, что им предложено предельно общее определение предметной сферы социологии, в том числе предметной сферы исторической социологии. Причем это определение фактически проверено и обосновано на обширнейшем историческом материале. Кроме того, следует указать и на значительное количество конкретных методологических рассуждений и замечаний, включенных в ткань исследования

[6] Ibid.

очень обширного, как только что отмечалось, социально-исторического материала.

Историческая социология уже стала объектом интенсивного изучения. Особый массив образуют работы, ориентированные на методологическое осмысление исследовательской практики и впечатляющих теоретических достижений исторической социологии. При этом мы сосредоточим внимание в первую очередь на методологических разработках, осуществленных в рамках самой исторической социологии.

Важное место в рамках литературы, посвященной метатеоретическому изучению исторической социологии, по-прежнему занимает сборник работ, в которых исследуются методологические подходы, использованные в творчестве главных представителей исторической социологии, под редакцией Теды Скочпол. Т. Скочпол, как известно, сама является одним из главных представителей современной исторической социологии.

Т. Скочпол[7] ратует за универсалистскую открытость исторической социологии, которая не является и не должна становиться только каким-то разделом социологии или какой-то самодостаточной академической специальностью. Подобная открытость должна проявляться как в выборе исследовательской тематики, так и в выборе методологии.

Т. Скочпол подчеркивает, что ошибочно жестко связывать историческую социологию с какой-то определенной теоретической, эпистемологической или методологической ориентацией. Более того, подобная попытка не соответствовала бы исследовательской практике в современной исторической социологии. Выбор исследовательской стратегии и методов должен быть делом выбора со стороны индивидуальных ученых или группы ученых. Они вправе выбирать любые понятия, теории, гипотезы, подходящие для решения их задач. Одним словом, в исторической социологии не должно быть механических рецептов, жестких методологических установок.

Вместе с тем, по мнению Т. Скочпол, можно набросать “карту альтернативных исследовательских стратегий”, которые использовались и, вероятно, будут использоваться в дальнейшем. В связи с этим она выделяет три основные стратегии, сочетающие исторически ориентированные исследования и социальную теорию, в первую очередь социологическую теорию.

Первая стратегия заключается в использовании одной теоретической модели в целях изучения одного или многих объектов, рас-

---

[7] *Skocpol Th.* Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology // Vision and method in historical sociology / Ed. by Th. Skocpol. N.Y., 1991. P. 356–391.

сматриваемых посредством этой модели. Другая стратегия, связанная со скептическим отношением к ценности общих моделей или каузальных гипотез, ориентирована на разработку того, что можно назвать осмысленными историческими интерпретациями. Еще одна стратегия состоит в применении различных, в том числе альтернативных, гипотез с целью выявить определенные каузальные закономерности, объясняющие те или иные исторические процессы или результаты этих процессов.

Исторической социологией проделана колоссальная работа, получены в высшей степени ценные теоретические результаты. Мы вправе утверждать, что уровень, разнообразие и результаты методологической саморефлекции исторической социологии в значительной мере соответствуют ее общим достижениям.

Философию социальных наук в ее метатеоретической функции можно возвести к шестой книге "Системы логики" Джона Стюарта Милля. Здесь предпринимается попытка предложить логико-эпистемологическое обоснование "моральных наук".

В процессе все нараставшей дифференциации социальных наук на передний план выходили работы, посвященные разработке методологических и метатеоретических проблем отдельных социально-научных дисциплин. Чаще всего подобные работы создавались специалистами в этих дисциплинах. Вместе с тем задача разработки философии социальных наук как некоей общей метатеории по меньшей мере основных социальных наук никогда не снималась с повестки дня.

Философия социальных наук в ее метатеоретической функции предстает в виде метатеоретического анализа исследовательских результатов и теорий в различных социально-научных дисциплинах. Более того, она способна взять на себя функцию компаративистского междисциплинарного анализа таких результатов и теорий. При подобном видении философии социальных наук она выступает фактически как некое сведение воедино, как синтез того, что предпринимается в плане метатеоретической рефлексии в рамках самих социальных наук.

Метатеоретические концепции преследуют цели прояснения процесса возникновения социально-научных теорий и анализа структуры готовых теорий, выявления критериев отнесения этих теорий к той или иной теоретической традиции или парадигме. Эти концепции базируются на различии между собственно метатеоретическими задачами и задачами теорий, сосредоточивающихся на исследовании тех или иных явлений социального мира. Философия социальных наук решает вопросы *о* науке, а не вопросы, возникающие *внутри* сферы науки. Ее вопросы — это вопросы "второго порядка". Можно также считать, что перед нами — тео-

рия науки в строгом смысле в применении к социально-научному знанию.

И применительно к философии социальных наук в ее метатеоретической функции, так же как и применительно к другим ее функциям, можно говорить о том, что философия социальных наук выступает как в форме автономных философских рассуждений, так и в форме соответствующих тематических разработок в рамках конкретных социальных наук.

Итак, философия социальных наук в ее метатеоретической функции — это проблемный комплекс, связанный с анализом возникновения, оформления, структуры, функций и идеологических импликаций социологических теорий как готового продукта теоретико-исследовательской деятельности.

В современной литературе образцом метатеоретической концептуализации справедливо считается построение Джеффри Александера[8]. Наиболее важным метатеоретическим вопросом, полагает Дж. Александер, является вопрос о возникновении теории. "Реальный мир" накладывает жесткие ограничения на теоретизирование. В то же время теоретическое рассуждение обладает определенной автономией по отношению к реальному миру. Теории порождаются нефактуальными или неэмпирическими процессами, подчеркивает Дж. Александер, предшествующими научному контакту с миром, в такой же мере, как и структурой этого "реального мира". К нефактуальным процессам относятся прежде всего такие явления, как "интеллектуальная социализация" и "спекулятивное воображение" ученого. В процессе конструирования научных теорий эти явления модифицируются реальным миром, но не устраняются до конца. Поэтому можно сделать вывод о "двустороннем отношении" между теориями и фактами.

Неэмпирическую часть науки следует считать ее "априорным элементом". Носителем этого элемента, по мнению Дж. Александера, выступают традиции. Социология является эмпирической социальной наукой, связанной со строгим тестированием, с фактами, с дисциплиной доказательств и фальсификации. При всем том эти виды научной деятельности развертываются в рамках традиций, считающихся чем-то само собой разумеющимся, не подлежащим строго эмпирической оценке. Такие научные традиции образуют "базисные компоненты" социальной науки. Дж. Александер справедливо отмечает, что современные теоретические дискуссии как раз и вращаются вокруг них — вокруг различных концептуализаций базисных компонентов социальной науки.

Центральное место в концепции Дж. Александера занимает рассуждение о роли "предположений" как наиболее общих посылок

---

[8] *Alexander J.C.* Sociological theory since 1945. L., 1987.

исследовательской практики и их значении в готовых теориях. “Уровень предположений” квалифицируется как набор общих представлений о природе социального действия и социального порядка, а также о характере отношений между ними.

Мы вправе констатировать, что фактически речь идет о базовых элементах социальной реальности, а их концептуализация, включая концептуализацию отношений между ними, есть, по существу, социально-онтологическая концептуализация. Для нас представляется важным сделать вывод о континуумности проблематики философии социальных наук в том плане, что во всех своих функциях и формах эта проблематика базируется на социальной онтологии.

Нетрудно заметить, что рассуждения Дж. Александера фактически воспроизводят повестку дня теории науки применительно к сфере социально-научного познания. Речь идет о процессах возникновения и оформления теорий, о выявлении структурных уровней, а также компонентов теории в виде используемых моделей. В концепции Дж. Александера мы видим и присущее постпозитивистской теории науки стремление определить принадлежность рассматриваемой теории к той или иной научной парадигме.

Метатеоретическое построение Дж. Александера базируется на анализе обычных исследовательских социологических теорий. Немецкий же социолог Андреас Балог[9] делает предметом своих метатеоретических рассуждений сами метатеории. Речь идет о теориях, исследующих теории социологического знания, в противоположность теориям о социальных системах общества или о каких-то содержательных сферах, которые образуют предметную сферу социологических исследований. Такие метатеории в силу всеобщности своих притязаний находятся в конкуренции друг с другом.

Плюрализм подобных метатеорий не является чем-то новым. Классики различным образом определяли предметную сферу, форма объяснения ими увязывалась с “различными методическими идеалами”. Различными были и их представления относительно надлежащей формы объяснения, что также связано с “различными методическими идеалами”. Удивительно то, что дальнейшее развитие привело к еще большему увеличению и закреплению различий.

Ввиду указанных различий требуется, по мнению А. Балога, какая-то надстоящая общая точка зрения, делающая возможным сопоставительный анализ метатеорий. Наряду с классифицирующим подходом, размещающим различные отдельные подходы (например, марксизм, теория систем и символический интеракционизм), есть попытки выделять различные уровни обычных исследовательских теорий. Такие метатеоретические попытки у всех авторов де-

[9] *Balog A.* Neue Entwicklungen in der soziologischen Theorie. Stuttgart, 2001.

монстрируют “сходную формально-иерархическую структуру”, даже если в содержательном отношении не имеется в виду одно и то же.

Какими могут быть критерии анализа “метатеоретического фона”? Трудность заключается в том, что последние метатеоретические посылки как основное содержание этого фона не могут подвергнуться проверке посредством эмпирического материала. Однако это обстоятельство не должно вести к признанию того, что указанные посылки следует просто принимать, как это утверждают приверженцы постмодернистской социологии.

А. Балог отстаивает альтернативную по отношению к только что описанной возможность “анализа и критики”. Он руководствуется тем, что теории социологического знания, или метатеории изначально направлены на то, чтобы ответить на определенные вопросы. Должна учитываться не только эксплицитная программатика, но и результаты теоретических анализов.

Поскольку ответы могут оцениваться только с учетом вопросов, на которые они служат ответом, то реконструкция таких вопросов образует предпосылку оценки теорий. Следует рассмотреть ответы на четыре вопроса: 1) как осуществляется концептуализация социальных обстоятельств? 2) каковы принципы социологического объяснения? 3) как происходит объяснение социальной интеграции? 4) каковы критерии социологической критики общества?

А. Балог отмежевывается от стандартного подхода в метатеории социологического познания, высоким образцом которого он считает метатеоретическое построение Дж. Александера, реконструированное нами выше. Стандартный подход ориентирован на то, чтобы посредством метатеоретической рефлексии определить различные уровни той или иной общей социологической теории, упорядочить их иерархическим образом. Все это призвано отделить “априорные” элементы теории от тех данностей социальной реальности, которые становятся объектом исследования. А. Балог в своем подходе также стремится к отделению неэмпирического, заранее заданного содержания в теориях, занимающихся исследованием социальной реальности. Отличие его метатеоретического подхода от того, что он считает стандартным подходом, состоит, во-первых, в использовании метода вопроса и ответа и, во-вторых, в отказе от формальной иерархизации уровней в конкретной социологической теории.

Одним из “сквозных” тезисов данной работы служит утверждение о том, что философия социальных наук предстает и в форме автономных философских рассуждений соответствующей направленности, и в форме определенных концепций в рамках научных дисциплин. Этот тезис получает наглядное подтверждение на примере того, что названо метатеоретической функцией философии

социальных наук. Выше были рассмотрены социологические концепции, решающие метатеоретические задачи применительно к теоретико-социологическому знанию. Эти задачи решаются на столь высоком уровне анализа и обладают столь высоким потенциалом применимости ко всему социально-научному дисциплинарному комплексу, что у нас есть все основания квалифицировать указанные концепции как относящиеся к философии социальных наук.

Философия социальных наук, анализу современного состояния которой посвящена работа, — область философских исследований отношений между философией и социально-научным познанием. Философия социальных наук в ее современном состоянии связана прежде всего с онтологической проблематикой, с проблематикой социальной агентности, индивидуальной и коллективной, с разработкой адекватного метода постижения социальной реальности, с вопросами философского анализа и обоснования социально-научных теорий как результата исследовательской практики социальных наук.

При разработке социально-онтологической проблематики и в генетической, и в структурной перспективе основной упор делается, как показывает анализ, на созидательном потенциале человека. В связи с этим резюмируем в общих чертах то понимание социального агента, которое очевидно преобладает в современной философской литературе. Социальный агент — это телесно-эмоциональный и рефлектирующий индивид, действующий в исторически и социально-конкретных, ограниченных и даже случайных жизненных и социальных условиях. Несмотря на потенциально свободно осуществляемую им организацию происходящего, он остается обусловленным происходящим. Человек способен созидать общество и историю, способен постоянно продуцировать новые формы своего существования. Эти же формы оказывают обратное формирующее воздействие на человека. Место и время исторического существования и действия определяет, каков тот или иной индивидуальный человек.

При обращении к методологической функции философии социальных наук объектом рассмотрения стали предельно общие проблемы, образующие своего рода теоретико-методологический каркас социально-научного познания. Вне сферы внимания остались методы конкретных эмпирических исследований, техник наблюдения и измерения, способы тестирования и т.п. Значительное разнообразие таких методов определяется, как известно, не только разнообразием исследуемых объектов, но и приверженностью различным теоретическим парадигмам и традициям. А такие парадигмы и традиции в той или иной форме присутствуют в конкретных исследованиях, даже если заявляется об их отсутствии или об от-

казе от них. Таким образом, общие методологические проблемы имеют отношение не только к теоретическому в узком смысле, но и к конкретно-эмпирическому, социально-научному познанию, по меньшей мере в опосредованной форме.

Философия социальных наук в ее метатеоретической функции предстает в виде метатеоретического анализа исследовательских результатов и теорий в различных социально-научных дисциплинах. Более того, она способна взять на себя функцию компаративистского междисциплинарного анализа таких результатов и теорий. При подобном видении философии социальных наук она выступает фактически как некое сведение воедино, как синтез того, что предпринимается в плане метатеоретической рефлексии в рамках самих социальных наук.

Традиционно в философии социальных наук значительную роль играли вопросы ценностной и мировоззренческой ориентации исследователя и соответствующего содержания в теоретической продукции. В настоящее время внимание к ценностно-мировоззренческой проблематике заметно снизилось. Связано это прежде всего с ослаблением роли и значения социальной критики в социально-научном познании. Разумеется, эта проблематика не исчезает полностью. Нейтрализуется ее острота, и она вытесняется на периферию метатеоретической и методологической проблематики социально-научного познания. Это обстоятельство следует считать весьма важной характеристикой современной философии социальных наук.

В целом философия социальных наук остается актуальной областью философских исследований, востребованной как средство осмысления практики и результатов социально-научного познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кимелев Ю.А. “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006. (*Kimelev Ju.A.* “Subjekt” i “subjektivnost’” v sovremennoj zapadnoj social’noj filosofii. M., 2006.)

Кимелев Ю.А. Западная философская антропология на рубеже XX–XXI вв. М., 2007. (*Kimelev Ju.A.* Zapadnaja filosofskaja antropologija na rubezhe XX–XXI vv. M., 2007.)

Кимелев Ю.А. Западная философия истории на рубеже XX–XXI веков. М., 2009. (*Kimelev Ju.A.* Zapadnaja filosofija istorii na rubezhe XX–XXI vekov. M., 2009.)

Кимелев Ю.А. Методология социальных наук: современные дискуссии. М., 2011. (*Kimelev Ju.A.* Metodologija social’nyh nauk: sovremennye diskussii. M., 2011.)

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализированного модерна и постмодерна. М., 1996. (*Kimelev Ju.A., Polja-*

kova N.L. Sociologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i postmoderna. M., 1996.)

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. (*Poljakova N.L.* XX vek v sociologicheskih teorijah obshchestva. M., 2004.)

Полякова Н.Л. Методологическая саморефлексия социологии в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. “Спор о позитивизме” // Вестн. Моск. ун-та. 2012. № 4. С. 24–52. (*Poljakova N.L.* Metodologicheskaja samorefleksija sociologii v konce 60-h — nachale 70-h gg. XX v. “Spor o pozitivizme” // Vestn. Mosk. un-ta. 2012. N 4. S. 24–52.)

Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX — начала XXI в.: отход от “социологической ортодоксии” // Вестн. Моск. ун-та. 2011. № 4. С. 76–93. (*Poljakova N.L.* Metodologicheskie osnovanija postroenija teorii obshchestva v sociologii kontsa XX — nachala XXI v.: othod ot “sociologicheskoj ortodoksii” // Vestn. Mosk. un-ta. 2011. N 4. S. 76–93.)

Abrams Ph. Historical sociology. Ilhaca; N.Y., 1993.

Acham K. Philosophie der Sozialwissenschaften. Freiburg; München, 1983.

Alexander J.C. Sociological theory since 1945. L., 1987.

Balog A. Neue Entwicklungen in der soziologischen Theorie. Stuttgart, 2001.

Braybrooke D. Philosophy of social science. Englewood Cliffs, 1991.

Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. Bd. l: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Mein, 1997.

Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. Bd 2: Zur Kritik der funktionalischen Vernunft. Frankfurt am Mein, 1997.

Hollis M. The philosophy of the social sciences. Cambridge, 1994.

Hollis M. Philosophy of social science // The Blackwell companion to philosophy / Ed. by N. Bunnin, E.P. Tsui-James. Oxford, 2003. P. 375–402.

Johansson I. Ontological investigations. L.; N.Y., 1989.

Mann M. Societies as organized power networks. Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986.

Skocpol Th. Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology // Vision and method in historical sociology / Ed. by Th. Skocpol. N.Y., 1991. P. 356–391.

Searle J.R. Mind, languague and society. L., 1999.

Searle J.R. Making the social world. N.Y., 2010.

Sibilia P. El hombre postorganico. Cuerpo, subjetividad y tecnologias digitales. Buenos Aires, 2005.

Smith D. The rise of historical sociology. Philadelphia, 1991.

Touraine A. Critique de la modernité. P., 1998.

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИОЛОГИЯ В СТРАНАХ АЗИИ, АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ**

В статье рассматриваются основные тенденции и проблемы в развитии социологии в странах Африки и Латинской Америки. Автор выделяет ряд подходов в отношении места "незападной социологии" в системе современного социологического знания, а также пытается выделить специфические черты социологического знания в каждом регионе. Особое внимание уделяется творчеству (работам) ключевых социологов ЮАР, Аргентины, Бразилии, Чили и Мексики.

Ключевые слова: *"незападная социология", региональная автономия социологии, социологическая имитация, интеграция, адаптация, социология африканеров, концепции зависимого развития.*

The paper examines the main trends and challenges in the development of sociology in Africa and Latin America. The author identifies a number of approaches in relation to the place, "non-Western sociology" in the system of modern sociological knowledge, as well as tries to identify the specific features of sociological knowledge in each area. Particular attention is given to creativity (works) of key sociologists in South Africa, Argentina, Brazil, Chile and Mexico.

Key words: *"non-Western sociology", a regional autonomy of sociology, sociological imitation, integration, adaptation, sociology of Afrikaners, the concepts of dependent development.*

Социология в странах Африки

На Африканском континенте социология получила интенсивное развитие относительно недавно (с 20-х гг. XX в.), однако этой академической дисциплиной уже накоплен большой опыт реализации исследовательских проектов по традиционным социологическим проблемам — общественного здоровья, семьи, социальных движений, конфликтов и т.п. Примером сочетания классических социологических концепций и региональной специфики представляется процесс становления и развития социологии в Южно-Африканской Республике (ЮАР).

К сожалению, в отечественной социологической литературе на эту тему имеется лишь одна специфическим образом сокращенная

* **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: RASRSS@mail.ru

** Окончание. Начало в № 4 за 2013 г.

и не во всем корректно переведенная выдержка[1] из очень объемного труда зарубежных исследователей — Ш. Алли, К. Муни и П. Стюарта "Профинансированная государством и централизованная институционализация академической дисциплины: социология в Южной Африке 1920–1970"[2].

Сама эта монография в сочетании с обращением к информационным ресурсам позволяет получить представление об основных вехах и тенденциях развития социологии в этой стране.

Появление социологии в ЮАР связывают с публикацией идеологом сегрегации **Морисом Сметурстом Эвансом** (1854–1920) двух книг "Черные и белые в Юго-Восточной Африке: социологическое исследование"[3] (1911) и "Черные и белые в южных государствах: исследование расовой проблемы в США с южноафриканской точки зрения" (1915)[4].

Однако официально началом институционализации социологической науки в Южной Африке считают 1918 г. Именно в этом году Южноафриканская ассоциация содействия науке приняла решение о поддержке системного антропологического и социологического изучения коренного населения в ЮАР и инициировала создание соответствующих научных комитетов. Известно, что роль "катализатора" в утверждении социологии в качестве академической дисциплины в ЮАР сыграл миссионер и профессор Университета Нью-Хэмпшира **Чарльз Уильям Колтер** (1879[5]–1909)[6].

В первый период развития социологии, который датируют 1920–1950 гг., социологическое знание в этой стране отличали многоплановость и полемичность, обусловленные специфической социально-политической ситуацией. Великая депрессия, упадок резерваций, неконтролируемая урбанизация и кризис расовой сегрегации обусловили крупные структурные сдвиги в большинстве общностей страны, приведшие к изменению социальной системы в целом. Они и предопределили характер институционализации социологии в 30-е гг. XX столетия, испытывавшей острый недостаток теорий социального порядка и социальной помощи. В этот

---

[1] См.: *Алли Ш., Муни К., Стюарт П.* Социология в ЮАР (1920–1970) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 120–127.

[2] *Ally S., Mooney K., Stewart P.* The state-sponsored and centralised instituonalisation of an academic discipline: sociology in South Africa 1920–1970 // Social Transformation. 2003. Vol. 34. N 1. Chapter Six. Discursive Platforms: Research Institutes, Academic Texts and Government Commissions. P. 231–289.

[3] *Evans M.S.* Black and white in South East Africa, a study in sociology. L.; N.Y., 1911.

[4] *Evans M.S.* Black and white in the Southern States, a study of the race problem in the United States from a South African point of view. L.; N.Y., 1915.

[5] Дата рождения не подтверждена.

[6] *Coulter C.W.* Problems arising from industrialization of native life in Africa // American Journal of Sociology. 1935. N 3.

период в университетах этой страны сформировались ведущие социологические направления, хотя сами социологи данных учебных заведений были стабильно ориентированы на социальную работу.

Одним из направлений была так называемая “социология африканеров”, представители которой пытались узаконить и информационно подкрепить политику апартеида с помощью социологии.

Первым, главным идеологом этого направления (как и апартеида) был профессор социологии Стелленбосского (Stellenbosch) университета[7] **Хендрик Френс Фервурд** (1902–1966), который строил преподавание на базе модели американской социологии аналогичного периода, в которой в качестве основной задачи рассматривалось практическое решение острых социальных проблем, в том числе бедности и преступности. Вторым его идеологом считается **Джеффри Кронже** (1907–1992), который с 1934 г. был старшим преподавателем, а с 1936 г. — профессором социологии в Университете Претории. Д. Кронже занимался теорией происхождения народов и решением “расового вопроса”, выступал за расовую сегрегацию. В своих работах он утверждал, что расовые проблемы в ЮАР не исчезнут до тех пор, пока будут сохраняться связи и отношения между белыми и “небелыми”[8]. Книга Д. Кронже “Дом для потомков”, посвященная “африканерским матерям, защитницам чистоты крови буров”[9], считается первым фундаментальным изложением идей апартеида.

Другое направление образовывала так называемая “англоязычная социология”, основанная на британской модели социологии, сконцентрированной на социальной работе и социальной инженерии. Англоязычные социологи, оставаясь приверженцами британских либеральных социально-политических концепций, приняли и соответствующую им трактовку теории и практики социологии. Они сводили предмет социологии к “социальной инженерии” — научному обеспечению программ в рамках “социальной работы” — воспитанию и улучшению социального благосостояния широких слоев населения ЮАР, преимущественно его белой части.

Одним из родоначальников этого направления был **Джон Линтон Грей**[10] — первый профессор социологии в Университете Витва-

---

[7] Стелленбосский университет находится в г. Стелленбос в Западно-Капской провинции на юго-западе ЮАР, сегодня относится к ведущим университетам Южного полушария. В годы апартеида он был предназначен для белых, говоривших на языке африкаанс, и являлся одним из центров африканерской культуры.

[8] См. труды Д. Кронже: *Cronje G.* Justifiable race separation. Stellenbosch, 1947; *Idem*. South Africa’s cultural significance in the world. Stellenbosch, 1970; *Idem.* The delinquent as a personality: the concept of bio-psycho-sociocriminological causality (Manualia / UNISA). Stellenbosch, 1982.

[9] *Cronje G.* A home for posterity. Stellenbosch, 1945.

[10] Годы жизни не установлены.

терсранда (Witwatersrand), прослывший убежденным либералом. Он преподавал социологию в соответствии с принципом объективного или научного подхода к современным социальным проблемам, с акцентом на сравнительных исследованиях[11]. Этот исследователь определял социологию как науку, нацеленную на "использование общепринятых научных процессов в целях служения идеям гуманизма". Данное определение и ориентировало направленность изучения социологии на большинстве социологических факультетов в университетах английского типа, особенно в Кейптауне. Вслед за Дж. Греем изучение социологии в других университетах Южной Африки концентрировалось на проблемах адресной социальной помощи, "белой нищеты" и других актуальных темах общенационального характера. Следует отметить, что вехой на пути к повышению эффективности социальных исследований по данным проблемам стало создание правительством Бюро по статистике и информации (1928) и Национального бюро по образованию и социальным исследованиям (1929).

Одним из первых институциональных шагов по размежеванию "социологов-африканеров" и "англоязычных социологов" стало учреждение в 1929 г. Института расовых отношений, что повлекло за собой широкое распространение социологии африканеров. Социологи этого направления стали оказывать влияние на политику правительства и в конечном итоге обеспечивали поддержку апартеиду. Тем не менее в 1935 г. небольшая группа видных африканеров-интеллектуалов приняла решение покинуть Институт расовых отношений по причине его "либеральных симпатий" и учредила Южноафриканский союз расовых исследований, призванный стать "мозговым трестом" апартеида.

Следующий этап в развитии социологии в ЮАР (1950–1970) был связан с получением этой страной в 1950 г. независимости от Великобритании. Либеральную традицию "англоязычных социологов" продолжил профессор социологии Стелленбосского университета, проработавший в этой организации более 30 лет, первый президент Южноафриканской социологической ассоциации **Стефанус Петрус Сильерс** (1925–2002). Однако приоритетное значение этот ученый уже придавал не идеям "социальной инженерии", а положениям структурно-функциональной теории Т. Парсонса[12].

---

[11] *Gray J.* The comparative sociology of South Africa // The South African Journal of Economics. 1937. Sept. Vol. 5. N 3.

[12] См. работы С.П. Сильерса: *Cilliers S.P.* The coloureds of South Africa: a factual survey. Cape Town, 1963; *Idem.* The origins of sociology in South Africa. Paper delivered at the XV Congress of the Association for sociology in Southern Africa. Johannesburg, 1984; *Idem.* Patterns of migration and settlement in rural South Africa. Research Unit for sociology of development. Stellenbosch, 1986; *Idem.* Managing rapid urbanization. Research Unit for sociology of development. Stellenbosch, 1989.

Тем самым С.П. Сильерс стремился укрепить теоретическую базу южноафриканской социологии, что содействовало отделению собственно социологии от социальной работы. В результате в проанглийских университетах ЮАР укрепилась модель американской социологии, нацеленная на искоренение социальных "патологий", вызванных к жизни урбанизацией и индустриализацией.

Важно отметить, что большой вклад в разработку проблем урбанизации и адаптации африканцев к городской жизни внес Институт расовых отношений Южной Африки. Его сотрудники проводили социологические исследования, в частности сфокусированные на проблемах, присущих всем рабочим пригородам крупных городов.

В этот период значительно расширилось влияние социологии африканеров: ее идеологи оказывали сильнейшее влияние на формирование политики страны. Интерес к "межгрупповым конфликтам в плюралистических обществах" определял теоретическую конструкцию расизма, обеспечивавшую более весомые оправдания политики апартеида. В африканерских вузах социологи активно изучали криминологию ("девиантное поведение черных"), демографию (перенаселение черных, миграция и развитие), современные технологии управления (базовая линия бедности) и производительность труда чернокожего населения.

Изменился и характер преподавания социологии в африканских университетах. Учебные планы и публикации стали в них наиболее содержательными в теоретическом плане, при этом в них по-прежнему акцентировалось внимание на проблемах бедности, вопросах семьи и религии, но теперь с точки зрения структурного функционализма.

В 1954 г. Национальное бюро по образованию и социальным исследованиям переименовали в Национальный совет социальных исследований; в 1967 г. социологи ЮАР создали первую в стране профессиональную ассоциацию — Южноафриканское социологическое объединение и учредили его печатный орган — "Южноафриканский журнал социологии".

В 70-х гг. XX столетия начался современный этап развития социологической науки в ЮАР. С 1970-х гг. в Южноафриканском регионе произошла существенная трансформация принципов и приемов социологического знания, нацеленных на учет культурных традиций и социальной специфики развивающихся стран.

Эра постапартеида определила новый социальный порядок, который потребовал создания отличной от американской модели социологии, которая бы отвергла единственную цель развития — либерализацию — в пользу более комплексных альтернативных траекторий. Это в свою очередь задало тон новым исследовательским программам, которые должны были критически проанализи-

ровать социальную базу различных стратегий развития. Подобные исследовательские программы предполагают автономное пространство для рефлексии и дебатов, непредвзятых исследований и анализа. Они требуют конструктивного сотрудничества социологов независимо от их теоретических разногласий и политических предпочтений. Другими словами, речь идет о новой профессиональной социологии в ЮАР, которая бы задавала направленность и придавала соответствующий пафос публичным дискуссиям[13].

Следует отметить, что ключевая проблема региона — динамика развития его стран — сегодня находится в центре внимания обществоведов не только ЮАР, но и многих других государств Африки. Так, актуальным является социологический анализ типичных ошибок руководящих кругов стран "третьего мира" в постколониальное время. Социологами установлено, что неудачи в развитии часто были следствием выявленного исследователями набора ошибочных действий и стереотипов конкретных групп людей.

Социологи африканских государств стали осознавать, что нельзя объяснить и понять происходящие здесь процессы, если смотреть на них "глазами Запада". В частности, нигерийский социолог **Акинсола Ауоделе Акивово**, специалист по проблемам модернизации, национальным и этническим движениям в Африке, показал, что западноевропейские теоретические концепции не способствуют пониманию и объяснению социальных процессов в африканских странах, где то, что феноменологи называют "body behaviour" (дословно — "поведение (язык) тела"), важнее, чем артикулированное действие. Он отмечал, что из нигерийских парламентских протоколов западный исследователь ничего путного не извлечет. Существенно, с какой интонацией и ужимками депутат произносит свою речь. Она может быть формально расценена как направленная на поддержку некоторого закона, но парламентарии ясно улавливают: оратор решительно против его принятия[14].

На этой почве возникло особое направление в африканской социологии знания, опирающееся на понимание социальных процессов в африканских обществах в контексте особых смыслов социальных отношений, как они отражаются в африканской устной поэзии[15]. Специфичность африканской социологической традиции стала также проявляться в антропологизме и этнографичности, обращениям к изучению фольклора и преданий.

---

[13] *Burawoy M.* Public sociology: South African dilemmas in a global context // Society in Transition. 2004. N 35 (1). P. 11–26.

[14] См. подробнее: *Akiwiwo A.A.* Contributions to the sociology of knowledge from an African oral poetry // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow, E. King. L., 1990. P. 103–118.

[15] Примером тому является творчество Леопольда Седара Сенгора (1906–2001), крупнейшего поэта, философа, социолога и политика из Сенегала.

Социология в странах Латинской Америки

Латинскую Америку часто считают регионом, с которым у постсоветских стран удивительно много общего в политических судьбах и сценариях социального развития. Это обстоятельство предопределило заметное число исследований, проводящих сравнение между посткоммунистическими странами и государствами Латиноамериканского континента. Подобный интерес был связан с попытками применить ко всему бывшему социалистическому лагерю концепции перехода к демократии и рынку, разрабатывавшиеся изначально для отдельных стран Латинской Америки. Однако подобные исследования обычно ограничиваются анализом политических и макроэкономических трансформаций[16], а социальные изменения остаются за их рамками. В данной связи достаточно сложно найти какой-либо цельный и систематизированный материал как о становлении социологии в этом регионе в целом, так и о направленности исследований первых социологов Аргентины, Бразилии, Мексики или Перу. В основном изначально они были самобытными философами, соответственно многие их идеи о социологической науке опирались на их философию.

Например, творческая эволюция аргентинского философа, психолога, социолога, общественного и политического деятеля **Хосе Инхеньероса** (1877–1925) трактовалась в советской философии как движение от аргентинского позитивизма к материализму и марксизму. Сам Х. Инхеньерос определял свою теоретико-методологическую позицию как “философию человека, идеала и моральных ценностей” или как “новую метафизику будущего”[17]. При этом социология понималась им как естественная наука, изучающая общую эволюцию человеческого рода и частную эволюцию общественных групп[18].

Мексиканский философ и социолог **Антонио Касо** (Антонио Касо Андраде (1883–1946)) вошел в историю науки как создатель концепций философии “очищенного христианства” и “филосо-

---

[16] См., например: *Урета Э.А.* В каком направлении движется чилийская экономика // Латинская Америка. 1996. № 7; *Клочковский Л.Л.* Современные тенденции мирохозяйственного развития и Латинская Америка // Латинская Америка. 1997. № 12; *Питовранова Н.Е.* Боливийская модель модернизации экономики // Латинская Америка. 1997. № 11; *Рамос Д.* Неолиберализм в Латинской Америке // Латинская Америка. 1996. № 1; *Шеншин А.Е.* Экономические реформы в развивающихся странах и Россия // Российская Федерация на рубеже столетий: макроэкономика. М., 2003.

[17] http://enc-dic.com/sociology/Inheneros--Hose-2874/

[18] Основные работы Хосе Инхеньероса: “Латиноамериканская эволюция” (1901); “Симуляция в борьбе за жизнь” (1902), “Основы психологии” (1911), “Средний человек” (1913, работа, предвосхитившая многие концепции неклассической социологии), “К морали без догм” (1917), “Аргентинская социология” (1917).

фии латиноамериканской сущности", представлявших, по сути, версию культурно- и религиозно ориентированной философской антропологии[19].

В основу своей концепции этот ученый положил принцип "сознательного эклектизма", подчиненный требованию отбора адекватного мексиканскому контексту материала, способствующего преодолению подражательности по отношению к европейским теориям и традициям. Философия мыслилась А. Касо как принципиально открытый тип целостного знания, следующий за конкретными социокультурными историческими контекстами. Она не может быть непосредственно "заимствована" из чужого опыта (поэтому бесполезно копировать в Латинской Америке европейские теории и институты), сведена к универсальным по отношению к данному опыту схемам, которые пытается формулировать позитивизм, и выведена из его принципов. Социология же, по А. Касо, глубоко позитивна, она стремится свести "человеческие события" к научным законам, продуцирует несамодостаточное и неуниверсальное знание[20].

Следует отметить, что многие ученые-обществоведы, в том числе и социологи, из стран Латинской Америки одновременно являлись государственными деятелями. Возможно, что именно этот факт обусловил специфику развития социологии в этом регионе — появление так называемой "участвующей социологии", когда обсуждение социальных проблем в длительных дискуссиях политически активных деятелей имеет ближайшим последствием непосредственные практические решения.

Например, виднейшим бразильским социологом считается государственный деятель из Бразилии **Жильберту де Мелу Фрере** (1900–1987). В 1946 г. он вошел в комитет по созданию новой бразильской конституции, был депутатом нижней палаты конгресса, в 1949 г. представлял Бразилию на Генеральной Ассамблее ООН. Как социолог Ж. де Мелу Фрере приобрел международную известность после публикации книги "Хозяева и рабы" (1933) — очерка взаимоотношений между португальскими колонизаторами и африканскими рабами, а затем работ "Порядок и прогресс: Бразилия от монархии к республике", "Особняки и трущобы", "История Бразилии: исследование развития бразильской цивилизации", "Новый мир в тропиках: культура современной Бразилии", "Мать и сын: бразильская повесть" и др.[21]

---

[19] Основные работы Антонио Касы: "Философия и моральные доктрины" (1915), "Современные проблемы философии" (1915), "Существование как экономия, незаинтересованность и милосердие. Очерк о сущности христианства" (1924), "Позитивизм, неопозитивизм и феноменология" (1924), "Социология" (1943), "Мексика: заметки об отечественной культуре" (1943).

[20] http://enc-dic.com/sociology/Kaso--Antonio-3803/

[21] *Freyre G.* Order and progress: Brazil from monarchy to republic. Greenwood, 1980; *Idem*. The mansions and the Shanties = Sobrados e mucambos. Greenwood, 1980; *Idem*.

Современный аргентинский обществовед **Данте Мариа Антонио Капуто** (род. в 1943 г.) имеет степень доктора в области политической социологии, полученную в Институте высших латиноамериканских исследований Парижского университета, изучал международные отношения в Туфтском и Гарвардском университетах. С 1972 по 1978 г. он являлся директором Центра социальных исследований и государственного управления Аргентины и отвечал за осуществление ряда национальных и международных научно-исследовательских проектов по проблемам демократизации, результаты которых нашли отражение в его научных трудах[22].

Статус наиболее известного латиноамериканского социолога второй половины XX в., несомненно, принадлежит **Фернандо Энрике Кардозу** (род. в 1931 г.), который получил социологическое образование, а затем приобрел популярность в качестве общественно-политического деятеля и был избран президентом Бразилии.

Ф. Кардозу — автор исследований по теории и методологии социологии и актуальным проблемам бразильского общества, глобализации и регионального развития[23]. С 1982 по 1986 г. он являлся президентом Международной социологической ассоциации, а в 2005 г. британский журнал "Перспектива" внес этого ученого в список ста ведущих интеллектуалов мира.

Наиболее известной социологической работой Ф. Кардозу, которую он написал в соавторстве с чилийским социологом **Энцо Доменико Фалетто** (1935–2003)[24] и которая признана классикой обществоведческой мысли, является "Зависимость и развитие Ла-

---

History of Brazil: study in the development of Brazilian civilization. Greenwood, 1971; *Idem*. New world in the tropics: the culture of modern Brazil. Greenwood, 1959; *Idem*. Mother and son. A Brazilian tale. Greenwood, 1967.

[22] *Caputo D.* El proceso de industrialización Argentino entre 1900 y 1930. P., 1970; *Idem*. El rol del sector público en el cambio de la sociedad Argentina entre 1930 y 1958. Doctoral thesis. P., 1972; *Idem*. Democratic culture and governance. P., 1992; *Idem*. América Latina y las democracias pobres. Ediciones del quinto centenario. Madrid, 1992; *Idem*. Política, dinero y poder — un dilema para las democracias de las Américas. Mexico, 2011.

[23] *Cardoso F.H.* Homem e sociedade — leituras basicas de sociologia geral. Cebrap, 1980; *Idem*. Political regime and social change: some reflections concerning the Brazilian case (occasional papers in Latin American studies). San Francisco, 1981; *Idem*. The new global economy in the information age: reflections on our changing world. Pittsburg, 1993; *Idem*. The impact of globalization on developing countries: risks and opportunities. San Francisco, 1996; *Idem*. Reforming the state: managerial public administration in Latin America. Cebrap, 1999; *Idem*. Charting a new course: the politics of globalization and social transformation. Cebrap, 2001; *Cardoso F.H.* et al. Sobre teoria e metodo em sociologia. Cebrap, 1971.

[24] См. собственные социологические труды Э. Фалетто: *Faletto E.* Transformaciones culturales e identidades sociales: an article from: revista chilena de humanidades. Sant Yago, 2005; *Idem*. Dimensiones sociales, politicas y culturales del desarollo: antologia. Catalonia, 2007.

тинской Америки. Опыт социологической интерпретации"[25]. В этой книге авторы на примере исторического опыта Латинской Америки к исходу 60-х гг. XX в. одними из первых предприняли серьезные аналитические усилия для преодоления "перегородок", разделяющих экономические, социологические и политологические знания в трактовке интегрального процесса общественного развития этого региона. Значительная часть книги представляет собой синтетическое изложение конкретных ситуаций конкретных стран, через которые прослеживаются общие и типические тенденции, выявляются траектории и механизмы процесса общественного развития.

Ф. Кардозу и Э. Фалетто считаются создателями концепции "зависимо-ассоциированного общества". Первоначально Ф.Э. Кардозу пришел к идее "субкапитализма" — деформированного капиталистического общества, а позднее — идее зависимо-ассоциированного или просто зависимого капитализма в Латинской Америке. Вместе с Э. Фалетто он подверг критике положение большинства теорий модернизации о том, что недоразвитые страны неизбежно повторят путь, который уже прошли нынешние развитые государства. На их взгляд, совершенно очевидно, что теоретические схемы, созданные на основе опыта формирования капитализма в современных развитых странах, мало что дают для понимания современной ситуации в странах этого региона, в которых история и структурные условия развития и общества различны. На самом деле, недоразвитость латиноамериканских стран возникла в результате экспансии вначале торгового, а затем промышленного капитализма Запада и включения их в мировой рынок. Хотя авторы этой концепции согласны с тем, что зависимые капиталистические экономики не идентичны центральным капиталистическим экономикам, они полагают, что особых "законов движения" зависимой суб-капиталистической экономики не существует, просто нужно исследовать специфику действия общих законов капитализма в зависимых странах.

Следует отметить, что "концепции зависимости" или "зависимого развития", во многом подобные концепции Ф. Кардозу и Э. Фалетто и, одновременно отличные от нее, стали своеобразной визитной карточной современной латиноамериканской социологии.

Так, одна из первых в числе данных концепций — концепция "центра — периферии и периферийного капитализма" ("сепализм") — была разработана выдающимся аргентинским экономистом и политическим деятелем **Раулем Пребишем** (1901–1986)[26].

---

[25] На русском языке: *Кардозо Ф., Фалетто Э.* Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002.

[26] *Prebisch R.* Theoretical and practical problems of economic growth. 1950; *Idem.* Towards a dynamic development policy for Latin America. Buenos Aires, 1962; *Idem.* Change and development: Latin America's great task. Report submitted to the inter-

Р. Пребиш в 1935–1943 гг., находясь на посту директора Центрального банка Аргентины, убедился в том, что неоклассические экономические концепции мало что дают, а чаще всего ничего не дают для понимания экономики как Аргентины, так и стран Латинской Америки вообще.

С 1950 г. по 1963 г. Р. Пребиш был исполнительным секретарем Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (испан. сокр. — SEPAL (СЕПАЛ); русск. — ЭКЛА), во время руководства которой им были разработаны основы собственной экономической теории. Основные постулаты этой концепции были приняты и развиты целой группой экономистов, работавших вместе с ним в этой организации. Так было создано концептуальное направление, которое получило название "сепализм".

Изначально концепция Р. Пребиша состояла в том, что мировая капиталистическая экономика представляет собой единое целое, совершенно четко разграниченное на "центр", который включает в себя несколько высокоразвитых индустриальных держав ("центров"), и "периферию", которую составляют в основном аграрные страны. Периферийные страны находятся в экономической зависимости от "центра" ("центров"), что препятствует их развитию и обусловливает отсталость. Важнейшая причина отсталости периферии — выкачивание центрами существенной части ее доходов.

В 70-е гг. XX в. Р. Пребиш написал несколько работ, которые затем были объединены в книгу "Периферийный капитализм: кризис и трансформация" (1981)[27]. В этих работах его первоначальная концепция "сепализма" под влиянием критики со стороны более радикально настроенных исследователей в значительной степени была обновлена и переросла в теорию "периферийного капитализма".

Суть теории "периферийного капитализма" заключается в том, что периферийные страны, как и страны, составляющие центр, являются капиталистическими, но их капитализм качественно отличен от капитализма "центров". Он функционирует и развивается во многом по иным законам — специфика периферийного капитализма определяет особый характер всего общества.

Согласно Р. Пребишу, специфика периферии проявляется во всем — в сфере техники и потребления, производственной структуре, уровне развития и демократизации, системе землевладения и

American development bank. Buenos Aires, 1970; *Idem*. Critique of peripheral capitalism. Buenos Aires, 1976; *Idem*. Socioeconomic structure and crisis of peripheral capitalism. Buenos Aires, 1978; *Idem*. Oaxaca y tabasco guia de emociones. Buenos Aires, 1979; *Idem*. La reconstitucion de estado 5b (Pensamiento Iberoamericano). Buenos Aires, 1984; *Idem*. La crisis del desarrollo Argentino: de la frustracion al crecimiento vigoroso. Buenos Aires, 1986.

[27] На русском языке: *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992.

формирования излишка, демографическом росте. Развитие периферийного капитализма есть "воспроизводство обездоленности", поскольку социальная система исключает широкие массы населения, которые оказываются обреченными на прозябание на дне социальной структуры.

Крупной фигурой среди сепалистов считается **Селсу Монтейро Фуртаду** (1920–2004)[28], который во время президентства Жуана Гуларта[29] был министром экономического планирования Бразилии. В своей книге "Развитие и недоразвитие: фундаментальные связи" (1964)[30] Селсу Фуртаду характеризует экономику, возникшую в результате проникновения капитализма в регионы с некапиталистическим хозяйством, как гибридную, сочетающую капиталистическое ядро с архаичной структурой.

Во второй половине 60-х гг. XX столетия возникла и оформилась концепция, получившая название "депендентизм"[31]. Ее основу заложил бразильский обществовед **Теотониу дус Сантус** (Дос Сантос, род. 1936).

В своих работах[32] этот ученый утверждал, что истоки теории зависимости уходят к теории империализма, в частности к трудам В.И. Ленина, но в новых условиях положения теории империализма должны быть расширены и переформулированы. Т. дус Сантус выступает с критикой теорий модернизации, главный недостаток которых видит в их линейно-стадиальном характере. В рамках критики он доказал необходимость создания новых теорий развития, которые не сводили бы развитие к однолинейному переходу от обществ одного типа к обществам другого, а рассматривали бы этот процесс в масштабах всего земного шара. В процессе последующего расширения этого направления один из депендентистов, бразилец **Руй Мауро Марини** (1932–1997), создал концепцию "суперэксплуатации трудящихся масс периферии в результате зависимости этих стран от центров"[33].

---

[28] *Furtado C.* Accumulation and development. Cambridge, 1983; *Idem.* The world economic and financial crisis. World institute for development economics research. Cambridge, 1989; *Idem.* Capitalismo global. Paz e Terra, 1998; *Furtado C.* et al. Economic development of Latin America: historical background and contemporary problems. Cambridge, 1977.

[29] Гуларт, Жуан Бельшиор Маркис — 24-й президент Федеративной Республики Бразилия в 1961–1964 гг.

[30] *Furtado C.* Underdevelopment and dependence: the fundamental connections. Cambridge, 1974.

[31] От исп. dependencia — "зависимость".

[32] *Dos Santos T.* El nuevo caracter de la dependencia. Centro de estudios socio-economicos. Santiago-de-Chile, 1968; *Idem.* Socialismo o fascismo: dilema de América Latina. Santiago-de-Chile, 1969; *Idem.* A teoria da dependencia: balanco e perspectivas. Plaza y Janes, 2003.

[33] См., например: *Marini R.M.* Dialéctica de la dependencia. México, 1973; *Idem.* América Latina: dependência e integração. São Paulo, 1992.

Во второй половине 1960-х гг. в Мексике возникла еще одна школа экономистов и социологов, разрабатывавшая проблемы зависимости. Самой крупной фигурой среди этих ученых стал **Алонсо Агилар Монтеверде**, разработавший концепцию "капитализма субразвития"[34].

Этот ученый, говоря о Латинской Америке, утверждал, что "капитализм не развивается в ней по классическому европейскому образцу". Страны этого региона никогда не знали "совершенства" в функционировании рынка, в них никогда не проявлялся процесс, который провел бы их от классического сберегательства и свободной конкуренции к "экономическому процветанию" или "обществу благоденствия", как характеризуют иные авторы стадию, достигнутую крупными индустриальными государствами Запада. Говоря о "модификации" законов капитализма в латиноамериканском обществе, А.А. Монтеверде в то же время не принимает идею особого периферийно-капиталистического способа производства.

Создание концепций зависимого развития и периферийного капитализма как общесоциологической теории развития стран Латинской Америки было не случайно. В первую очередь это связано с тем, что почти все эти страны формально стали политически независимыми государствами в первые десятилетия XX в. Однако на самом деле в течение более чем сотни лет они были во многом очень зависимы от ряда держав Запада, прежде всего от США. И концепции зависимости возникли как ответ на естественно возникавший вопрос о природе этой зависимости. Эта зависимость была прежде всего зависимостью экономической, с неизбежностью порождавшей зависимость политическую и социальную. В Латинской Америке существовал сложившийся, зрелый капитализм, но существенно иной, чем на Западе. Именно это и обусловило создание латиноамериканскими учеными соответствующих оригинальных концепций.

Вслед за латиноамериканскими учеными разработка концепций зависимого развития в иных частях развивающегося мира началась несколько позднее. При этом если в концепциях зависимого развития в их применении к Латинской Америке под "центром" прежде всего понимались США, то в концепциях зависимого развития всего "развивающегося мира", под центром стали понимать

---

[34] *Monteverde A.A.* Dialéctica de la economна Mexicana. México, 1968; *Idem*. Teoria deninista del imperialismo (coleccion desarrollo). México, 1978; *Idem*. Problemas del capitalismo Mexicano: ensayos (colección Los Grandes problemas nacionales). México, 1978; *Idem*. La crisis del capitalismo: ensayos (coleccion desarrollo). México, 1979; *Idem*. Estado, capitalismo y clase en el poder en Mexico (coleccion desarrollo). México, 1983; *Idem*. Defensa de nuestra soberania nacional y popular (coleccion cuadernos). México, 1989.

систему, включающую в себя страны Западной Европы, США и Канаду, а затем и Японию.

Для ученых и практиков Азии и Африки не было нужды доказывать существование зависимости их стран от центра. Это было уже показано латиноамериканцами, которые довольно детально раскрыли и механизмы этой зависимости. В данной связи азиатские и африканские специалисты занимались главным образом вопросом о том, какими способами избавиться от этой зависимости, какую политику нужно проводить, чтобы обеспечить прогресс своих стран, что сказалось и на названиях вырабатываемых ими концепций. В их числе можно упомянуть концепцию "нового международного экономического порядка", которая в общих чертах была сформулирована на IV конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Алжире (1973).

Среди исследователей проблем зависимости, представляющих страны Африки, особо выделяется директор Африканского института ООН по экономическому развитию и планированию в Дакаре (Сенегал) **Самир Амин** (род. в 1931 г.), который в последующем стал сторонником мир-системного подхода И. Валлерстайна. Его перу принадлежит множество статей и книг, среди которых можно отметить монографии "Евроцентризм", "Неравное развитие. Очерк социальных формаций периферийного капитализма", "Империализм и неравное развитие" и др.[35] В России его творчество представлено книгой "Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира"[36], в которой автор остро ставит вопрос о новой, "либеральной" гегемонии США, навязывающей единые, но ложные стандарты развития всем странам в собственных экспансионистских целях.

Эти концепции в совокупности с другими достижениями социологов из различных стран "незападного" мира, описанными ранее, позволяют утверждать, что в большинстве из них социология представляет собой вполне сформировавшуюся академическую дисциплину. В данной связи отрицать ее относительно автономное существование неправомерно, ведь незнание какого-либо факта не говорит о его отсутствии. Социология как наука там, безусловно, опирается как на достижения классиков социологической науки, так и на оригинальные идеи собственных выдающихся обществоведов, которые внесли и продолжают вносить вклад в мировую социологию. В то же время в каждом регионе и даже в каждой стране

---

[35] *Samir Amin.* Eurocentrism. Monthly, 1989; *Idem.* Unequal development: an essay on the social formations of peripheral communities. Monthly, 1989; *Idem.* Imperialism & unequal development. Monthly, 1996.

[36] См.: *Самир Амин.* Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира. М., 2007.

социология имеет свою специфику, которая четко проявляется в направленности и проблематике социологических исследований, теоретических основах и методологии анализа проблем конкретного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алли Ш., Муни К., Стюарт П. Социология в ЮАР (1920–1970) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 12–127. (*Alli Sh., Muni K., Stjuart P.* Sociologija v JuAR (1920–1970) // Sociologicheskie issledovanija. 2006. N 3. S. 12–127.)

Кардозо Ф., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002. (*Kardozo F., Faletto Je.* Zavisimost' i razvitie Latinskoj Ameriki. Opyt sociologicheskoj interpretacii. M., 2002.)

Луцкий А.Л., Скворцова Е.Л. Предтечи и начала японской социологии // Социологические исследования. 2010. № 4. (*Luckij A.L., Skvorcova E.L.* Predtechi i nachala Japonskoj sociologii // Sociologicheskie issledovanija. 2010. N 4.)

Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992. (*Prebish R.* Periferijnyj kapitalizm: est' li emu al'ternativa? M., 1992.)

Самир Амин. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира. М., 2007. (*Samir Amin.* Virus liberalizma. Permanentnaja vojna i amerikanizacija mira. M., 2007.)

Ядов В.А. Должна ли социологическая теория иметь "национальные" черты? // Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций для студентов-магистров по социологии. СПб., 2009. (*Jadov V.A.* Dolzhna li sociologicheskaja teorija imet' "nacional'nye" cherty? // Jadov V.A. Sovremennaja teoreticheskaja sociologija kak konceptual'naja baza issledovanija rossijskih transformacij: Kurs lekcij dlja studentov-magistrov po sociologii. SPb., 2009.)

Ally S., Mooney K., Stewart P. The state-sponsored and centralised institutionalisation of an academic discipline: sociology in South Africa 1920–1970 // Social Transformation. 2003. Vol. 34. N 1. Chapter Six. Discursive Platforms: Research Institutes, Academic Texts and Government Commissions. P. 231–289.

Burawoy M. Public sociology: South African dilemmas in a global context // Society in Transition. 2004. N 35 (1). P. 11–26.

Furtado C. Underdevelopment and dependence: the fundamental connections. Cambridge, 1974.

Howarth D. Ernesto Laclau // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. L.; N.Y., 2007.

Monteverde A.A. Problemas del capitalismo Mexicano: ensayos (colección Los Grandes problemas nacionales). México, 1978.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В.А. Кудрявцев, канд. филос. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

В статье анализируются теоретические подходы русских социальных ученых-классиков к метафизическим и правовым основам власти. Их теоретическое наследие, и ныне лежащее мертвым грузом, может послужить выработке стратегии власти в современной России и при формировании у граждан правосознания.

Ключевые слова: *власть, верховная власть, метафизика, секуляризация, право, правосознание, религиозное мышление, моральные нормы.*

The article analyzes the theoretical approaches of Russian classic social scientists towards the metaphysical and legal foundations of power. Basic principles of these approaches were laid by Russian philosophers and sociologists of an epoch of Russian Silver age and post-revolutionary emigration. Their theoretical heritage, no in response, can serve as a major contribution in the development of a theory of power strategy in modern Russia and in the formation at citizens of a true and sustainable legal consciousness among citizens.

Key words: *power, supreme authority, metaphysics, secularization, low, legal consciousness, religious thinking, moral norms.*

В вопросе качества, организации и стратегии современной власти в России неоценимую услугу могут оказать теоретические разработки русских философов и социологов-классиков конца XIX — первой половины XX в. К сожалению, их обширное наследие до сей поры интересует лишь крайне ограниченный круг специалистов. Такое упорное игнорирование известных русских мыслителей, их серьезнейших наработок в области государства, права и социальной политики было распространено в советской России и сохраняется в России постсоветской. Очевидный факт нашего исторического, духовного и теоретического беспамятства можно сколько угодно объяснять и оправдывать, но совершенно невозможно понять.

У историка социальной мысли, воспитанного на русской религиозной философской и социолого-нормативной российской традиции, вызывает сомнение вопрос качества, целей и потенциальных возможностей постсоветской власти, т.е. степени ее соотнесенности

* **Кудрявцев Владимир Александрович,** e-mail: vladikudr@mail.ru

с национально-культурными традициями и религиозно-метафизическими корнями России. В силу факта векового искажения российской истории самой, пожалуй, актуальной научной и образовательной задачей является очищение образа прошлого от чрезмерно идеологических его толкований и искажений, — как марксистско-ленинских, так и либерально-буржуазных. На наш взгляд, эту проблему можно разрешить, поняв традиционное отношение русского человека к власти.

Христианство не признает за человеком обязанности слепого и бездумного повиновения земной власти. В Евангелии прямо говорится о государстве как о "кесаревой" сфере компетенции, которой каждый гражданин должен отдавать дань в виде смирения, лояльности, служения, налогов и т.п. Однако там же говорится и о невозможности смешения Бога и кесаря в сознании человека, ибо это всегда, по мнению С. Булгакова, чревато проектами "языческой лжетеократии" либо клерикального "христианского государства". И здесь, избегая неверного отношения к земной власти вообще, нужно освободиться от непреднамеренного желания встроить нынешнюю российскую секулярную власть в традиционный христианский государственный идеал. Нужно признаться, что, в отличие от эпохи Средневековья, современная светская власть нигде в "цивилизованном мире" не выдвигает не только запредельных, но и вообще внятных духовных целей. Ясно, что никакой метафизики власти в секулярно-демократической парадигме быть не может, и это целиком переориентирует человека на слишком низкие смыслы и цели земного благополучия и стабильности. Именно отсутствие у власти духовной стратегемы развития, духовная недостаточность провозглашаемых ею чисто материальных целей и идейная бессодержательность конкретной политики лишают человека того исторического напряжения, которым он во все времена был движим.

Корректно ли сегодня, в период тотальной секуляризации, требовать от верховной власти чего-то такого, что бесконечно превосходит ее духовно-мировоззренческие возможности? Этот вопрос звучал бы "ненаучно", если бы мы не наблюдали, как Россия все больше втягивается в метафизическую пустоту целей, поставленных мировой политикой, что конкретно выражается и в нашем повседневном опыте, и в ужасающей статистике. Поэтому сама история сегодня выдвигает перед властью задачу одухотворения страны высокой целью и осязаемого "решительного движения по направлению к идеалу" (Ф.М. Достоевский). Своим "духовным неделанием" верховная власть культивирует в обществе идейную пустоту и растерянность, хотя граждане крайне нуждаются в идеях и целях, связывая свои надежды на сохранение России как территориальной, геополитической, цивилизационной и социокультурной целостно-

сти именно с властью. Из этого современного метафизического “ничто” рождается в людях тоска по “сильной руке” как по гаранту безопасности и справедливости.

Сегодня, в век критического сжатия, информационной уязвимости и “подручности” мира, глобальная секуляризация общества и власти непомерно быстро продолжает расти вглубь и вширь. Сами носители власти как невольные (или явные) проводники идей “прогресса цивилизации” объективно становятся выразителями “секулярной религии человекобожия” (С. Булгаков). Они как легитимные, т.е. законно избранные “народом” выразители духа эпохи, не связаны больше живой связью ни с запредельным идеалом общественного устройства, ни с гражданами государства. Граждане отвечают властным элитам недоверием и внутренним неприятием. Сегодня над цивилизованным миром целиком властвует система “политического гуманизма” (С. Булгаков) и соответствующее ему исключительно утилитарное, карьерное, прикладное понимание власти как в верхах”, так и в “низах”. Утилитаризм и конформизм граждан, накладываясь на недоверие последних к любой власти, фактически устраняют из общества идею служения и заменяют ее приспособлением и “всеобщей почти продажностью чиновников” (И. Ильин). Коррупция стала уже системным элементом экономики, поэтому можно говорить о бессмысленности борьбы с ней у нас в стране.

Результатом внутренней диалектической связи “власти” и “народа” ныне как раз и является так называемое “правовое государство”. Сам по себе этот договорный процесс между властью и обществом закономерен и не несет в себе ничего отрицательного. Однако все это верно только в том случае, если по мере укрепления секулярного мировоззрения из правосознания элит не улетучивается подлинное христианское (“верноподданническое”) мироощущение, оставляя после себя лишь шлейф голого юридического формализма с присущим ему цинизмом и произволом.

Абсолютно секулярное “правосознание” современных политиков не следует смешивать с так называемым “монархическим правосознанием” в его идеальном и историческом значении: основной обязанностью царя, по мнению И. Ильина, является долг внутреннего духовного “делания” и самовоспитания, на основании чего только и возможно искать и строить в себе праведное и сильное правосознание. Так, духовная вертикаль как устремленность к Смыслу формирует социальную горизонталь, наполняя ее моральными качествами, идущими сверху, от самой верховной власти. В современных условиях политик просто вынужден жить и мыслить категориями современных гуманистических ценностей. Поэтому он логично считает право исключительно человеческим, обществен-

но-историческим договорным и к тому же очень шатким порождением, а не следствием формализации закона морального, вложенного Богом в душу человека. Все это определяет эксцентричность формально-юридической конструкции в России, что вкупе с плачевным состоянием правосознания в российском обществе предстает как массово проявляющиеся закономерные следствия "потускнения религиозно-нравственных идеалов" (Л. Тихомиров).

В таких условиях становятся понятными главные причины российской исторической драмы. Понятно также, с чего нужно было бы начинать реформы и в каком направлении двигаться. Для лидера государства как в первую очередь "нравственного лица" (Б. Чичерин), пытающегося человеческими, законотворческими и административными средствами бороться с духовной разрухой, не должно стать откровением, что объективно Россия вместе с "мировым сообществом", двигаясь к ложным и метафизически пустым целям, культивирует в рамках цивилизационной парадигмы все больший отход мира от христианских ценностей и целей жизни и таким образом учреждает свой, рукотворный, человекобожеский строй — мир булгаковского "политического гуманизма".

Российская ситуация крайне сложна и требует постановки перед политическими элитами адекватных этой сложности задач. Однако сегодня явно не хватает "людей первого ранга" (И. Ильин). Русская мысль давно отметила вечные проблему и парадокс демократии: "При господстве большинства верховная власть неизбежно принадлежит наименее способной части общества"[1]. Оттого, по Л. Тихомирову, организация качественной демократической власти в современных условиях — это при той системе, благодаря которой сегодня люди попадают во власть, почти неразрешимая задача. "И на власти, — констатирует С. Булгаков, — тяготеет проклятие, как и на земле, и человечеству в поте лица приходится нести тяготу исторической власти со всеми ее скорпионами"[2].

Современная Россия вполне и давно включена в мировой секулярный проект, успешно и ускоренно внедряемый в российское общественное сознание и в представляющую его власть. Духовная незрячесть, отказ от своих религиозно-национальных корней, космополитизация, мондиализация, вестернизация, постхристианизация сознания — вот то духовно-ценностное поле, на котором разыгрывается нынешний акт исторической драмы.

В этих условиях "Realpolitik" нынешней верховной российской власти, ее видение целей и задач России в сложнейших международных условиях, учет средств и воплощение этого видения на практике потому и понятны обыкновенному российскому человеку,

---

[1] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1994. С. 434.

[2] *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. М., 1994. С. 341.

что правительство, как представляется, достаточно объективно и адекватно оценивает реальную ситуацию в стране и в мире, ставит перед собой и перед Россией реально достижимые в условиях духовного, государственного, научного, военного и экономического развала цели. В то же время наша верховная власть как власть юристов закономерно не обладает иным, традиционным и историософски выраженным, метафизически ориентированным пониманием предельных целей России. Следуя логике секуляризации, она все больше становится столь же приземленной, скованной, прагматичной, конкретно и финансово мыслящей, как и власть на Западе. Она вполне соответствует ментальности и типу восприятия "Homo postsoveticus" как смеси советизма и "западнизма" (А. Зиновьев) — двух одинаково секулярных, сугубо материально и потребительски ориентированных типов миросознания. Они разошлись и стали врагами только в методах, но не в глобальных целях. Либеральное мышление — это острие постсоветского, полуинтеллигентского, исключительно светского восприятия жизни. Кроме того, российский либерал отмечен каиновой печатью стыда перед "мировым сообществом" за свое несчастье быть рожденным в СССР. Отсюда все наши стремления во что бы то ни стало прилично выглядеть перед Западом.

На языке Кантовой практической философии можно констатировать: российская власть мыслит и действует пока только в категориях "сущего" (а попросту сказать — насущного, "хлеба единого"). Стоит ли вообще предъявлять ей требования метафизического плана, требования выдвиджения идеала как "должного", т.е. того, что должно было бы иррационально подвигать власть к высшим целям бытия, а не довольствоваться только наличным, трансцендентно и морально ничтожным "сущим"?

Нужно согласиться, что на своем уровне власть, пытающаяся воплотить в жизнь принципы неукоснительного соблюдения гражданами законов, движется в верном направлении. При этом власть вряд ли осознает, что видимый мир в его связи с миром потусторонним, трансцендентным, устроен так, что даже на социальном уровне земного, посюстороннего существования сквозь общественную мораль и государственное право проступает метафизика целей совместного бытия людей. Вот как ставит задачу перед современной властью юрист и социолог Б. Кистяковский: "...над властью все более приобретает господство правовая идея, идея должного. Чтобы существовать и быть признаваемой, власть должна себя оправдать. Для современного культурного человека еще недостаточно того, что власть существует... необходима, полезна и целесообразна. Только если власть способствует тому, что должно быть, только если она ведет к господству идеи права, только тогда мы

можем оправдать ее существование... Лица, облеченные властью в правовом государстве, подчинены правовым нормам одинаково с лицами, не имеющими власти... Власть является для них не столько их субъективным правом, сколько их правовой обязанностью. Эту обязанность они должны нести, осуществляя функции власти как известное общественное служение"[3]. Постсоветскую власть, вряд ли задумывавшуюся о метафизических корнях права, нельзя упрекнуть в отсутствии чувства ответственности перед страной: напротив, ей известно, что такое служение. Кроме того, как юридическая по составу и по образованию и западническая по духовной интенции, верховная власть отлично понимает важность насаждения правопорядка, т.е. воплощения в общественном сознании "идеи права". Стало быть, власть в России все-таки движима идеей служения "должному", хотя исключительно в низшей сфере — сфере закона.

Глядя на вещи исторически, можно уверенно констатировать, что для России только *этого*, юридически-правового, понимания "должного", каким бы важным оно ни было для организации жизни общества, во все времена было недостаточно. А.Л. Доброхотов подмечает: «Для русской культуры характерно отсутствие безусловных четких границ между миром творческих порывов... и миром реальным. Западноевропейская культура, напротив, умеет защищать реальный мир, мир трезвой середины и повседневного здравого смысла, от вторжения идей и аффектов. Та опасная непосредственность, с которой идеи врываются в действительную историю России, делает ее в некотором смысле "метафизической"... К числу наиболее характерных особенностей русского менталитета, пожалуй, относится так называемое "неприятие мира", то есть отказ от оправдания мирового порядка и истории в рамках самого этого посюстороннего мира. <...> Объединяющим чувством было ощущение метафизической неполноценности и моральной несостоятельности этого мира... Русское политическое сознание отличается также пренебрежением к формально-юридической стороне социальной жизни, и это — одна из самых устойчивых его черт вплоть до сегодняшних дней. Негативная реакция на попытки установить формальные гарантии прав была столь же сильной в "низах", как и в "верхах", что говорит о каких-то серьезных основаниях этого сопротивления»[4].

Метафизическая константа нашего национального менталитета, "сопротивляющаяся" господству права и формализации жизни, отлично просматривается как в "верхах" в смысле игнорирования

---

[3] *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 282.

[4] *Доброхотов А.Л.* Комментарии // Метафизика власти в русской мысли: Хрестоматия. М., 2001. С. 518–519.

и попрания закона, так и в “низах” в ситуации тотальной безответственности людей. Поэтому декларативность намерений власти и ее нежелание вводить принципы правосознания на всех социальных уровнях без исключения хорошо осознается “низами”. “Нечувствие позывов запредельного” для верховного правителя России всегда являлось существенным духовным изъяном, резко принижавшим потолок его государственно-философского понимания стратегических целей и создававшим в стране атмосферу пренебрежения к закону.

Историческая, христианская Русь была движима высокой сверхидеей, не имевшей, конечно, ничего общего с ныне провозглашаемыми “высшими целями” и проектами — “модернизацией”, “созданием вертикали власти и стабильной политической, правовой и административной системы”, “ростом благосостояния граждан”. Эта сугубо социальная, земная, т.е. материальная, область существования человека всегда считалась на Руси лишь отголоском и тенью чего-то истинного, подлинного, вечного. В реальной жизни исторической России в лучшие ее времена действовал морально-религиозный закон: чем выше общественный идеал, чем более очевидна “народу” тяга власти к этому идеалу, тем активнее в людях движение по направлению к нему. Как следствие — улучшение духовно-нравственной атмосферы в обществе: непосредственнее, доброжелательнее, сострадательнее становились отношения между людьми, сознательнее, преданнее их служение власти, человеку, обществу, идее, церкви, Богу.

Итак, религиозно оправданное “должное”, особенно когда к нему устремлена сама верховная власть, порождает во множестве нормальных людей устойчивое чувство долга. Только ставя перед народом высокие идеальные цели и создавая нравственное напряжение в обществе, можно наполнить правосознание граждан моральным содержанием и тем самым сделать закон гораздо более действенным. Словно в противовес этому, невразумительная политика государства именно в духовной и нравственной области, которую можно рассматривать как нравственно-мировоззренческое бездействие, особенно в сфере культуры, воспитания и образования, подтверждает несомненный факт внерелигиозности, аметафизичности, моральной вялости и бессодержательности власти.

Итак, каковы главные цели, задачи и ценности, таковы и нравы во власти и обществе, потому что религиозная, деятельная, а не декларативная вера с необходимостью предполагает соблюдение проецируемых ею на социальный план бытия моральных принципов как человеческого оформления Божьих заповедей, а не как простого, публичного соблюдения выдуманных светскими людьми приличий.

В России в наибольшей степени проявляет себя на практике та философская истина, что ничто конечное и относительное не устоит, опираясь только на себя: оно всегда ищет оправдания и устойчивости в абсолютном. Эта тяга к запредельному, которой лишены нынешние российские политики-технократы, эта попытка построения на земле "теократии" как высшего оправдания перед Богом за свое грешное правление еще со времен Сократа и Платона (а в России — Ф.М. Достоевского с его "растворением государства в Церкви" и Вл.С. Соловьева с его "свободной теократией") были главными и определяли ментальность христианского мыслителя и правителя России. Инерционная мощь тысячелетнего русского христианства была столь велика, что даже богоборцы-большевики, внешне разрушив веру в Бога и загнав церковь на глубокую периферию общественной жизни, при помощи "метафизического воровства" (С. Булгаков) создали паразитарную по сути и религиозную по форме коммунистическую идеологию. Большевики перенесли "Абсолютное" из потустороннего мира в "светлое будущее всего человечества", что наряду с жесточайшим террором дало им возможность на протяжении трех четвертей века консолидировать "эрзац-веру" народа, напрягать (и серьезно надломить) силы нации и какое-то время удерживаться у власти.

Постсоветская российская власть — дитя своего времени: осуществляя административные и прочие реформы, строя "правовое государство", она в лучшем случае пытается учредить обмирщенную государственность, объективно выражает собой, как говорит С. Булгаков, "отрицательное откровение о власти", понимая и принимая последнюю лишь как негативную, в библейском смысле — "падшую" реальность, фиксируя ее такой, какова она есть сама по себе, без Бога. Строго говоря, власть идет в русле спровоцированной когда-то католичеством западной секулярной традиции и наперекор инерционной исторической волне России, волне, в последние времена все чаще и больше затухающей. Хочется верить, что власть искренна в своих "централизованных" начинаниях и ей наконец удастся перенести латинскую государственную модель на российскую почву с благой целью сохранения нашего национального тела. Однако как предупреждал И. Ильин, "не всякую Россию любить можно". И еще не факт, что так называемые "реформы" не станут рычагом эксплуатации граждан ради религиозно полых, посветски бессмысленных целей, т.е. воплощением голого, утилитарного расчета власти, что будет только способствовать дальнейшему духовному оскудению нации, ожесточению людей и подмене исторической России абсолютно чужеродным ей образованием. Во всяком случае, нынешнюю власть очень трудно заподозрить в христианско-метафизической ориентации воли и мышления, т.е.

в личной религиозно-нравственной мотивации, а значит, и в подлинном стремлении к социальной справедливости.

Так “должное” подменяется “сущим”. “Сущее” в силу оскудения религиозного чувства неправомерно встает на место “должного”, запредельного, Божественного.

Многие наши авторитетные мыслители утверждали, что для того, чтобы быть признанной, власть должна себя оправдать. Для этого необходимо особого рода внутреннее духовное делание, которое должно “придать правителю необходимые ему свойства” (И. Ильин). Это делание для верховного руководителя страны является условием учреждения в государстве “правды”, к которой всегда был устремлен русский народ и на которой, по мнению К.П. Победоносцева, “основана по идее всякая власть”.

Упор на моральной стороне работы власти вытекает из того, что сама по себе идея “порядка”, его создания и поддержания силами “правового государства” с христианской точки зрения не является главной целью и может быть оправдана только в том случае, если «власть получает задачу придать порядку нравственный характер, сделать его орудием осуществления “правды”»[5]. Роль власти здесь очень велика, поскольку “ее побеги наполняют все зарождающееся общество”[6]. Здесь очевидно действие законов диалектики: каковы духовные “побеги” власти, таково во многом и будет наше зарождающееся постсоветское общество; какова метафизическая пассионарность народа, такова мера нравственного ограничения, налагаемого на нынешнюю светскую власть.

Для русской философской и политической мысли всегда было ясно, что государство “крепко стоит тем”, что опирается на внутренние духовные условия своего существования. Нашему религиозно нейтральному современнику не вполне ясно, что не сбиться с пути и верно осуществить духовный рост возможно только внутри Церкви. Однако это дело глубоко личное, персональное, и его нельзя целиком переносить на общегосударственный уровень. С.Л. Франк предупреждает: “Немыслима государственная организация веры, мысли, мировоззрения; где ее пытаются осуществить, там возникает кощунственная и бессильная попытка органическое заменить механическим”[7]. Факт насаждения “казенного православия” в дореволюционной России с последующим крахом в 1917 г. ясно доказывает правильность этого положения. При этом С.Л. Франк ставит пределы государству, полагая, что “...планомерная организационная деятельность не может ставить себе положительных за-

---

[5] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1994. С. 17.

[6] Там же. С. 18.

[7] *Франк С.Л.* Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной мысли. Л., 1991. С. 426.

дач содействия духовному росту общества, а должна состоять в том, что — в силу всеединства духовно-общественного бытия — всякая организация есть именно организация свободы, планомерное формирование свободного спонтанного сотрудничества”[8]. Тем самым на государство налагается обязанность создания необходимых для духовного роста условий с целью творческого сотрудничества личных “свобод”. У нас же ныне налицо явный информационный перекос в сторону сугубо светских ценностей: все походя болтают о религии, а руководствуются в жизни совсем другими, противоположными, а порою и враждебными христианству принципами. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что нынешняя власть не ударила палец о палец в организации “свободного сотрудничества”, если не считать разгула ничем не ограниченного своеволия активной и слишком гибкой морально категории граждан.

В отличие от государства, “...церковная власть, — полагает Б. Чичерин, — имеет высшее нравственное значение; она повелевает во имя религиозно-нравственного закона. Но сама по себе она имеет силу принуждения только нравственного, а не материального”[9]. Моральная власть христианской Церкви в традиционном обществе столь велика, что Е.Н. Трубецкой, предчувствуя катастрофу 1917 г., за девять лет до нее писал: “Только сила нравственная, духовная может положить предел всеобщему разложению, резне, грабежу, анархии общественной и анархии правительственной. Христианство — та единая и единственная сила, перед которой у нас склоняются народные массы; *иной у нас нет*. И если русская демократия не определится как демократия христианская, то Россия погибнет бесповоротно и окончательно”[10]. Эту мысль Е.Н. Трубецкого, экзистенциально глубоко пережившего трагедию России и окончившего жизнь в Крыму в состоянии полной национальной обреченности, вполне можно считать духовным завещанием русской религиозно-философской мысли нынешней российской власти.

При всей нынешней, крайне шаткой стабильности, при давней подверженности сильному влиянию Запада нашего верхнего культурного слоя, быстро ассимилирующего идеи “мира гуманизма и прогресса”, в том числе и демократическую модель государства, хорошо бы прислушаться к словам самого популярного и влиятельного на Западе в XX в. философа Н. Бердяева: “Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории, держались упрощенных взглядов на прогресс просвещения и цивилизации, не видели никакой миссии

[8] Там же. С. 426.

[9] *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. М., 1894. С. 60.

[10] *Трубецкой Е.Н.* Всеобщее, прямое, тайное, равное // Новый мир. 1990. № 7. С. 200.

России, кроме необходимости догнать Запад”[11]. Возникает вопрос: что изменилось в их менталитете за 70 лет, прошедшие с момента написания Н. Бердяевым этих слов?

Продолжающийся западнический слом и зажим национальных традиций всегда и везде чреват жестким сопротивлением. Объективно поощряя и культивируя “общечеловеческие ценности”, а вместе с ними создавая условия для окончательного мировоззренческого и экономического закабаления России и ее граждан, в самом зародыше подавляя здоровые ростки национальной самобытности, именно власти в первую очередь несут ответственность за “уродливые проявления” “очень русского” национализма — “скинхедов”, “фашистов”, национал-большевиков-лимоновцев, радикалов-жириновцев и т.п. Даже неискушенному в политике человеку очевидно западное происхождение всех этих марионеточных движений, равно как и отсутствие работы власти по их устранению посредством развития подлинно национальных форм проявления духа народа.

Углубляется и расширяется вестернизация массового сознания, а власти, по сути, игнорируют позитивный, православно-культурный национализм, возможно, из чувства “лапотного стыда” наши интеллигенты-варвары не пропагандируют (если не считать крайне сомнительных, однобоких и часто извращенных толкований) классиков русской литературы, философии и искусства. Элиты и их продвинутые прозападные дети столь космополитически, антитрадиционно образованы и воспитаны, что вовсе не интересуются своей великой культурой и без разбора тянутся ко всему заморскому.

Однако, как утверждает П.Б. Струве, идущий процесс тотальной рационализации жизни вряд ли поглотит собой “мистику национальности”. “К государству и национальности, — пишет он, — прикрепляется неискоренимая религиозная потребность человека”[12]. Триединая метафизика — религии, нации и государства — неискоренима в человеческой душе и определяет собой весь спектр существования личности. Стало быть, просвещенческому укреплению трех этих исходных интуиций человека государство должно придавать первоочередное значение. Однако, в сущности, вся система российского образования, воспитания и культуры арелигиозна, вненациональна и внегражданственна, т.е. антигосударственна. Во всех этих самых главных для государства сферах жизнедеятельности совсем не видно нравственных “побегов” ни одной из трех ветвей власти. Если люди, составляющие верховную власть, как профессиональные юристы полагают, что чувство безродной и безликой гражданственности “россиян” можно выпестовать одним только

[11] *Бердяев Н.А.* Русская идея. Париж, 1971. С. 150.

[12] *Струве П.Б.* Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 69.

устранением царящего в стране правового нигилизма, то это лишний раз подтверждает тезис об отсутствии в недрах власти людей с достаточной религиозной и национальной чувствительностью: они, по-видимому, и опираются на сугубо светские, внешние принципы воспитания и исполнения закона.

Итак, в тяжелейших геополитических, экономических, нравственно-правовых, демографических условиях, в которых оказалась современная Россия, в сфере воспитания молодого поколения, в области духовного образования, в культурной, национальной и информационной политике власти остаются религиозно, а значит, и нравственно нейтральными (политкорректными). В работе "Свет невечерний" С.Н. Булгаков дал вполне современную, универсальную, христианскую формулу внутреннего отношения к ныне происходящему: «[Налицо] внешняя победа "секуляризации", "правового государства" с его человеческой честностью, искренно охраняющей "благо народа" и его свободу. Но именно эта атмосфера воинствующего народобожия, царства от мира сего, заставляет духовно задыхаться тех, кто лелеет в душе религиозный идеал власти и не хочет поклониться "зверю", принять его "начертание". Можно и должно сохранять лояльность, терпеть хотя и немилую государственность, даже высоко ценить ее практические достоинства, видя в ней относительное житейское благо или хотя меньшее зло, чем обветшавшая и изолгавшаяся власть старого фасона. Но любить эту власть, ощущать к ней религиозный эрос можно, лишь принимая участие в культе демократического Калибана, "принося жертвы зверю". Следует принимать государственность, сведенную к политическому утилитаризму, так же, как и бремя хозяйственных забот: признавая честность этого труда, аскетически нести его как жизненное "послушание"; однако "честность", корректность, есть лишь религиозно-этический минимум, между тем как религия во всех делах хочет максимума... Это разросшееся и дифференцировавшееся тело власти есть тоже "земля проклятия"... "Правовое государство" с его правовыми гарантиями, со всей своей земной мудростью и человечески-относительной правдой, не угасит тоски об *ином* царстве, не только холодного права, но и любви, об *иной* власти — теократической. Но, конечно, вопрос этот имеет смысл только в Церкви, и речь идет здесь не о политике в обычном смысле слова, а именно о религиозном преодолении "политики", о том *преображении* власти, которая и будет новозаветным о ней откровением»[13].

Что же касается власти и ее современной политики, то наряду со стремлением к "правосознанию" следует понимать и другое,

[13] *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. С. 344.

главное, — то, что имел в виду И. Ильин: «Напрасно думать, что какое-нибудь очередное политическое задание может быть воистину разрешено вне утверждения духовно верной формы жизни: вне ее всякое “разрешение” будет мнимым — или условною отсрочкою, или источником новых бед. Спасение в одном: *форма духа* должна установить акт правосознания, содержание права и строение политической власти. Правовая и политическая жизнь должна быть верна своим глубоким, последним корням, а эти корни имеют духовную природу»[14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев Н.А. Русская идея. Париж, 1971. (*Berdjaev N.A.* Russkaja ideja. Parizh, 1971.)

Бондаренко И.А. Метафизика человеческой жизни // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Спец. вып. (*Bondarenko I.A.* Metafizika chelovecheskoj zhizni // Lichnost’. Kul’tura. Obschestvo. 2000. T. II. Spec. vyp.)

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. (*Bulgakov S.N.* Filosofija hozjajstva. M., 1990.)

Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994. (*Bulgakov S.N.* Svet nevechernij. M., 1994.)

Доброхотов А.Л. Комментарии // Метафизика власти в русской мысли: Хрестоматия. М., 2001. (*Dobrohotov A.L.* Kommentarii // Metafizika vlasti v russkoj mysli: Hrestomatija. M., 2001.)

Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995. (*Zinov’ev A.A.* Zapad. Fenomen zapadnizma. M., 1995.)

Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. (*Il’in I.A.* Sobr. soch.: V 10 t. T. 4. M., 1994.)

Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. (*Kistjakovskij B.A.* Filosofija i sociologija prava. SPb., 1998.)

Струве П.Б. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. (*Struve P.B.* Politika, kul’tura, religija, socializm. M., 1997.)

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1994. (*Tihomirov L.A.* Monarhicheskaja gosudarstvennost’. SPb., 1994.)

Трубецкой Е.Н. Всеобщее, прямое, тайное, равное // Новый мир. 1990. № 7. (*Trubeckoj E.N.* Vseobshhee, prjamoe, tajnoe, ravnoe // Novyj mir. 1990. N 7.)

Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. (*Frank S.L.* Duhovnye osnovy obshchestva: vvedenie v social’nuju filosofiju // Russkoe zarubezh’e: iz istorii social’noj i pravovoj mysli. L., 1991.)

Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894. (*Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoj nauki. M., 1894.)

[14] *Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 545.

Т.А. Невская, канд. полит. наук, ст. преп. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Как известно, за 2013 г. было зарегистрировано почти 70 новых политических партий и еще более ста ждут регистрации и институционализации. В статье делается акцент на динамике партийной системы современной России в 2000-е гг., выявляются основные тенденции и проблемы. Именно в это время постепенно складывалась своеобразная ситуация, которая во многом способствовала накоплению протестного сознания у определенной части российского общества, вылившегося в реальное протестное политическое поведение в период последних федеральных выборов законодательной власти и главы государства.

Ключевые слова: *политическая партия, партийная система, динамика развития, тенденции, проблемы, современная Россия.*

As you know, last year there were almost 70 new political parties and more than a hundred waiting for registration and institutionalization. The article focuses on the dynamics of the party system in modern Russia, identifies key trends and issues. It was at this time gradually evolved a unique situation, which largely contributed to the accumulation of protest consciousness in a certain part of Russian society, the real protest ignited political behavior during the last federal election, the legislature and the head of state.

Key words: *a political party, a party system, dynamics, trends, problems, contemporary Russia.*

За годы реформ в России произошли коренные перемены во всех сферах общественной жизни, но наиболее революционные — в сфере политической. Путь российского транзита от тоталитаризма к авторитаризму в рамках советской политической системы и от авторитаризма к демократии, начиная с перестройки и до настоящего времени, был и остается сложным и противоречивым. В этом процессе негативную роль сыграли отсутствие в стране реального опыта демократической жизни, тяжелая экономическая ситуация, размеры страны, большое (почти трехзначное) число субъектов Федерации с различными национальными и культурными традициями. В то же время в эти годы в стране произошли и позитивные системные изменения. В Конституции РФ 1993 г. принцип разделения властей, свобода слова, печати, совести, собра-

* **Невская Татьяна Александровна,** e-mail: nevskaya_t@mail.ru

ний, ассоциаций, многопартийность, политический плюрализм, свободные альтернативные выборы и другие права человека и гражданина представлялись высшими ценностями, соблюдение и защиту которых гарантировало государство.

Однако в ходе реформ в реальной политической жизни страны многие ценности оказались под угрозой. Постепенно выборы становились все более "управляемыми", и во все меньшей степени их результаты зависели от воли самих избирателей. Разделение властей существует лишь формально, а независимость судебной власти, как показывает реальная практика, почти сведена к нулю. Стало почти нормой формирование многопартийности административными методами, что привело к созданию "партии власти" и ее доминированию в политическом процессе при слабой и легкоуправляемой оппозиции. Утрачивают свою независимость многие общественно-политические газеты и другие средства массовой информации. Правоохранительные органы все более активно вторгаются в общественно-политическую жизнь, ограничивая и умаляя политические права граждан[1].

Для того чтобы понять, что привело к искажению демократических ценностей в современной России и каковы тенденции развития политического процесса в стране в последнее время, необходимо проанализировать тот путь, который страна прошла за последнее десятилетие, уделив при этом основное внимание анализу эволюции партийной системы в этот период.

Исследование партийной системы современной России представляет особую сложность, поскольку применительно к анализу партий трудно определить как зависимые, так и независимые переменные. Это связано со многими причинами.

Во-первых, партийные системы в большей степени, чем другие политические институты, являются одновременно как продуктом политической системы, так и ее творцом, что особенно справедливо для становящихся политических систем демократий третьей волны. В России партии всегда играли ограниченную роль в становлении и развитии политического режима. В настоящее время доминирование исполнительной власти в российской политике еще более значимо. Это превращает развитие партийной системы в переменную, зависимую от общей эволюции государственного строя, которую инициирует и направляет сложившийся политический режим.

Во-вторых, если рассматривать партийную систему как переменную, зависимую от других институтов, таких, как исполнительная

---

[1] См. подробнее: *Кынев А.В., Любарев А.Е.* Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М., 2011.

власть, избирательная система, от баланса между исполнительной и законодательной властью, центром и регионами, то возникают вопросы: что именно и в какой степени в них должно измениться? Какое сочетание перемен в каждом из этих институтов может породить разные сценарии развития партийной системы?

В-третьих, особое значение имеет институциональный характер партий. С одной стороны, они, как известно, объединяют элиты, вырабатывают политическую повестку дня, выдвигают лидеров, конкурируют с другими элитными группировками, выступая, таким образом, субъектами большой политики. А с другой — партии представляют собой структуры гражданского общества, агрегирующие общественные интересы. И здесь мы возвращаемся к тому же вопросу: смогут ли партии даже при благоприятном сценарии освоить роль субъектов политики, сохранив функцию, которую они слабо выполняют сегодня, — выражение интересов и потребностей избирателей.

Что же происходило с политическими партиями в последнее десятилетие?

После избрания В.В. Путина Президентом РФ в 2000 г. задача законодательного определения статуса политических партий была, как известно, поставлена как одна из ключевых. При этом было признано целесообразным решать вопросы реформирования партийной системы в комплексе с изменениями избирательного законодательства.

В 2001 г. был принят Федеральный закон “О политических партиях”, запустивший процесс реструктуризации российской партийной системы, а год спустя в федеральном законодательстве появилась норма, обязывающая избирать не менее половины составов законодательных органов субъектов РФ по пропорциональной системе. Однако сам закон о политических партиях оказался направлен в первую очередь не на развитие, а на ограничение многопартийности, хотя это его качество стало проявляться не сразу, а после 2004 г.

Надо отметить, что идея усиления роли партий в политической системе страны вполне отвечала демократическим принципам. Однако на деле регулирование деятельности политических партий пошло по бюрократическому пути. В результате партии не только не приблизились к народу, но еще больше от него отдалились.

Решающее значение имело решение о создании “Единой России”, что означало стремление к возврату политической монополии. И это отчетливо стало проявляться в деятельности Государственной Думы третьего созыва в последние годы ее работы, а также в начавшемся процессе вступления в новую “партию власти” руководителей регионов.

Грубое административное вмешательство в процессы партийного строительства, жесткие действия власти по фильтрации партий, участвующих в региональных выборах, прямая административная поддержка “Единой России” с целью монополизации ею политического пространства свели на нет все те плюсы, которые имелись в принятых в начале нового века федеральных законах о выборах и партиях.

Эти процессы получили свое продолжение и в последующие годы. В период 2003–2006 гг. были введены ограничения на проведение общероссийского референдума, ужесточены требования к политическим партиям, осуществлен переход на полностью пропорциональную систему выборов депутатов Государственной Думы в сочетании с повышением заградительного барьера, отменены прямые выборы глав субъектов Федерации, институты избирательных блоков, независимого общественного наблюдения на выборах и, наконец, отменена строка “против всех” в избирательном бюллетене. Все это дополнялось правоприменительной практикой избирательных комиссий и судов, главной тенденцией которой стало ограничение конкуренции путем недопуска к выборам популярных кандидатов и партий. Кроме того, с помощью административного ресурса получило информационное доминирование продвижение исполнительной властью своих кандидатов и партий, вследствие чего результаты выборов все меньше стали зависеть от самих избирателей. В отечественной литературе направленность этих трансформаций в избирательной системе получит название “бюрократических контрреформ”[2].

По сути, можно сказать, что произошло огосударствление “Единой России”. При наличии всех партийных атрибутов “Единая Россия” теряет в функциональном смысле статус партии. “Единую Россию”, на наш взгляд, следует уже рассматривать, по существу, как административно-государственную организацию. Ее задачи — проводить необходимые исполнительной власти законопроекты через Думу, реализовывать политику правительства на региональном уровне. В социальной плоскости — обеспечить поддержку власти в обществе.

Одним из важнейших каналов осуществления контролируемой политики партийного строительства стал закон об ужесточении партийного законодательства, который был подписан Президентом РФ 20 декабря 2004 г. Этот закон вводил два принципиальных новшества. Во-первых, требование к минимальной численности партий увеличивалось сразу в пять раз — с 10 до 50 тыс. человек.

---

[2] См.: *Иванченко А.В., Любарев А.Е.* Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. С. 154, 188.

Одновременно ужесточались требования к минимальной численности региональных отделений партий: для отделений, которые партия должна иметь не менее чем в половине субъектов РФ, со 100 до 500 человек, для остальных отделений — с 50 до 250 человек. Не без помощи рассматриваемого закона был значительно сужен партийный спектр современной России. По данным ЦИК РФ, на 20 августа 2006 г. было зарегистрировано 35 политических партий. После проведенной перерегистрации политических партий Федеральной регистрационной службой было установлено, что в России на 26 октября 2006 г. действовало 19 партий. 20 августа 2008 г. ЦИК зарегистрировал 15 партий, 15 августа 2009 г. в Минюсте РФ было зарегистрировано 7 политических партий. Таким образом, за три года, с 2006 по 2009 г., количество зарегистрированных политических партий сократилось в пять раз — с 35 до 7 партий.

Данный закон являлся лишь одним элементом политической системы, которую создавала высшая исполнительная власть страны. Адаптируя для своих нужд демократические институты, власть имитировала существование демократического режима. Политические партии в этой модели в реальности отстраняют население от участия в политическом процессе, превращая свою важнейшую функцию в формальность с заранее прописанным партией власти сценарием развития событий и обрекая население на политическую пассивность и беспомощность. Это касается и выборов, результат которых зачастую становился очевидным еще до конца избирательной кампании.

Таким образом, политические партии, по существу, оказались зажаты в политической резервации органов представительной власти всех уровней. Они не имели правовых полномочий участвовать в формировании исполнительных органов власти федерального уровня, а на региональном уровне их деятельность жестко контролировалась высшей исполнительной властью. Политические партии не обладали возможностью представлять интересы своих избирателей в федеральных и региональных органах исполнительной власти, хотя право партий выдвигать кандидатов на должность главы исполнительной власти закреплено в законе о партиях и в Федеральном законе “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”. В результате участие политических партий в государственном управлении современной России оказывается крайне ограниченным, не соразмерным их реальным, исторически сложившимся функциям.

Именно поэтому в рассматриваемые годы в стране отчетливо проявляется усиление взаимного отчуждения власти и общества. При внешней стабильности политической системы в обществе

усиливался процесс формирования политической культуры “наблюдателей” с вполне определенной мотивацией. Такая ситуация во многом связана с политической усталостью российских граждан, разочарованием значительной их части в идеалах демократии или по крайней мере в той ее интерпретации и политической практике, которую демонстрирует политический режим.

Мониторинг социополитической динамики российского общества с 1994 г. показывает прогрессирующий рост числа граждан, осознающих, что они не могут влиять на политические процессы в стране. Если, к примеру, в 1994 г. это осознавали 47% респондентов, то к 2006 г. этот показатель вырос до 72%. По нарастающей укреплялось мнение граждан в том, что “людям у власти нет никакого дела до простых людей”. В 1994 г. этого мнения придерживалось 66% респондентов, а в 2006 г. — уже 80%. В рейтинге ответов на вопрос о том, насколько сегодня значительны противоречия и неприязнь в современном российском обществе, верхние позиции занимали ответы, акцентировавшие внимание на противоречиях между *народом и властью* (62%), *бедными и богатыми* (72%), *низшими и высшими* классами (63%)[3].

В свое нынешнее состояние партийная система пришла после декабрьских выборов 2007 г. Встав во главе партийного списка “Единой России”, В.В. Путин фактически, — хотя в явном виде об этом никогда не говорилось — стремился к результату, сопоставимому со своей собственной убедительной победой на президентских выборах 2004 г. Он намеревался воспроизвести на парламентских выборах, проводимых по пропорциональной системе, президентское большинство. Применительно к декабрю 2007 г. такое решение по крайней мере объяснимо. В политической игре на перспективу уходящий президент хотел получить подтверждение легитимности своей власти в самых высоких показателях. Однако целевая установка региональных властей и “Единой России” добиваться результата выше 60% голосов избирателей на последующих региональных выборах 2008–2009 гг. — без участия В.В. Путина, и к тому же в условиях кризиса, а не подъема — окончательно “добила” и без того сокращавшийся партийный плюрализм. Конкуренция между партиями сменилась соревнованием областных и районных начальников за самый высокий результат “Единой России” в своем регионе. *Административный ресурс* в это время достиг своего максимума. Администрация Президента и слившаяся с ней федеральная исполнительная власть все больше подминали под

[3] См. подробнее: *Левашов В.К.* Социополитическая динамика российского общества 2000–2006. М., 2007. С. 486–487.

себя как законодательную и судебную ветви власти, так и органы власти регионов, а также бизнес и средства массовой информации. Политический ресурс оппозиции оказался ниже критического уровня. В результате все вместе оппозиционные партии получили менее трети мест в федеральном собрании и большинстве региональных законодательных собраний страны.

Система фактически перестала быть многопартийной. В такой системе партии не могут полноценно осуществлять свои функции, присущие нормальной партийной системе. На самом деле они выполняли лишь функцию представления интересов избирателей, которые, ностальгируя по советскому прошлому, протестуют против власти в правопопулистском контексте и выступают за социальную справедливость. Другие функции, в частности главную функцию политических партий — функцию борьбы за доступ к власти и ее использования, эти партии не исполняют.

Слабость партий и их неспособность выполнять функции агрегирования интересов, управления выработкой и реализацией политической линии, выдвижения партийных и государственных лидеров, служить механизмом мирного разрешения элитных конфликтов резко ограничивают приток перспективных политиков и иных ресурсов в оппозиционные партии. Такое положение партий в политической системе страны складывалось в течение всего последнего десятилетия и ныне лишь усугубляется.

Слабым оппозиционным партиям не противостоит сильная “партия власти”. Достигнув абсолютного большинства во всех парламентах страны, “Единая Россия” остается “функцией” исполнительной власти, что не отменяет факта реальной поддержки “партии власти” значительной частью населения.

Интересными в данном контексте представляются данные социологических опросов, проведенных Левада-Центром в 2009 г., которые выявили ряд существенных нюансов запроса на плюрализм в российском обществе (табл. 1–4). Для россиян “оппозиция власти” и “серьезно влияющие на жизнь страны оппозиционные партии” не синонимы, как следовало бы ожидать, а различные понятия. По их представлению, с начала нынешнего десятилетия “оппозиция власти” в стране существенно ослабла — с 53%, признававших ее существование на рубеже веков, до примерно 40% в последние шесть лет. При этом доля утверждающих, что в стране существуют “значительные оппозиционные партии”, даже несколько выросла — с примерно 30% в первой половине десятилетия до примерно 40% в последние годы.

Таблица 1

Как вы думаете, есть ли сейчас в России политическая оппозиция власти? (в % к числу опрошенных)

Варианты ответа / Годы	2000	2004	2005	2006	2008	2009
Определенно да/скорее да	53	42	41	37	46	39
Определенно нет/скорее нет	25	38	35	39	35	38
Затруднились ответить	22	20	24	24	19	23

Источник: http://www.levada.ru/new/28-07-2009/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii

Таблица 2

А как вы думаете, нужна ли сейчас в России политическая оппозиция власти?

Варианты ответа / Годы	2000	2004	2005	2006	2008	2009
Определенно да/скорее да	47	61	63	56	62	57
Определенно нет/скорее нет	29	17	14	20	21	19
Затруднились ответить	24	22	23	24	17	24

Источник: http://www.levada.ru/new/28-07-2009/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii

Таблица 3

Есть ли в России значительные оппозиционные партии?

Варианты ответа / Годы	2002	2004	2005	2007	2009
Есть	31	30	30	41	38
Нет	42	47	47	33	47

Источник: http://www.levada.ru/new/28-07-2009/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii

Таблица 4

Нужны или не нужны в России общественные движения, партии, которые бы находились в оппозиции и могли оказывать серьезное влияние на жизнь страны?

Варианты ответа / Годы	2002	2004	2005	2007	2009
Нужны	56	66	61	66	71
Не нужны	24	21	25	20	16

Источник: http://www.levada.ru/new/28-07-2009/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsi*i*

Таким образом, запрос и на “оппозицию власти”, и на наличие влиятельных партий и движений с начала десятилетия значительно вырос и в 2009 г. составил 71% опрошенных. Кажущееся противоречие имеет логическое объяснение. С одной стороны, большинство россиян в 2000-е гг. обрело доверие к высшей власти и, очевидно, не желает ее смены. Поэтому многие наши соотечественники принимают официальную версию расстановки политических сил, в которой оппозиционные партии принято считать “влиятельными”. В 2007 г. число тех, кто придерживался такого мнения, даже превысило количество сторонников противоположной точки зрения. С другой стороны, с утверждением нынешней власти растет и ощущение “дефицита плюрализма”. Все большая доля россиян высказывается за необходимость как “оппозиции вообще”, так и за наличие действительно влиятельных партий.

В 2011 г. в России официально было зарегистрировано семь политических партий, которые охватывали весь политический спектр: 1) центристская партия “Единая Россия”; 2) левые партии: КПРФ, левоцентристская “Справедливая Россия”; 3) патриотическо-государственные партии: ЛДПР, “Патриоты России”; 4) либерально-правый партийный спектр: “Яблоко”, “Правое дело”.

В эпоху президентства В.В. Путина и сформировавшегося в дальнейшем “тандема” в стране сложилась современная политическая система с доминирующей политической партией власти “Единая Россия”. В ней руководство (правящая элита) и управление (бюрократия) постепенно стали дополнять друг друга, внутренне интегрироваться, придавая современной политической системе содержательные черты ушедшей, казалось бы, в прошлое советской политической системы. Проведенные же контрреформы избирательной системы, которая во многом определяет сущность реального механизма властных отношений в стране, стали придавать российской государственности черты элитистской. Это фактически ведет к освобождению власти из-под контроля со стороны общества и к дальнейшей бюрократизации политического режима, развитию правового нигилизма и как следствие укоренению в стране системной, в том числе и политической, коррупции.

В обществе крепнет убеждение в том, что российское чиновничество практически не подчиняется законам. По нашему мнению, именно в этом контексте следует рассматривать “рокировку власти” 24 сентября 2011 г. Именно она является истоком последующих событий, связанных с активизацией еще слабого, но все-таки “подросшего” и в то же время недооцененного властью реального гражданского общества, да и самих политических элит, неоднозначно воспринявших “рокировку”. В этом “размене власти” думающая часть общества не без оснований увидела посягательство

на гражданское достоинство, оскорбление граждан, попрание прав человека и гражданина, ибо в самой форме этой “рокировки” было заложено посягательство на сакральную сторону власти. Фактически было показано политическое шоу, в ходе которого первые лица государства сообщили о том, что решение было принято еще четыре года тому назад. Общество догадывалось о возможности таких договоренностей, но было не готово к тому, что их представят в такой форме. Использованная форма не нарушала напрямую букву закона, но ниспровергала его дух. Ведь носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации в соответствии с Конституцией является ее многонациональный народ. Только он может делегировать властные полномочия законодательной и исполнительной власти страны.

Последовавший после выборов в Государственную Думу РФ в декабре 2012 г. по всей стране всплеск политической активности в форме протестного движения “За честные выборы” продемонстрировал власти изменения в политическом сознании определенной части российского общества и ее готовность к активным действиям за гражданские и политические права. На уровне деклараций, как известно, реакция власти была почти мгновенной и выразилась в ее готовности провести некоторые реформы политической системы.

Однако российская власть в лице партии “Единая Россия” озабочена в первую очередь сохранением своих властных позиций. Понимая, что она не сможет удержать парламентское большинство в честной борьбе за умы и сердца избирателей, “Единая Россия” делает все для того, чтобы сохранить власть независимо от их воли. Происходит завоевание гражданского общества путем уступок, приданием партийной системе большей гибкости и вариативности. Все возвращается как бы со знаком “плюс”.

Пакет политических реформ включает в себя:

1) возврат к всеобщим прямым выборам губернаторов субъектов Российской Федерации;

2) наиболее принципиальное и в чем-то революционное снижение законодательного требования к численности политических партий с 45 000 в момент инициирования изменений в декабре 2011 г. до 500 человек после принятия соответствующего закона, т.е. в 90 раз. Такое снижение было беспрецедентным для российского права, ранее предполагалось постепенное планомерное сокращение требований к численности партий. Следствием принятых поправок стало резкое увеличение количества политических партий, которые, по замыслу их инициаторов, смогут предложить обществу (что мало вероятно) богатую палитру политических взглядов и предложений по развитию страны. К слову, на сегодняшний день в России зарегистрировано 66 политических партий, потен-

циально ожидается дальнейший количественный прирост партийных структур;

3) снижение избирательного барьера с 7 до 5%.

Интересными в связи с этим для анализа представляются выборы 14 октября 2012 г., которые имели много особенностей. Это первый единый избирательный день после прошедших в 2011–2012 гг. федеральных выборов и после проведенной в первой половине 2012 г. политической реформы, результатом которой стало восстановление выборов глав регионов, увеличение числа политических партий и освобождение партий от сбора подписей избирателей. Неудивителен интерес к губернаторским выборам, которые проводились впервые после почти восьмилетнего перерыва и по совсем иным, чем прежде, правилам. Но интересны и выборы региональных и муниципальных депутатов, а также мэров городов, условия проведения которых также заметно изменились в результате реформы.

На губернаторских выборах впервые отменено самовыдвижение, а привычный сбор подписей избирателей заменен "трехслойным муниципальным фильтром". Во-первых, кандидату необходимо собрать определенный процент от общего числа муниципальных депутатов и избранных на выборах глав (5, 7 или 10% — конкретное число устанавливается региональным законом). Во-вторых, в числе этих подписей должен быть определенный процент (обычно такой же) от общего числа депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов, а также избранных на выборах глав муниципальных районов и городских округов. И, наконец, в-третьих, кандидат должен получить подписи последних не менее чем в трех четвертях муниципальных районов и городских округов.

Когда закон только принимался, многие эксперты предупреждали, что предлагаемый "муниципальный фильтр" чрезмерен, что его преодоление в большинстве регионов невозможно без содействия власти и это может привести к имитации конкуренции, когда власть будет подбирать себе удобных соперников, отсекая серьезных конкурентов.

Теперь мы видим, что опасения вполне оправдались.

В Белгородской области, например, КПРФ и "Справедливая Россия" даже не стали выдвигать кандидатов. В Новгородской области кандидаты от КПРФ и "Справедливой России", ведущих оппозиционных партий, не смогли преодолеть "муниципальный фильтр" (хотя оба кандидата — депутаты областной Думы, а партии на прошлогодних выборах в Госдуму в регионе получили 19,5 и 28,1% соответственно голосов избирателей). Зато фильтр преодолел не имеющий широкой известности кандидат от "Патриотов России", в то время как эта партия 4 декабря 2011 г. довольствова-

лась в области 0,9% голосов. Уже один этот факт свидетельствует о неадекватности “муниципального фильтра”.

Самыми же скандальными стали выборы в Брянской области. Здесь отказ сначала получил кандидат от “Справедливой России” Вячеслав Рудников, у которого избирком забраковал 34 подписи. Позже оказалось, что и подписи за действующего губернатора, кандидата от “Единой России” Николая Денина, не вполне качественные. Областной суд снял последнего с выборов. Словом, уже очевидно, что “муниципальный фильтр” оказался непрост даже для губернаторов-единороссов.

Однако важнее другое. Анализ показал, что во всех пяти рассмотренных регионах кандидаты от партий, формально являющихся оппозиционными, были зарегистрированы благодаря подписям представителей “Единой России”. По-видимому, по-иному и не могло быть. Практически ни у одной из партий, кроме “Единой России”, нет достаточного количества муниципальных депутатов. Если на уровне поселений много депутатов, хотя бы формально имеющих статус независимых, то в муниципальных районах и городских округах картина другая, а без голосов этих депутатов, как отмечено выше, прохождение фильтров невозможно. Например, в той же Новгородской области во всех муниципальных районах большинство депутатов — единороссы, причем почти в половине районов депутатов-неединороссов всего один-два.

Сейчас уже и от представителей “партии власти” слышны признания, что правила губернаторских выборов необходимо менять. Вопрос только в том, почему они не подумали об этом раньше и будут ли они хоть теперь прислушиваться к экспертам.

Выборы региональных и муниципальных депутатов интересны в первую очередь тем, что изменились условия участия в них политических партий. Во-первых, самих партий стало значительно больше: еще весной их было всего семь, а в октябрьских выборах право участия имели уже от 19 до 27 партий.

Во-вторых, если раньше от сбора подписей избирателей были освобождены только четыре парламентские партии, то теперь все партийные списки и все кандидаты от партий регистрируются без подписей.

К чему это привело? С одной стороны, это позволило более активно участвовать в выборах старым непарламентским партиям. Так, “Яблоко” зарегистрировало списки на пяти региональных выборах из шести, на пяти из семи выборах депутатов региональных центров и на восемь из 28 других муниципальных выборов, проводимых по партийным спискам. “Патриоты России” также приняли участие в выборах соответственно в пяти, шести и четырех кампаниях. Гораздо менее активно “Правое дело”: на его счету оказались только три региональные и три муниципальные кампании.

Из новых партий наиболее активными оказались “Коммунисты России” и восстановленная после реформы Российская экологическая партия “Зеленые”. Заметную активность проявили также “Альянс зеленых –Народная партия”, “Города России” и партия “За Справедливость!”, правда, последние две — только на региональных выборах.

Однако есть примеры и другого рода, и они настораживают. Шесть партий (Демократическая партия России, Коммунистическая партия социальной справедливости, Народная партия России, Партия социальных сетей, Социал-демократическая партия России и партия “Союз горожан”) злоупотребили своим правом, выдвинув в разных регионах и городах одних и тех же кандидатов, в основном не имеющих никакого отношения к этим регионам и городам. Например, у Демократической партии России в восьми списках (в Республике Северная Осетия-Алания, Краснодарском крае, Саратовской и Сахалинской областях, Черкесске, Петропавловске-Камчатском, Твери и Ярославле) нет ни одного жителя этих регионов и городов.

Технологии этих шести партий поразительно сходны, действуют они синхронно, известны случаи, когда документы по всем партиям приносит в избирком один и тот же человек. Очевидно, что, выдвигая такие списки, партия не рассчитывает на электоральный успех, а действует с какими-то иными целями. Одна из задач подобных партий может состоять в выполнении функции спойлера[4]. У партии, которая называется Коммунистической партией социальной справедливости и имеет аббревиатуру КПСС, спойлерская функция очевидна. У других эта функция пока не просматривается.

При сложившейся партийной системе партии не представляют интересы населения, а обслуживают бюрократический механизм проведения через парламент законов, необходимых исполнительной власти. На наш взгляд, соответствующая переделка избирательной системы, законов о выборах и о партиях была осуществлена именно для того, чтобы в созданном механизме не было сбоев. “Сверхадминистрирование” партийной системы стало частью чрезмерного администрирования и бюрократизации всей государственной системы управления, что, несомненно, не способствует развитию общества. Вообще, попытка формализовать политическую систему де-факто стала контрпродуктивным действием, в такой

[4] От англ. spoil — 1) “портить(ся)”, 2) “ограбить, обобрать” (противника). Фактически, если говорить о политике, спойлер — это кандидат (партия), не имеющий шансов на победу, но оттягивающий на себя часть голосов у другого кандидата (партии) со сходной программой. Таким образом, спойлер повышает шансы на победу кандидата (партии) с противоположной позицией по основополагающим вопросам (*Прим. ред.*).

системе политические партии вряд ли возможно признать дееспособными политическими субъектами, которые могут выполнять свойственные им функции.

Партийный монополизм при формальной многопартийности прогрессирует, а профессиональная функциональная нагрузка на правящую партию в связи с ее классическими функциями продолжает деградировать. В середине нулевых годов XXI в. в стране окончательно оформились персоналистский тип правящей партии и институт имитационной демократии и многопартийности. Сформировавшаяся партийная система фактически привела к сужению возможностей населения транслировать посредством партий свои интересы власти.

Однако в этой связи справедливости ради следует сказать, что власть, по крайней мере в лице Президента В.В. Путина, в ходе последнего сложного цикла "больших выборов" 2011–2012 гг. признала факт отставания государства "от готовности гражданского общества в нем участвовать". В одном из положений своей предвыборной программы, тогда еще кандидат на должность Президента страны В.В. Путин высказал мысль о том, что демократия «заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия политических решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и "обратной связи"»[5]. Это хрестоматийное понятие демократии по определению предполагает реальную *конкурентную партийную систему*, формирование которой в России зависит не только от пока еще слабого, хотя уже ставшего "более зрелым, активным и ответственным" гражданского общества, но и от реальной политики властвующей элиты и всего политического класса по созданию условий и предпосылок для его более быстрого становления в действенного субъекта политического процесса в стране. Чрезвычайно важно, чтобы мысль о "неготовности" россиян к демократии не становилась доминирующей в подходах рассмотрения этой действительно сложной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М., 2011. (*Kynev A.V., Lyubarev A.E.* Partii i vybory v sovremennoj Rossii: e'volyuciya i devolyuciya. M., 2011.)

[5] *Путин В.В.* Демократия и качество государства // Владимир Путин. Россия сосредотачивается. Ориентиры. М., 2012. С. 46, 48, 50.

Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. (*Ivanchenko A.V., Lyubarev A.E.* Rossiiskie vybory ot perestrojki do suverennoj demokratii. M., 2006.)

Путин В.В. Демократия и качество государства // Владимир Путин. Россия сосредотачивается. Ориентиры. М., 2012. (*Putin V.V.* Demokratiya i kachestvo gosudarstva // Vladimir Putin. Rossiya sosredotachivaetsya. Orientiry. M., 2012.)

Политическая оппозиция в общественном мнении // Пресс-выпуск Левада-Центр, 23.10.2009. URL: http://www.levada.ru/new/28-07-2009/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii (Politicheskaya oppoziciya v obshchestvennom mnenii // Press-vypusk Levada-Centr, 23.10.2009. URL: http://www.levada.ru/new/28-07-2009/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii)

Макаренко Б. Сценарии эволюции партийной системы. URL: http://www.carnegie.ru/proEtContra/?fa=42248 (*Makarenko B.* Scenarii e'volyucii partijnoj sistemy. URL: http://www.carnegie.ru/proEtContra/?fa=42248)

В.В. Шишков, канд. полит. наук, доц. кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В СВЕТЕ ПОСТИМПЕРСКОГО ТРАНЗИТА

В статье исследуются проблемы постимперского транзита современной России, связанные с преодолением крайностей децентрализации и централизации. Рассмотрены взаимоотношения между центром и регионами в период непосредственно после распада СССР и федеративные реформы 2000-х гг. Представлен анализ таких составляющих постимперского российского федерализма, как статус и прерогативы центральной власти, асимметричность статусов субъектов Федерации, взаимодействие центральной и региональных элит.

Ключевые слова: *империя, постимперский транзит, федерализм, региональные элиты, асимметрия субъектов Федерации.*

The paper investigates the problems of the modern post-imperial Russia transit of overcoming extreme decentralization and centralization. Examined the relationship between the center and the regions in the period immediately after the collapse of the Soviet Union and the 2000 years federal reform. The analysis of the components of post-imperial Russian federalism as the status and prerogatives of the central government, asymmetric status of subjects of the Federation, the interaction of the central and regional elites.

Keywords: *Empire, post-imperial transit, federalism, regional elites, the asymmetry of Federal subjects.*

Современная российская государственность ведет свою историю от имперских систем предшественниц — Российской империи и Советского Союза. Несмотря на то что последний не может быть безоговорочно отнесен к числу таких политико-территориальных систем, как империи, тем не менее его политика основывалась на универсальной идеологии (коммунизм) и была связана с формированием сложносоставного политико-территориального комплекса периферий, полностью контролируемых центральной властью. В связи с этим представляется оправданным рассмотрение политического развития современной России в качестве одного из вариантов постимперского транзита.

* **Шишков Василий Валерьевич,** e-mail: fh55@mail.ru

В современной политической науке проблемы постимперского транзита приобретают все большую актуальность, связанную с необходимостью выявления тех особенностей политического развития, которые отмечаются у государств, ранее входивших в имперское пространство. Под постимперским транзитом можно понимать процесс национального и государственного строительства, связанный с экономическими преобразованиями, установлением современных институтов правового государства, формированием политической нации, демократизацией и, что особенно важно применительно к современной России, переформатированием политико-территориального устройства, выстраиванием новой системы отношений между центром и регионами.

Российская Федерация унаследовала большую часть территории СССР вместе с прежними "имперскими" вопросами, а также связанной с необходимостью их преодоления проблемой политического переустройства отношений бывшего имперского центра с сохранившимися под его властью периферия ми, приобретшими статус субъектов Федерации. Федерализм стал тем путем, по которому стали развиваться отношения между центром и регионами на новом этапе российской государственности.

Понятие "федерализм", как показывает Д.Дж. Элейзер, имеет два значения. "В узком смысле оно обозначает взаимоотношения между различными правительственными уровнями, в более широком — сочетание самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации"[1]. Для исследователя "федерализм — территориальное выражение демократии". С этим согласуется позиция Р.Г. Абдулатипова, который называет демократию, обогащенную принципами федерализма, "федеративной". При этом федерализм как теория и методология государственного строительства и управления структурирует демократию[2].

Федерализм как способ распределения политических полномочий между федеральным правительством и органами власти в регионах основывается на институциональном соглашении между элитами. В таком виде федерация "выступает инструментом разрешения существующих политических противоречий, позволяющим элитным группам достигнуть единого компромиссного решения"[3]. С подобной позиции, которую занимает американский политолог У. Райкер, "федерализм — эффективная форма

---

[1] *Элейзер Д.Дж.* Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106.

[2] См.: *Абдулатипов Р.Г.* Федералогия. СПб., 2004. С. 5.

[3] *Ильченко М.С.* Федерализм с позиций инструментализма: теоретические основания и политические реалии // Современный федерализм российские проблемы в сравнительной перспективе. СПб., 2008. С. 15.

территориального расширения, поскольку новые члены вовлекаются в федерацию таким образом, что их территориальная идентичность не теряется, а правители сохраняют свои посты”[4].

По выражению М. Берджеса, “дух федерализма — в примирении конкурирующих позиций, его девиз — толерантность, переговоры и взаимное признание”[5]. Федеративное государство — это союз, в котором присутствуют отчетливые организационные формы для нахождения компромиссов между составными частями союза в ходе процедур принятия решений центральным правительством. Вовлечение составных частей союза в принятие политических решений — его важнейшая характеристика[6]. Можно согласиться с мнением А.С. Макарычева о том, что федерализм как политико-юридическая форма регионализма “всегда представляет собой компромисс между центробежными и центростремительными тенденциями, которые неизбежно присутствуют в обществе”[7]. В федеративных нормах выражается “баланс между объединением и децентрализацией в рамках единой политической формы”[8]. В этом состоит принципиальное отличие федеративного государства от империи, которая концентрирует всю совокупность политических взаимосвязей в своем центре.

Конституция 1993 г. установила федеративность России, утвердив принципы федерализма (ст. 5) и разграничение предметов ведения между федеральным центром и субъектами Федерации (гл. 3, ст. 71–73). Тем не менее конституционные принципы в современных реалиях российского государственного строительства еще не полностью реализовались в модели, преодолевающей противоречия между централизацией или децентрализацией, между нарастанием или нивелированием асимметричности статусов субъектов Федерации. Как представляется, также не вполне разрешен вопрос о вовлечении элит субъектов Федерации в поиск компромиссов и согласительные процедуры, определяющие общегосударственную политику.

Таким образом, реальное политическое воплощение конституционных положений, утверждающих начала федерализма, зависит от соотношения политического “веса” федерального центра и субъектов Федерации, от степени влияния отдельных субъектов на федеральный центр, т.е. пока еще имеет нестабильный характер,

---

[4] *Riker W.* Federalism: origin, operation, significance. Boston, 1964. P. 40.

[5] *Burgess M.* Federalism and federation: a reappraisal // Comparative Federalism and Federation / Ed. by M. Burgess, A.G. Gagnon. N.Y., 1993. P. 7.

[6] *Burgess M.* Comparative federalism in theory and practice. L., 2006. P. 2.

[7] *Макарычев А.С.* Регионализм, федерализм и ценности открытого общества // Регион в составе Федерации: политика, экономика, право. Н. Новгород, 1999. С. 51.

[8] *Watts R.L.* Comparing federal systems. Montreal; Kingstons, 1999. P. 6.

присущий процессу постимперского транзита. По замечанию В.А. Ковалева, «Веберовский термин “псевдоконституционализм” (еще о реформах 1905 года в царской России) наилучшим образом характеризует политико-правовое состояние, как сто лет назад, так и сегодня. Только в отличие от Российской империи к этому в современной России добавляется проблема “федеративных отношений”»[9]. Постимперский характер современной России достаточно ясно проявляется в выстраивании отношений между Федерацией и ее субъектами, которые, с одной стороны, опираются на конституционные принципы федерализма, а с другой — во многих своих чертах воспроизводят порядок связей между имперским центром и его периферриями.

На современном российском федерализме лежит отпечаток имперских отношений центра и периферии. Политико-территориальный комплекс, в основном “унаследованный” Россией, сложился в Российской империи, а современную конфигурацию приобрел во время СССР. При этом, как отмечает С. Кордонский, “разделение страны на элементы (регионы, округа, муниципалитеты и пр.) во многом определяется задачами, которые ставили перед страной еще имперские и советские властные институты. Современное административно-территориальное деление сформировано при решении задач освоения физического пространства Евразии, мобилизации, индустриализации и справедливого распределения ресурсов”[10].

Для российского федерализма характерно соединение национально-государственного и административно-территориального принципов территориально-политического устройства, что связано с полиэтническим составом населения страны, в свою очередь выражающем разнородность, присущую имперским системам — предшественницам современной России. При этом, по замечанию Н.В. Петрова, смешанный экстерриториальный характер Федерации — «атавизм, от которого очень трудно (если только возможно) избавиться, чреватый этноконфликтами и практикой “этновыдавливания”, дроблением регионов по этническому признаку»[11]. Кроме того, проблемы российского федерализма генетически связаны с борьбой центральной власти за сохранение единства страны против стремления к автономизации и сепаратизму[12]. Ведь в отличие от федерализма Западной Европы Российская Федерация возникла

---

[9] *Ковалев В.А.* Федерализм и демократия: российский оксюморон // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. С. 84.

[10] *Кордонский С.* Россия. Поместная федерация. М., 2010. С. 7.

[11] *Петров П.В.* Федерализм по-российски // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 8.

[12] См.: *Пастухов В.Б.* Российский федерализм: политическая и правовая практика // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 53.

не путем объединения в единое государство отдельных территорий с их взаимного согласия. Российская Федерация создавалась сверху, путем деволюции, т.е. путем выделения в составе государства отдельных относительно самостоятельных автономных образований[13]. Таким образом, специфика российского федерализма определяется социокультурными особенностями страны, историческим опытом взаимоотношений центра и регионов и все перечисленное указывает на сложность проблемы выстраивания отношений между Федерацией и ее субъектами, которая проявилась в полной мере непосредственно после распада СССР.

Развитие федеративных отношений в России в первые годы после краха Советского Союза связано с преодолением центробежного тренда, порожденного его распадом: в это время перед политическим руководством новой России стояла угроза продолжения децентрализации "имперского" пространства и как следствие его дезинтеграция. Образно говоря, децентрализация была «побочным результатом соперничества между элитами в перераспределении "экономического пирога"»[14]. Переформатирование отношений федерального центра и периферий происходило в нестабильных политических условиях при необходимости сохранения государственности в формате границ, учрежденных советской властью в РСФСР. Этому процессу сопутствовали широкая практика подписания соглашений между центром и регионами, законотворческая практика регионов, противоречащая Конституции и федеральному законодательству, реальная опасность распада единого экономического пространства и другие негативные условия[15]. Анализ структурирования отношений между федеральным центром и регионами в первые годы после распада СССР позволяет охарактеризовать этот период как переходный этап, во время которого ценой уступок региональным политическим элитам удалось сохранить территориальную целостность страны, избежать дальнейшей децентрализации и создать предпосылки для консолидации политического пространства России.

Преодоление политико-правовой анархии, угроз и опасностей сепаратизма стало основным содержанием политики Центра. На

---

[13] См.: *Калганова Л.А.* Компаративные исследования европейской и российской моделей государственного управления // Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара. Вып. 9 (30). М., 2010. С. 7.

[14] *Либан А.М.* Эндогенные границы и распределение власти в федерациях и международных сообществах. М., 2009. С. 29.

[15] См.: *Пляйс Я.А.* Природа, генезис и современные особенности российского федерализма // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. С. 124.

решение этих проблем были направлены реформы, занявшие первое десятилетие XXI в.

К концу 1990-х гг. опасность дезинтеграции России стала настолько очевидной, что без решительных мер обойтись было уже нельзя. Одной из таких мер стало прекращение заключения договоров с субъектами Федерации. Отмена договоров была лишь одним элементом из комплекса мер, направленных на централизацию и построение "вертикали власти". В 2000 г. были учреждены федеральные округа во главе с полномочными представителями Президента[16], позже были сформированы федеральные окружные органы власти прокуратуры, Министерства юстиции, МВД и др., изменился порядок формирования Совета Федерации[17], учрежден Государственный совет[18]. Путем внесения поправок в избирательное законодательство и законодательство о политических партиях в течение 2001–2002 гг. интегрирована федеральная политическая система, в 2002 г. республики лишены права на собственное гражданство[19], с 2003 г. началась реформа, связанная с разграничением предметов ведения между Федерацией и ее субъектами[20] и укрупнением субъектов Федерации, которые привели к сокращению их числа с 89 до 83, что в значительной мере решило проблему "слож-

---

[16] Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 "О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 20. Ст. 2112.

[17] Федеральный закон от 05.08.2000 № 113-ФЗ "О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3336.

[18] Указ Президента Российской Федерации от 01.09.2000 № 1602 "О Государственном совете Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 36. Ст. 3633.

[19] Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ "О гражданстве Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

[20] Федеральный закон от 04.07.2003 № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27. Ч. 2. Ст. 2709; Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2004, № 35. Ст. 3607; Федеральный закон от 29.12.2004 № 199-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ч. 1. Ст. 25.

носоставных регионов". В 2004 г. было установлено, что глава субъекта Российской Федерации наделяется полномочиями парламентом субъекта по представлению Президента[21] (с 2012 г. главы субъектов Федерации вновь стали избираться их населением[22]). Представляется, что перечисленные меры переломили тенденцию к децентрализации Российской Федерации, но не решили проблем, связанных с постимперским транзитом, т.е. с политической ролью Центра по отношению к регионам, асимметричностью статусов субъектов Федерации и вовлечением региональных элит в общегосударственную политику.

Существующий дисбаланс отношений между Центром и регионами во многом связан не только с социокультурной разнородностью пространства России, но и с высоким дисбалансом экономического развития регионов: из 83 субъектов только примерно 20 являются экономически самостоятельными. Во многих "проблемных" регионах именно федеральные деньги позволяют органам власти выполнять базовые государственные функции. В 2007 г. 68 регионов России являлись получателями дотаций из федерального бюджета, в 2008 г. — 72 региона, а в 2009–2010 гг. — 70 регионов[23], при этом в 2010 г. доля Москвы в ВВП России возросла до 22,2%[24]. Данные за 2011 г. показывают, что на шесть регионов приходится почти половина ВВП России[25]. Эти факты имеют во многом определяющее значение для развития федерализма в России, заинтересованности как центра, так и регионов во внедрении федеративных практик.

Во многом с таким положением дел связана исключительно высокая роль центра во взаимоотношениях с регионами.

---

[21] Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и в Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 50. Ст. 4950.

[22] Федеральный закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2274.

[23] См.: *Валиева Д.Г.* Межбюджетные трансферты и политика региональных властей в условиях высокой дотационности регионов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 53.

[24] Двойное преимущество // Взгляд: Интернет-газета. URL: http://vz.ru/economy/2011/6/22/501622.html (дата обращения: 24.02.2013).

[25] Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2012.pdf (дата обращения: 24.02.2013).

Российская практика федерализма демонстрирует переход к крайностям централизации. Многие субъекты Федерации, проявившие в начале истории современной России стремление к обретению политической самостоятельности, в реальности не обладали экономическими возможностями к действительному воплощению своих конституционных полномочий, оставаясь в большинстве своем зависимыми от дотаций из федерального центра. Попытки руководства субъектов проявить самостоятельность можно рассматривать в качестве давления на Правительство России с целью обеспечить свое политическое положение, влияние и участие в решении общегосударственных вопросов. Имея реальные возможности политического управления регионами, руководство субъектов Федерации не сдало бы свои политических позиций федеральному центру в ходе реформ первого десятилетия XXI в., приведших к окончательной потере самоуправления и долевого участия в государственном правлении через Совет Федерации, который, по замечанию А.Н. Болговой, все больше становится похож на "палату лоббистов"[26], теряя связь с регионами. Модель территориального устройства России стала "близка к советской", с ее неформальными практиками, а "федеративное взаимодействие стало во многом подменяться простым администрированием"[27]. При этом в результате реформ 2000-х гг. центр приобрел политические прерогативы, позволившие ему сосредоточить в своих руках контроль над политикой субъектов.

По мнению А. Захарова, в Российской Федерации не удалось расшатать однонаправленную ось "центр — периферия", составляющую структурную основу всякого имперского бытия, в итоге в стране регионы по-прежнему не являются самостоятельными и активными политическими деятелями[28]. Отношения между центром и регионами теряют свою политическую насыщенность, превращаясь в отношения иерархического соподчинения; регионы превращаются в "периферии", отвечающие за реализацию указаний из центра.

Наследие советской политики в отношении народов России, несостоятельность политического курса 1990-х гг., грозившего обострением этнических конфликтов и отпадением некоторых ре-

---

[26] *Болгова А.Н.* Совет Федерации — "палата регионов" или "палата лоббистов"? // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. С. 64.

[27] *Ильченко М.С.* Особенности институционального развития российского федерализма на современном этапе // Политические процессы в России и в мире: взгляд молодых политологов / Под ред. К.П. Кокарева, М.В. Старчака и др. М., 2009. С. 146.

[28] См.: *Захаров А.* Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М., 2008. С. 36.

гионов (главным образом Северного Кавказа), потребовали новой централизации политико-территориального управления страной, пусть и с сохранением конституционных основ федерализма. Империя, будучи, как и Федерация, сложносоставным образованием, не предполагает диалога, направленного на поиск компромиссов между имперским центром, который занимает исключительное политическое положение, и периферией. Напротив, империя действует императивно, и в этом нам видится одно из основных отличий империи от федерации.

С политикой центра во многом связана другая проблема, также сохранившаяся с "имперских" времен, — асимметричность статусов субъектов Федерации.

Асимметричность российского федерализма была свойственна ему с момента зарождения и, как представляется, была связана с необходимостью сдерживать этносепаратизм и национальные элиты в республиках. Как видится с позиции современности, данное обстоятельство стало определяющим фактором в утверждении Конституцией особого статуса республики (ст. 5 Конституции) в составе России при формальном равенстве всех субъектов в составе Федерации. Реформы 2000-х гг. в значительной степени упразднили правовые проявления "суверенитета" республик, но окончательно покончить с их фактически особым статусом были не в состоянии.

В своей политике центральная власть непоследовательна, продолжая выделять одни субъекты Федерации среди всех остальных. В 2007 г. между Российской Федерацией и Республикой Татарстан был подписан договор о разграничении полномочий, введенный в действие 24 июля того же года Федеральным законом № 199-ФЗ[29]. Для Татарстана он имеет существенное политическое значение, отчасти удовлетворяя его претензии на особые в сравнении с другими регионами отношения с федеральными органами государственной власти[30]. Рассматривался проект аналогичного договора с Чеченской Республикой[31]. По мнению М.Х. Фарукшина, совмещение конституционных и договорных элементов в природе Российской Федерации порождает противоречия[32], что, несомненно,

---

[29] Федеральный закон от 24.07.2007 № 199-ФЗ "Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 3996.

[30] См.: *Пляйс Я.А.* Указ. соч. С. 125.

[31] См.: *Выжутович В.* Статус — во! // Российская газета. 2005. 14 июня. Федеральный выпуск № 3794.

[32] См.: *Фарукшин М.Х.* Институциональные пробелы в российском федерализме // Демократия и федерализм в России. М., 2007. С. 188.

сказывается на развитии модели отечественного федерализма в целом, сохраняя в нем элементы асимметричности статусов субъектов Федерации.

А.В. Дахин для ситуации конституционного равенства субъектов Федерации выделяет четыре модели реализации федерализма на уровне субъектов: национальные регионы; аграрно-индустриальные русскоговорящие регионы; регионы, на территории которых находятся предприятия стратегических промышленных корпораций; и модель, представляющая собой сложную смесь первых трех. Кроме того, существует специфика столичных регионов — Москвы и Санкт-Петербурга. При этом в национальных регионах (например, в Татарстане, Чечне, Башкирии) формируется особый тип концентрации власти, в основе которого лежат этнополитические и этнофинансовые структуры влияния, которыми — с большей или меньшей помощью федерального центра — обладает региональный лидер и альтернативы которым у федерального центра нет[33]. Разнородность моделей политического управления может рассматриваться в качестве одной из существенных черт имперской политико-территориальной системы, стремящейся к сочетанию в едином политическом комплексе различных политических образований. Этой чертой обладала Российская империя, и в определенной степени она была присуща СССР, руководство которого в своей политике стремилось учитывать этнические особенности проживающих на его территории этносов и предоставлять им определенную степень автономии.

В современной политической практике федеративных отношений в России наблюдается использование федерализма “бюрократией для создания полуавтономных автократий, а население отдаляется от процесса принятии решений”[34]. С.М. Елисеев отмечает, что в России власть в большинстве регионов все больше зависима в политическом отношении от центра и возглавляется авторитарными наместниками, поддерживаемыми им. Федеральный центр оказывает поддержку авторитарным региональным политическим режимам в Башкирии, Калмыкии, Удмуртии, Дагестане, Чечне и др.[35] Проявление авторитарных тенденций на уровне субъектов Российской Федерации затрагивает преимущественно “национальные” субъекты, которые наделены особым конституционным ста-

---

[33] См.: *Дахин А.В.* Актуальный федерализм: разнообразие моделей политического управления регионами // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. С. 217–218.

[34] См.: *Черникова В.В.* Устойчивость федераций в контексте демократического развития // Демократия и федерализм в России. С. 207.

[35] См.: *Елисеев С.М.* Федерализм как инструмент сохранения власти и реализации консервативной политики // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. С. 79.

тусом, что заложило в отечественную модель федерализма существенную проблему фактической и юридической асимметричности.

Очевидно, что проблема асимметричности российского федерализма имеет такие особенности, что выходит за рамки специфических черт субъектов Федерации, и обусловлена она полиэтническим составом населения, а также тесно связана с проблемой формирования единой российской нации, которая призвана стать политической и социокультурной основой современного Российского государства. В этой связи преодоление асимметричности статусов субъектов Федерации приобретает особое значение в качестве одного из необходимых условий политической состоятельности российского национального проекта, без полномасштабной реализации которого процесс постимперского транзита может затянуться на неопределенное время и с неопределенными последствиями.

Во многом справедливо будет сказать, что реформа федеративных отношений в 2000-х гг. прошла под знаком сокращения политической автономии элит (введение федеративных округов и изменение порядка формирования Совета Федерации, назначение губернаторов).

В этот период на уровне субъектов в сфере управленческой деятельности "большая часть разрешительных функций постепенно отходит к федеральным структурам. Этот процесс протекал тем проще, чем существеннее было превышение размера федерального трансферта над местной составляющей бюджета региона"[36]. В свою очередь это определило слабую реакцию населения на отмену выборов глав субъектов ("региональных баронов", по выражению Л. Бляхера). Вообще региональные элиты к этому времени, вероятно, стали "тяготиться демократическими методами разрешения политических противоречий"[37] и, не имея ресурсов поддержки, скорее, позитивно восприняли происходящую рецентрализацию.

По оценке О.В. Гончаренко, ключевой задачей федеративных реформ по отношению к региональным элитам стало повышение лояльности в обмен на продление полномочий, а характерной тенденцией — досрочное переназначение, число же губернаторов-"варягов" возрастало постепенно и не было слишком велико. Также проявилась тенденция к усилению контроля центра над деятель-

---

[36] См.: *Бляхер Л.* Расцвет и закат "региональных баронов" (в поисках оснований федеративного государства) // К новой модели российского федерализма: взгляд из регионов: Доклады проекта — 2012. Междунар. фонд соц.-экон. и политол. исслед. (Горбачев-фонд). М., 2012. С. 52.

[37] *Ковалев В.А.* Федерализм и российская политика в рамках "управляемой демократии" // Демократия и федерализм в России. С. 239.

ностью региональных властей[38]. Рассмотренные меры позволили в значительной степени сосредоточить в руках федерального центра решение вопросов о полномочиях глав субъектов Федерации, но в то же время по сути ограничили формальные каналы влияния региональных элит на элиту центра, сделав субъекты Федерации политически зависимыми от центральной власти.

В этой связи нельзя не указать на результаты исследования Н.В. Дергуновой и В.В. Ошкина, которые показывают, что региональная административно-политическая элита осознает зависимость своего положения от лояльности режиму и способности поддерживать неформальные контакты с федеральным центром[39]. Еще более радикальная оценка взаимоотношения элит центра и регионов предложена А.Е. Чириковой: "Кремль... сужает элитное пространство, превращая региональных политических руководителей в зависимых и неинициативных исполнителей приказов сверху, не верящих, что следование формальным правилам может привести их к решению важных общественных проблем"[40]. Нельзя не отметить, что федеральная власть стремилась сохранить высокую значимость существующего конституционного института регионального представительства — Совета Федерации и создала новую площадку взаимодействия центра и регионов — Государственный совет, что не соответствует политике полного контроля над региональными элитами. Тем не менее и в данном случае можно говорить о дисбалансе связей между центром и регионами в пользу первого, но восстановление выборности глав регионов в 2012 г. представляется позитивным шагом по его преодолению.

Таким образом, в том, что касается взаимодействия центральной и региональных элит, реформы 2000-х гг., ограничив самостоятельность последних, позволили федеральному центру в значительной степени пойти по пути воспроизводства "имперской модели" межэлитных отношений, основное содержание которой состоит в обеспечении лояльности элит разнородных периферий и контроля над ними, в противоположность основанной на взаимном признании политике межэлитного компромисса, предполагаемой федеративной моделью.

Подводя итоги рассмотрения проблемы постимперского транзита в практике российского федерализма, следует указать на то,

---

[38] См.: *Гончаренко О.В.* Губернаторы и Центр в "эпоху Путина": региональная политика в рамках "вертикали власти" // Демократия в современном мире: Сб. статей. М., 2009. С. 347, 350.

[39] См.: *Дергунова Н.В., Ошкин В.В.* Факторы эффективности региональной политической элиты (социологический анализ) // Власть. 2011. № 4. С. 99.

[40] *Чирикова А.Е.* Политические последствия вертикализации власти: федеральные и региональные измерения // Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия: Сб. ст. / Под ред. Я.А. Пляйса. М., 2007. С. 181.

что в общих чертах ей присущи крайности децентрализации и централизации. После распада СССР центр, предотвращая дальнейшую дезинтеграцию, был вынужден следовать требованиям регионов по предоставлению им полномочий, и шел на совмещение конституционного и договорного начал федеративности. С началом 2000-х гг. реформы отечественного федерализма переломили эту тенденцию. Постимперский характер российского федерализма проявляется в следующих чертах: в исключительной роли центра в отношениях с субъектами Федерации, низводящей последних до положения периферий при "спящих" институтах согласования общегосударственной политики (Совет Федерации) или отсутствия властных полномочий (Государственный совет); в конституционной и фактической асимметричности статусов субъектов Федерации, подчеркивающей разнородность политико-территориального комплекса России, дифференциацию взаимодействия между центром и регионами и политического управления в регионах, а также препятствующей развитию российской гражданской нации; в модели взаимоотношений между элитой центра и регионов, не предполагающей компромиссного взаимодействия, а направленной главным образом на обеспечение лояльности элит регионов и контроля над ними со стороны элиты центра.

Представляется, что преодоление рассмотренных дисбалансов будет способствовать повышению эффективности российской модели федеративности, связанной с нивелированием противоречий, процессом инициирования, согласования и реализации компромиссных путей развития государства в целом и отдельных регионов. Проведенный анализ особенностей российского федерализма позволяет высветить и более глубокую проблему, чем проблема необходимости преодоления рассмотренных дисбалансов. В статье уже указывалось, что в той или иной форме данные черты присутствовали в государственном устройстве Российской империи и СССР, а их воспроизведение на современном этапе развития России позволяет поставить вопрос о том, насколько эти особенности имманентно присущи российской государственности, обусловлены объективными условиями властвования над разнородным политическим пространством.

С одной стороны, постимперский транзит как процесс преодоления неопределенности после "расставания" с империей означает новый этап модернизации, связанный с внедрением демократических практик и укоренением национально-гражданской идентичности, что в российском варианте означает развитие федеративности. С другой стороны, нельзя однозначно утверждать, что транзитный процесс предусматривает единственный вариант развития российской государственности, связанный с ее федерализацией. Рассмот-

ренные характерные черты этого процесса в России не позволяют исключить перспективы более полного воспроизведения практик политического управления, de facto соответствующих имперской парадигме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулатипов Р.Г. Федералогия. СПб., 2004. (*Abdulatipov R.G.* Federalogiya. SPb., 2004.)

Бляхер Л. Расцвет и закат “региональных баронов” (в поисках оснований федеративного государства) // К новой модели российского федерализма: взгляд из регионов. Доклады проекта — 2012. Междунар. фонд соц.-экон. и политол. исслед. (Горбачев-фонд). М., 2012. С. 43–53. (*Blyaher L.* Rascvet i zakat “regional’nyh baronov” (v poiskah osnovanij federativnogo gosudarstva) // K novoj modeli rossijskogo federalizma: vzglyad iz regionov. Doklady proekta — 2012. Mezhdunar. fond soc.-e’kon. i politol. issled. (Gorbachev-Fond). M., 2012. S. 43–53.)

Болгова А.Н. Совет Федерации — “палата регионов” или “палата лоббистов”? // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе / Под ред. Ю.Н. Солонина, Л.В. Сморгунова. СПб., 2008. С. 63–66. (*Bolgova A.N.* Sovet Federacii — “palata regionov” ili “palata lobbistov”? // Sovremennyj federalizm: rossijskie problemy v sravnitel’noj perspektive / Pod red. Yu.N. Solonina, L.V. Smorgunova. SPb., 2008. S. 63–66.)

Валиева Д.Г. Межбюджетные трансферты и политика региональных властей в условиях высокой дотационности регионов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 50–62. (*Valieva D.G.* Mezhbyudzhetnye transferty i politika regional’nyh vlastej v usloviyah vysokoj dotacionnosti regionov // Voprosy gosudarstvennogo i municipal’nogo upravleniya. 2011. N 4. S. 50–62.)

Выжутович В. Статус — во! // Российская газета. 2005. 14 июня. Федеральный выпуск № 3794. (*Vyzhutovich V.* Status — vo! // Rossijskaya gazeta. Federal’nyj vypusk N 3794 ot 14 iyunya 2005.)

Гончаренко О.В. Губернаторы и Центр в “эпоху Путина”: региональная политика в рамках “вертикали власти” // Демократия в современном мире: Сб. статей. М., 2009. С. 347–353. (*Goncharenko O.V.* Gubernatory i Centr v “e’pohu Putina”: regional’naya politika v ramkah “vertikali vlasti” // Demokratiya v sovremennom mire: Sb. statej. M., 2009. S. 347–353.)

Дахин А.В. Актуальный федерализм: разнообразие моделей политического управления регионами // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе / Под ред. Ю.Н. Солонина, Л.В. Сморгунова. СПб., 2008. С. 217–220. (*Dahin A.V.* Aktual’nyj federalizm: raznoobrazie modelej politicheskogo upravleniya regionami // Sovremennyj federalizm: rossijskie problemy v sravnitel’noj perspektive / Pod red. Yu.N. Solonina, L.V. Smorgunova. SPb., 2008. S. 217–220.)

Двойное преимущество // Взгляд: Интернет-газета. URL: http://vz.ru/economy/2011/6/22/501622.html (дата обращения: 24.02.2013). (Dvojnoe preimushchestvo // Vzglyad: Internet-gazeta. URL: http://vz.ru/economy/2011/6/22/501622.html (data obrashcheniya: 24.02.2013).)

Дергунова Н.В., Ошкин В.В. Факторы эффективности региональной политической элиты (социологический анализ) // Власть. 2011. № 4. С. 98–100. (*Dergunova N.V., Oshkin V.V.* Faktory e'ffektivnosti regional'noj politicheskoj e'lity (sociologicheskij analiz) // Vlast'. 2011. N 4. C. 98–100.)

Елисеев С.М. Федерализм как инструмент сохранения власти и реализации консервативной политики // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе / Под ред. Ю.Н. Солонина, Л.В. Сморгунова. СПб., 2008. С. 77–80. (*Eliseev S.M.* Federalizm kak instrument sohraneniya vlasti i realizacii konservativnoj politiki // Sovremennyj federalizm: rossijskie problemy v sravnitel'noj perspektive / Pod red. Yu.N. Solonina, L.V. Smorgunova. SPb., 2008. S. 77–80.)

Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М., 2008. (*Zaharov A.* Unitarnaya federaciya. Pyat' e'tyudov o rossijskom federalizme. M., 2008.)

Ильченко М.С. Особенности институционального развития российского федерализма на современном этапе // Политические процессы в России и в мире: взгляд молодых политологов / Под ред. К.П. Кокарева, М.В. Старчака и др. М., 2009. С. 137–148. (*Il'chenko M.S.* Osobennosti institucional'nogo razvitiya rossijskogo federalizma na sovremennom e'tape // Politicheskie processy v Rossii i v mire: Vzglyad molodyh politologov / Pod red. K.P. Kokareva, M.V. Starchaka i dr. M., 2009. S. 137–148.)

Ильченко М.С. Федерализм с позиций инструментализма: теоретические основания и политические реалии // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе / Под ред. Ю.Н. Солонина, Л.В. Сморгунова. СПб., 2008. С. 15–18. (*Il'chenko M.S.* Federalizm s pozicij instrumentalizma: teoreticheskie osnovaniya i politicheskie realii // Sovremennyj federalizm: rossijskie problemy v sravnitel'noj perspektive / Pod red. Yu.N. Solonina, L.V. Smorgunova. SPb., 2008. S. 15–18)

Калганова Л.А. Компаративные исследования европейской и российской моделей государственного управления // Проблемы современного государственного управления в России: Материалы научного семинара. Вып. 9(30). М., 2010. С. 5–47. (*Kalganova L.A.* Komparativnye issledovaniya evropejskoj i rossijskoj modelej gosudarstvennogo upravleniya // Problemy sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya v Roscii: Materialy nauchnogo seminara. Vyp. 9(30). M., 2010. S. 5–47.)

Ковалев В.А. Федерализм и российская политика в рамках "управляемой демократии" // Демократия и федерализм в России. М., 2007. С. 234–253. (*Kovalev V.A.* Federalizm i rossijskaya politika v ramkah "upravlyaemoj demokratii" // Demokratiya i federalizm v Rossii. M., 2007. S. 234–253.)

Ковалев В.А. Федерализм и демократия: российский оксюморон // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе / Под ред. Ю.Н. Солонина, Л.В. Сморгунова. СПб., 2008. С. 84–87. (*Kovalev V.A.* Federalizm i demokratiya: rossijskij oksyumoron // Sovremennyj federalizm: rossijskie problemy v sravnitel'noj perspektive / Pod red. Yu.N. Solonina, L.V. Smorgunova. SPb., 2008. S. 84–87.)

Кордонский С. Россия. Поместная федерация. М., 2010. (*Kordonskij S.* Rossiya. Pomestnaya federaciya. M., 2010.)

Либан А.М. Эндогенные границы и распределение власти в федерациях и международных сообществах. М., 2009. (*Liban A.M.* E'ndogennye granicy i raspredelenie vlasti v federaciyah i mezhdunarodnyh soobshchestvah. M., 2009.)

Макарычев А.С. Регионализм, федерализм и ценности открытого общества // Регион в составе Федерации: политика, экономика, право. Н. Новгород, 1999. С. 43–64. (*Makarychev A.S.* Regionalizm, federalizm i cennosti otkrytogo obshchestva // Region v sostave Federacii: politika, e'konomika, pravo. N. Novgorod, 1999. S. 43–64.)

Пастухов В.Б. Российский федерализм: политическая и правовая практика // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 53–65. (*Pastuhov V.B.* Rossijskij federalizm: politicheskaya i pravovaya praktika // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2003. N 3. S. 53–65.)

Петров П.В. Федерализм по-российски // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 7–33. (*Petrov P.V.* Federalizm po-rossijski // Pro et Contra. 2000. T. 5. N 1. S. 7–33.)

Пляйс Я.А. Природа, генезис и современные особенности российского федерализма // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе / Под ред. Ю.Н. Солонина, Л.В. Сморгунова. СПб., 2008. С. 121–126. (*Plyajs Ya.A.* Priroda, genezis i sovremennye osobennosti rossijskogo federalizma // Sovremennyj federalizm: rossijskie problemy v sravnitel'noj perspektive / Pod red. Yu.N. Solonina, L.V. Smorgunova. SPb., 2008. S. 121–126.)

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2011 года. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2012.pdf (дата обращения: 24.02.2013). (Rejting social'no-e'konomicheskogo polozheniya sub'ektov RF: itogi 2011 goda. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2012.pdf (data obrashcheniya: 24.02.2013).)

Фарукшин М.Х. Институциональные пробелы в российском федерализме // Демократия и федерализм в России. М., 2007. С. 177–192. (*Farukshin M.H.* Institucional'nye probely v rossijskom federalizme // Demokratiya i federalizm v Rossii. M., 2007. S. 177–192.)

Черникова В.В. Устойчивость федераций в контексте демократического развития // Демократия и федерализм в России. М., 2007. С. 204–216. (*Chernikova V.V.* Ustojchivost' federacii v kontekste demokraticheskogo razvitiya // Demokratiya i federalizm v Rossii. M., 2007. S. 204–216.)

Чирикова А.Е. Политические последствия вертикализации власти: федеральные и региональные измерения // Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия: Сб. ст. / Под ред. Я.А. Пляйса. М., 2010. С. 168–182. (*Chirikova A.E.* Politicheskie posledstviya vertikalizacii vlasti: federal'nye i regional'nye izmereniya // Demokratiya. Vlast'. E'lity: demokratiya vs e'litokratiya: Sb. st. / Pod red. YA.A. Plyajsa. M., 2010. S. 168–182.)

Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106–115. (*E'lejzer D.Dzh.* Sravnitel'nyj federalizm // Polis. 1995. N 5. S. 106–115.)

Burgess M. Federalism and federation: a reappraisal // Comparative Federalism and Federation / Ed. by M. Burgess, A.G. Gagnon. N.Y., 1993. P. 3–14.

Burgess M. Comparative federalism in theory and practice. L., 2006.

Riker W. Federalism: origin, operation, significance. Boston, 1964.

Watts R.L. Comparing federal systems. Montreal; Kingston, 1999.

А.В. Соколов, канд. полит. наук, доц. кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова*

А.А. Дементьев, магистрант кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова**

КРАУДФАНДИНГ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматривается процесс становления политического краудфандинга. Выделяются причины появление данного феномена. Осуществляется сравнительный анализ четырех кампаний по сбору средств: вторая кампания по сбору средств на проект "РосПил" Алексеем Навальным в 2013 г., сбор средств Московской Хельсинкской группой, сбор средств в избирательный фонд Евгении Чириковой, а также сбор средств в поддержку Pussy Riot. Обосновывается выбор российскими политиками механизма сбора средств в политической кампании. Характеризуются тенденции развития политического краудфандинга в России.

Ключевые слова: *интернет, гражданская активность, краудфандинг, сетевая организация.*

The article deals with the process of a political crowdfunding. The study highlighted the reasons for the emergence of this phenomenon. The authors carried out a comparative analysis of four fund-raising campaign: second campaign to raise funds for the Alexei Navalny's project "Rospil" in 2013, raising funds of the Moscow Helsinki Group, fundraising to the Eugene Chirikov's election fund, fundraising in support of Pussy Riot. Authors prove choice of the Russian politicians mechanism to collect funds to a political campaign. The paper characterizes the trends of political crowdfunding in Russia.

Key words: *Internet, civic engagement, crowdfunding, network organization.*

Сущность и подходы к определению краудфандинга

Массовое распространение интернета в России, где им пользуются уже около 70 млн граждан[1], создает качественно новую реальность политического процесса: интернет становится важнейшей площадкой политической активности. Влияние же последней на политические процессы становится важнейшим фактором социального бытия. Интернет является не только территорией соперничества существующих политических сил: интернет-пространство стало создавать новых политических лидеров без активного

* **Соколов Александр Владимирович,** e-mail: alex8119@mail.ru

** **Дементьев Андрей Александрович,** e-mail: Anddem91@gmail.com

[1] Число интернет-пользователей в РФ в 2011 г. выросло до 70 млн человек. 26.12.2011 // Официальный сайт информационного агентства "РИА Новости". URL: http://ria.ru/technology/20111226/527204414.html (дата обращения: 03.06.2013).

участия традиционных СМИ. Так, Алексей Навальный, получив известность в сети как блогер, расследующий коррупционные схемы в крупных государственных компаниях, стал значимым политическим деятелем и “знаменем” борьбы с властью российской внесистемной оппозиции.

Политическая активность в интернете принимает различные формы. Среди наиболее распространенных можно выделить:

1) участие в сообществах в поддержку политической силы в социальных сетях;

2) ведение интернет-дневников — блогов — на социально-политическую тематику;

3) обсуждение политической повестки на форумах и иных площадках;

4) выкладывание в интернет как сатирических, так и подготовленных в поддержку кого-либо видеороликов, картинок и иных информационных единиц на политическую тематику.

Однако одним из самых интересных и новых для России направлений политической деятельности в интернете является политический краудфандинг — сбор средств политическими деятелями и организациями в поддержку проектов, выражающих их политические амбиции, осуществляемый посредством интернета. Успех кандидата в президенты США Барака Обамы, собравшего в 2008 г. с помощью онлайн-фандрайзинга беспрецедентную сумму — свыше 778 млн долл.[2] — в поддержку своей предвыборной кампании, доказал высокую эффективность данной формы политической активности. В последние два-три года сбор средств на политические инициативы начинает развиваться и в России.

Термин “краудфандинг” является транслитерацией англоязычного слова “crowdfunding”, образованного в свою очередь из двух слов: “crowd” — толпа, большое количество людей[3], и “funding” — финансирование, субсидирование[4]. Прямой перевод говорит нам, что краудфандинг — это финансирование посредством толпы.

По нашему мнению, коротко краудфандинг можно определить как сбор средств с привлечением большого количества жертвователей. Под краудфандингом понимают процесс привлечения как денежных, так и иных ресурсов, при котором пожертвования совершаются массово, что позволяет при невысоком размере индивидуального пожертвования добиваться существенных результатов.

---

[2] Summary reports search results — 2007–2008 cycle. URL: http://query.nictusa.com/cgi-bin/cancomsrs/?_08+00+PR (дата обращения: 03.06.2013).

[3] Яндекс. Словари // Сайт Яндекс. Словари. URL: http://slovari.yandex.ru/crowd/en-ru/#lingvo (дата обращения: 03.06.2013).

[4] Там же.

Финансирование по схеме краудфандинга может служить для решения различных задач, но сейчас применяется в первую очередь для сбора средств на благотворительные и общественные цели. Эту схему финансирования используют также и в бизнесе — сбор начального капитала для стартап-компаний и малого бизнеса, получение прибыли от совместных инвестиций и многого другого[5].

Следует отметить, что термин "краудфандинг" появился в лексиконе отечественных исследователей сравнительно недавно, поэтому в российской политической науке не выработано единого подхода к пониманию данного механизма и его места в системе общественных отношений. Данный термин приобрел популярность лишь с массовым развитием интернета, посредством которого, как правило, осуществляется сбор средств большим числом людей. Лишь недавно (примерно с середины 2000-х гг.) сбор средств на различные проекты стал действительно массовым, и термин "краудфандинг" обрел ту степень актуальности, которую он имеет сегодня. До этого в фокусе внимания исследователей находился преимущественно фандрайзинг — процесс привлечения денежных средств и иных ресурсов из любых источников.

Рассматривая опыт краудфандинговых кампаний, исследователи пользуются общим понятием фандрайзинга. Исследователи кампаний по сбору средств в Интернете В.Э. Гончаров и В.П. Елизаров используют термин "сетевой фандрайзинг"[6]. И.А. Быков, рассматривая кампании по сбору средств российской внесистемной оппозицией, выбрал в качестве основной категории формулировку "интернет-фандрайзинг"[7]. Авторы данной работы в публикациях использовали термин "онлайн-фандрайзинг"[8], подразумевая неизбежность использования интернет-технологий в процессе сбора средств.

По нашему мнению, в качестве обобщающего термина рассматриваемого явления может выступать формулировка "политический краудфандинг". Если определять краудфандинг как народное финансирование или коллективное сотрудничество людей, объединяющих свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через

---

[5] См.: *Кубасов К.А.* Развитие инновационных методов инвестирования частного капитала и возможности их применения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 12. С. 182.

[6] *Гончаров В.Э., Елизаров В.П.* Казус Навального: сетевой фандрайзинг как инструмент политической мобилизации // Политэкс. 2011. № 4.

[7] *Быков И.А.* Интернет-фандрайзинг и выборы: российские перспективы и ограничения // Российская политика в условиях избирательного цикла 2011–2012 гг.: Тезисы докладов. М., 2011.

[8] *Соколов А.В., Дементьев А.А.* Становление Интернет-фандрайзинга как новой формы гражданской активности // Вестн. Ярославск. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 1.

интернет[9], то в свою очередь политический краудфандинг можно определить следующим образом. *Политический краудфандинг — сбор средств на политические проекты с привлечением больших масс людей преимущественно посредством интернета.* Иными словами, политический краудфандинг — это использование механизма краудфандинга в политике.

Если говорить о конкретных кампаниях по сбору средств на политические проекты посредством интернета, то использование термина “политический краудфандинг” является, на наш взгляд, наиболее точным, так как в нем, в отличие от вышеприведенных вариантов обозначения, заложены ключевые особенности данного механизма — ориентация на большие массы людей, демократичность, гражданственность и т.д.

На данном этапе в российской политической практике реализовано несколько крупных акций по сбору средств на политические проекты. Все они связаны с активностью так называемых “внесистемных политических сил”. Основным игроком на поле политического краудфандинга является Алексей Навальный, реализовавший наиболее заметные и успешные кампании по массовому сбору средств и обеспечивший долгосрочное финансирование своему антикоррупционному проекту “РосПил”[10]. Помимо примеров активности Навального можно выделить еще несколько заметных краудфандинговых акций федерального и регионального масштаба, организаторы которых добились существенных результатов в аккумулировании средств большого числа граждан. Целесообразно рассмотреть основные реализованные в условиях российских политических реалий 2012 — первой половины 2013 г. кампании политического краудфандинга и сравнить их между собой. Для сравнения данных кампаний можно использовать следующие критерии:

– собранная сумма;
– срок сбора денег;
– среднее количество денег, поступавших за один день;
– количество жертвователей;
– средняя сумма пожертвования;
– расходы на организацию кампании.

Данные показатели позволяют в точном количественном выражении оценить реальную эффективность кампаний, оценить мас-

---

[9] См.: *Чимаров С.Ю.* Феномен некоторых лексических заимствований и неологизмов в связях с общественностью // Научные труды Северо-западного института управления. 2012. № 2. С. 115.

[10] См.: *Соколов А.В., Дементьев А.А.* Онлайн-фандрайзинг в России: особенности, примеры и результаты // Вестн. Пермск. ун-та. Сер. Политология. 2013. № 1. С. 20–34.

штабы и характер аудитории фандрайзинга. Анализ полученных данных позволит ответить на вопросы: “какова реальная поддержка со стороны общества инициаторов сбора средств на политические цели?”, “какова аудитория активных граждан, готовых напрямую участвовать в поддержке современных политических проектов?” — что поможет дать обоснованную оценку потенциалу гражданской активности российского общества.

С целью сравнения проведенных кампаний мы, кроме того, проанализируем используемые их организаторами механизмы сбора денег. Данная информация позволит сформулировать тенденции в области выбора путей для сбора денег в российской политике. Помимо этого, чтобы оценить роль популярных интернет-активистов в привлечении интереса к фандрайзинговым кампаниям, мы выявим партнеров, поддерживающих каждую из рассматриваемых кампаний.

Все данные для анализа получены нами из открытых источников — интернет-блогов организаторов рассматриваемых акций фандрайзинга, а также блогов их партнеров.

Вторая кампания Алексея Навального по сбору средств на проект “РосПил” (2013 г.)

Через два года после старта первой кампании по сбору средств на проект по борьбе со злоупотреблениями в сфере государственных закупок “РосПил” Алексей Навальный решил инициировать новую фандрайзинговую кампанию по финансированию проекта.

Необходимость возобновить активный сбор средств возникла из-за того, что предыдущая волна пожертвований практически сошла на нет. Стартовавшая очень активно в начале 2011 г. кампания растеряла темпы сбора средств уже к лету: за четыре месяца, с сентября по декабрь включительно, проект смог привлечь лишь 600 тыс. руб. за счет индивидуальных пожертвований из собранных на тот момент 8,6 млн руб. По прошествии двух лет с начала сбора средств у проекта возникла потребность вновь сформировать бюджет для продолжения работы.

Всего за весь срок первого сбора денег, с февраля 2011 г. по декабрь 2012 г., проектом была собрана беспрецедентная для российского краудфандинга сумма — 10 029 320 руб. При этом потрачено из них было 9 278 011 руб. Таким образом, у “РосПил” осталась только 751 тыс. руб. для покрытия текущих расходов — зарплат сотрудников, налоговых выплат и комиссий системы “Яндекс. Деньги”.

Как и в первой кампании, стартовой площадкой для объявления о начале сбора средств Алексей Навальный выбрал свой личный

блог в сервисе LiveJournal, на котором, являясь одним из самых популярных блогеров рунета[11], он имеет около 50 000 подписчиков.

Новая кампания по финансированию "РосПил" стартовала 19 декабря 2012 г. Важной особенностью кампании является выбор инструментов сбора денег. Так, наряду с использованием зарекомендовавшей себя по предыдущим кампаниям системы "Яндекс. Деньги" организаторы запустили сбор средств через крупнейшую международную дебетовую электронную платежную систему "PayPal". Данная система до этого ни разу не использовалась в крупных российских проектах, связанных с политическим краудфандингом. Использование "PayPal" внесло важное изменение в процесс краудфандинга: теперь на нужды "РосПил" стало чрезвычайно легко перечислить средства из-за границы.

В числе возможных инструментов по-прежнему остались такие способы жертвования, как банковский перевод, перевод с банковской карты.

Как и в ходе первой кампании, в процессе второй кампании наиболее интенсивно средства поступали в самом ее начале. Так, уже в первые четыре часа, прошедшие с опубликования Навальным сообщения о начале сбора средств, на счета "РосПил" было перечислено 1 216 953 руб. Такие темпы значительно превышают результаты 2011 г., когда, для того чтобы собрать первый миллион рублей, понадобилось двое суток. За первые четыре часа было совершено 1272 денежных перевода, средняя сумма пожертвования составила 957 руб.[12] Отметим, что данный показатель более чем в два раза выше, чем аналогичный показатель в кампании 2011 г.

За первые сутки сбора средств проект сумел аккумулировать около 3,5 млн руб. При этом большая часть денег (свыше 2 млн руб.) была собрана посредством пожертвований через международную систему "PayPal"[13]. Успех международной платежной системы в российской краудфандинговой акции, на наш взгляд, может быть вызван двумя причинами:

1) в процессе помощи проекту Навального наиболее активны были зарубежные жертвователи;

2) после давления на жертвователей в ходе первой кампании многие решили осуществлять взносы через иностранную юрисдикцию, чтобы остаться не известными для российских инстанций.

---

[11] Рейтинг блогов LiveJournal // Блог "Живой журнал". URL: http://blogs.yandex.ru/top/lj (дата обращения: 03.06.2013).

[12] Отчитываюсь. 19.12.2012 // Блог "Живой журнал". URL: http://navalny.livejournal.com/759855.html (дата обращения: 03.06.2013).

[13] Снова отчитываюсь. 20.12.2012 // Блог "Живой журнал". URL: http://navalny.livejournal.com/760146.html (дата обращения: 03.06.2013).

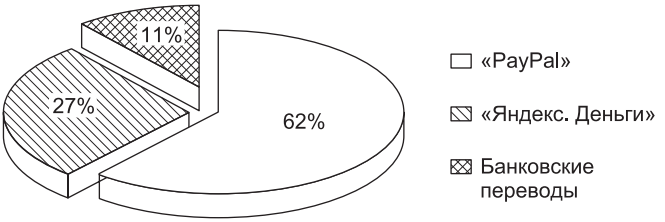


Рис. 1. Доля инструментов перечисления денег: “РосПил”

Можно предположить, что именно использование “PayPal” позволило столь существенно ускорить темпы сбора средств, а также обусловило более чем двукратный рост средней суммы перевода.

Успех “PayPal” позволяет говорить о том, что сбор средств проектом “РосПил” обеспечил возможность поучаствовать в российском политическом процессе большой массе россиян, проживающих за рубежом. Более адаптированная к таким современным формам взаимодействия, как краудфандинг, ментальность иностранных соотечественников, а также их желание поддержать политическую активность внутри России с высокой степенью вероятности привели к столь впечатляющим результатам. Одновременно стоит отметить отставание жертвователей внутри России. На данном примере становится очевидно, как отстает культура краудфандинга в нашей стране от западного уровня: даже внутрироссийский проект сумел привлечь в первую очередь жертвователей, использовавших зарубежную систему сбора средств.

За первую неделю сбора средств в ходе второй кампании “РосПил” удалось аккумулировать около 7,4 млн руб.[14] Всего же за весь период сбора средств (до 1 апреля 2013 г., т.е. чуть больше, чем за три месяца) удалось собрать 11 005 119 руб.[15] Таким образом, наблюдается та же тенденция, что и в первую кампанию. Чрезвычайно интенсивный сбор средств в первые дни после старта затухает и приобретает относительно скромную динамику в последующий период.

Всего в сборе средств поучаствовало около 8250 жертвователей, что составляет менее 60% от числа спонсоров первой кампании финансирования “РосПил” (около 14 000). Более значительные результаты последней кампании обусловлены увеличением средней суммы платежа.

---

[14] Снова отчитываюсь о ходе сбора денег на РосПил. 27.12.2012 // Блог “Живой журнал”. URL: http://navalny.livejournal.com/762845.html (дата обращения: 03.06.2013).

[15] Данные по счету 41001859832724 // Сайт-аудитор “Яндекс.Денег”. URL: http://yaudit.org/41001859832724 (Дата обращения: 03.06.2013).

Вторая кампания по финансированию “РосПил” оказалась даже более успешной, чем сбор средств 2011 г. Стоит особо отметить, что вторая кампания не привлекла и доли того внимания СМИ, которое было оказано первой. Если тогда проект Навального был первым опытом политического краудфандинга в России, то сегодня в результате широкого распространения краудфандинговые проекты уже не вызывают такого внимания со стороны общества. Таким образом, политический краудфандинг становится достаточно привычным инструментом взаимодействия политиков и общества и воспринимается интернет-аудиторией как нормальное, привычное явление.

Кроме того, вторая кампания Навального показала, что успешный сбор денег может осуществляться и без массированной информационной волны в традиционных СМИ.

Успех второй кампании по финансированию “РосПил” подтвердил статус Алексея Навального как лидера в сфере российского политического краудфандинга и развеял опасения по поводу того, что первый сбор средств на “РосПил” был единственной действительно масштабной кампанией в истории российского политического онлайн-фандрайзинга.

Сбор средств Московской Хельсинкской группой во главе с Людмилой Алексеевой

Достаточно заметной краудфандинговой кампанией в российской политической сфере стал сбор средств старейшей правозащитной организацией в России — Московской Хельсинкской группой (МХГ) во главе с ее руководителем — Людмилой Алексеевой.

По уставу организации, Московская Хельсинкская группа занимается содействием соблюдению прав человека и построению демократии в России. Преследуя данные цели, МХГ со дня своего основания занимается выявлением нарушений прав человека и оказанием давления на власть с целью добиться соблюдения международных обязательств в области прав человека, взятых на себя Российской Федерацией[16].

Многие годы организация осуществляла свою деятельность за счет пожертвований и грантов различных фондов, в том числе иностранных[17]. Однако в ноябре 2012 г. был принят федеральный

---

[16] Московская Хельсинкская группа: о нас // Официальный сайт Московской Хельсинкской группы. URL: http://www.mhg.ru/about/1433150 (дата обращения: 03.06.2013).

[17] Московская Хельсинкская группа обратилась к россиянам за финпомощью для продолжения деятельности. 25.11.2012 // Официальный сайт электронного СМИ “Газета.ru”. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/11/25/n_2632597.shtml (дата обращения: 03.06.2013).

закон, обязывающий некоммерческие организации, получающие иностранное финансирование и участвующие “в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации”, быть зарегистрированными в качестве “иностранных агентов”[18].

Многие правозащитники, в том числе МХГ, предпочли отказаться от зарубежного финансирования и не получать статус “иностранных агентов”.

В связи с этим Московская Хельсинкская группа объявила в ноябре 2012 г. о начале сбора средств на деятельность организации, с этого момента решившей ориентироваться на внутрироссийское финансирование. Было заявлено, что собранные средства пойдут на функционирование офиса и сайта организации, текущий мониторинг ситуации с правами человека, создание общественной приемной и т.д.[19]

Интересно, что в качестве одного из инструментов перечисления денег организации использовалась система “WebMoney”, не так часто (как привычная “Яндекс. Деньги”) встречающаяся в реализованных краудфандинговых кампаниях.

Сбор средств, стартовавший 25 ноября 2012 г., продолжался около двух недель. 11 декабря Людмила Алексеева объявила о том, что организация сумела собрать 2,5 млн руб.[20], которых хватит для осуществления деятельности МХГ весь 2013 г.

Однако данная кампания имела целый ряд особенностей, не позволяющих говорить о ней как о полноценной краудфандинговой кампании. МХГ не предоставила никакого отчета о поступлении средств. Таким образом, оказалось невозможным понять, насколько много поступило пожертвований и каков их средний размер. Кроме того, из комментариев СМИ стало ясно, что из собранных 2,5 млн руб. сумму в 1 млн пожертвовал Михаил Прохоров, другую существенную часть денег принес благотворительный концерт Юрия Шевчука и группы ДДТ в Центральном доме архитектора в Москве. При этом частные пожертвования составили

---

[18] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон Российской Федерации от 20 июля 2012 г. N 121-ФЗ. 23.07.2012 // Официальный сайт “Российской газеты”. URL: http://www.rg.ru/2012/07/23/nko-dok.html (дата обращения: 03.06.2013).

[19] Помочь МХГ // Официальный сайт Московской Хельсинкской группы. URL: http://www.mhg.ru/sbor (дата обращения: 03.06.2013).

[20] Московская Хельсинкская группа собрала средства на продолжение работы. 11.12.2012 // Официальный сайт информационного агентства “РИА Новости”. URL: http://ria.ru/society/20121211/914310261.html (дата обращения: 03.06.2013).

в общем объеме собранных средств лишь несколько сотен тысяч рублей[21].

Данные обстоятельства позволяют сделать вывод об относительно скромном успехе кампании по финансированию МХГ. Очевидно, что правозащитная деятельность в условиях современной политической культуры России интересна лишь достаточно узкой прослойке общества; данный вид протестной активности не вызывает отклика даже у большинства представителей интернет-аудитории.

Кроме того, заметным фактом стал успех благотворительного концерта популярного артиста Шевчука. В данном случае правомерно будет заключить, что во многих случаях благотворительные мероприятия (имеющие большую историю как за рубежом, так и в современной России) продолжают оставаться более эффективными, чем онлайн-механизмы финансирования общественно значимых проектов.

Сбор средств в избирательный фонд Евгении Чириковой

Осенью 2012 г. одним из самых заметных политических событий в России стали выборы мэра подмосковного города Химки. Избирательная кампания привлекла к себе широкое внимание СМИ не только благодаря хозяйственному и политическому значению Химок, расположенных в непосредственной близости от столицы, но и благодаря яркому и неординарному составу кандидатов, претендовавших на пост мэра.

В частности, большое внимание привлекло выдвижение в качестве кандидата популярного блогера, общественного активиста, члена “Координационного совета оппозиции” Евгении Чириковой. Она приобрела всероссийскую известность на волне протестной кампании по борьбе за Химкинский лес, по которому планировалось проложить федеральную трассу.

Зарегистрировавшись в качестве кандидата в сентябре 2012 г., Чирикова решила воспользоваться удачным опытом екатеринбургского депутата, одного из лидеров “Координационного совета” Леонида Волкова, по финансированию избирательного фонда и объявила в своем блоге в LifeJournal о старте сбора средств.

Из-за ограничений предвыборного законодательства были доступны только два способа перечисления средств — банковский перевод и перевод через интернет-банкинг. Только эти механизмы позволяют полноценно проверить паспортные данные жертвова-

[21] Московская Хельсинкская группа собрала 2,5 миллиона рублей на продолжение деятельности. 11.12.2012 // Официальный сайт “Рамблер.Новости”. URL: http://news.rambler.ru/16752814 (Дата обращения: 03.06.2013).

теля, чего требуют российские законы. При этом законодательством регламентируется и максимальная сумма пожертвования: в данном случае она составила 2000 руб. от одного физического лица.

Примерно за месяц избирательной кампании к моменту выборов в фонд Чириковой поступило около 500 000 руб.[22] По заявлениям Чириковой, данный результат во многом был снижен из-за многочисленных проблем с банковскими переводами. В ходе кампании выяснилось, что механизм банковских переводов постоянно дает сбой: далеко не все пожертвования доходили до избирательного фонда. При этом штаб Чириковой и представители банков давали разную оценку происходящему. Банки списывали проблемы на неправильно заполненные реквизиты, "человеческий фактор", технические проблемы и т.п. Чирикова же заявила о намеренном саботаже банками финансирования ее кампании. Она указала, что такие банки с государственным капиталом, как Сбербанк, специально мешают осуществлению переводов в ее поддержку[23].

Сложности с банками выявляют одну существенную проблему, ограничивающую масштабы электорального краудфандинга в России, а именно наличие законодательных ограничений, жестко лимитирующих сумму перевода и обязывающих использовать сложную процедуру банковского перевода. Таким образом, нарушается одно из главных условий успешного краудфандинга — короткая и простая коммуникация жертвователя и собирающего средства.

Кроме того, пример Чириковой показывает ограниченность интереса общества к денежной поддержке региональных электоральных кампаний, даже если эти кампании привлекают огромное внимание и очень ярко освещаются федеральными СМИ. Простой подсчет показывает, что число жертвователей в фонд Чириковой не превысило нескольких сотен человек, а это достаточно скромный показатель.

Тем не менее сбор средств в поддержку Чириковой в совокупности с опытом Леонида Волкова[24] доказывает, что в российских условиях можно достаточно эффективно и успешно использовать электоральный фандрайзинг.

---

[22] Спасибо. 12.10.2012 // Блог "Живой журнал". URL: http://jenya-khimles.livejournal.com/107918.html (дата обращения: 03.06.2013).

[23] Чирикова осталась без средств. 03.10.2013 // Официальный сайт ежедневной электронной газеты "Утро". URL: http://www.utro.ru/articles/2012/10/03/1075465.shtml (дата обращения: 03.06.2013).

[24] См.: *Соколов А.В., Дементьев А.А.* Онлайн-фандрайзинг в России...

Сбор средств в поддержку Pussy Riot

21 февраля 2012 г. в храме Христа Спасителя в Москве российская феминистская панк-рок-группа Pussy Riot, организующая свои выступления в формате несанкционированных акций в не предназначенных для этого местах, провела акцию, известную как “панк-молебен” или “Богородица, Путина прогони!” Инцидент вызвал огромный общественный резонанс как в России, так и за рубежом.

На волне всеобщего внимания к Pussy Riot и последующему за инцидентом уголовному процессу против участниц группы их адвокаты решили начать кампанию по сбору денег в поддержку группы. Важной особенностью данной кампании является то, что она была децентрализована: сбор средств параллельно осуществлялся в России и несколькими способами за рубежом.

Один из адвокатов группы, Николай Полозов, в марте 2012 г. объявил сбор средств в поддержку Pussy Riot внутри России. С этой целью в системе “Яндекс. Деньги” был зарегистрирован счет, который за год работы собрал 551 236 руб.[25] Сбор средств закончился в марте 2013 г. в связи со сменой адвокатов группы. Организаторы не предоставили информации о количестве жертвователей и средней сумме пожертвования.

Одновременно адвокат Александр Гольдфарб объявил о сборе денег в поддержку Pussy Riot за рубежом через систему платежей “PayPal”. Кроме того, в августе 2012 г. к сбору средств присоединилась американская правозащитная организация Voice Project. Они собрали деньги через несколько различных платформ, устраивали благотворительные мероприятия, а также продавали футболки “Free Pussy Riot!”. Также сбор средств осуществила певица Бьорк, выручившая от продажи футболок на своем сайте около 3 500 долл.

Всего за границей в пользу Pussy Riot было собрано:

– посредством “PayPal” — 44 421 долл. (около 1 377 000 руб.);

– Voice Project — 30 839 долл. (около 950 000 руб.);

– Бьорк — 3500 долл. (около 108 000 руб.).

Итого, за рубежом было собрано 78 750 долл. (около 2 440 000 руб.). Всего, учитывая собранные в России через “Яндекс. Деньги” средства, в поддержку Pussy Riot было собрано около 3 млн руб.

Таким образом, очевидно, что за границей, как и в случае со второй кампанией по финансированию “РосПил”, сбор средств осуществлялся значительно успешней, чем внутри России. Собранная за рубежом сумма более чем в четыре раза превышает результат сбора денег через “Яндекс. Деньги”.

---

[25] Отчет по сбору средств на Яндекс-кошелек с 16 марта по 19 ноября 2012 года. 10.03.2013 // Блог “Живой журнал”. URL: http://advokat-polozov.livejournal.com/2846.html (дата обращения: 03.06.2013).

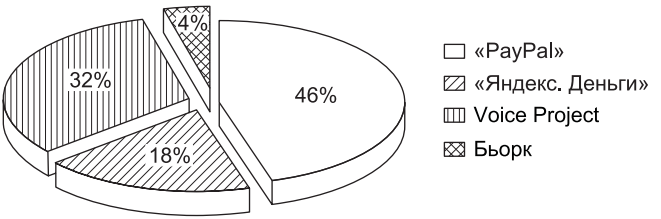


Рис. 2. Сравнение собранных средств за границей и в России: Pussy Riot

Интересен тот факт, что при огромном внимании к Pussy Riot и широкомасштабном освещении их деятельности в СМИ в России было собрано лишь около полумиллиона рублей. Таким образом, мы можем предположить, что масштабность пиара в традиционных СМИ напрямую не влияет на успешность политической краудфандинговой акции.

Итак, можно сделать следующие выводы. Краудфандинг является одним из частных случаев фандрайзинга, при котором в роли жертвователей выступает большая масса частных лиц, играющих роль меценатов (лиц, предоставляющих добровольную помощь на безвозвратной основе). Таким образом, мы можем рассматривать краудфандинг как специфический вид более широкого и более разработанного в научной литературе понятия фандрайзинга.

Характерной особенностью краудфандинга является то, что широкое применение он нашел с развитием и массовым распространением интернета. Реальный опыт краудфандинговых кампаний показывает, что понятия “онлайн-фандрайзинг” (сбор средств через интернет) и “краудфандинг” фактически становятся синонимами, так как осуществление широкомасштабного сбора средств с большого количества людей фактически невозможно без применения интернет-технологий. Исключение составляют лишь акции по сбору средств посредством СМС-сообщений на короткие номера.

Феномен политического онлайн-краудфандинга является одним из характерных проявлений современного этапа развития гражданской активности, которая становится все более интерактивной, горизонтальной по своему характеру, использующей различные средства, предоставляемые инновационными технологиями. Центральную роль в формировании новых механизмов политического участия играет интернет, привлекая политически активных граждан свободой и неограниченными возможностями коммуникации. Политический краудфандинг как современный инструмент влияния общества на политические процессы в последние годы находит свое применение и в условиях российских политических реалий.

Критерии оценки российских фандрайзинговых кампаний

	“РосПил”-2, 2012 г.	**МХГ: Людмила Алексеева**	**Химки: Евгения Чирикова**	**Pussy Riot**
Механизмы сбора денег	1. Сбор средств на счет в платежной системе “Яндекс. Деньги”. 2. Сбор средств на счет международной системы “PayPal”	1. Визит в отделение Сбербанка и перечисление средств на избирательный счет. 2. Платежное поручение с помощью интернет-банка	1. Визит в отделение Сбербанка и перечисление средств на избирательный счет. 2. Платежное поручение с помощью интернет-банка	1. Сбор средств на счет в платежной системе “Яндекс. Деньги”. 2. Сбор средств на счет международной системы “PayPal”. 3. Привлечение средств американской благотворительной организации
Срок сбора денег	19.12.2012—1.04.2013 (100 дней)	25.11.2012—11.12.2012 (17 дней)	28.08.2012—12.10.2012 (46 дней)	14.03.2012—10.03.2012 (360 дней)
Количество жертвователей	8250 человек	Нет данных	Нет данных, приблизительно несколько сотен человек	Нет данных
Собранная сумма	11 005 119 руб.	2 500 000 руб. (лишь часть — индивидуальные пожертвования)	500 000 руб.	3 000 000 руб.
Среднее количество поступавших в день денег	110 000 руб.	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Средняя сумма пожертвования	–	–	–	–

Окончание табл.

	“РосПил”-2, 2012 г.	**МХГ: Людмила Алексеева**	**Химки: Евгения Чирикова**	**Pussy Riot**
Расходы на организацию кампании	Все расходы связанны с комиссиями платежных систем. Расходы покрыты из собранных средств	Около 70 000 руб. в качестве налоговых отчислений	Все расходы связанны с комиссиями платежных систем. Расходы покрыты из собранных средств	–
Отчетность о приходе средств и расходах	1. Подробные и качественные отчеты в блоге А. Навального о состоянии счета 2. Подробная информация о трате средств на сайте “РосПил”	Фактически полное отсутствие отчетности	Нерегулярные и малоподробные отчеты в блоге Евгении Чириковой	Различные отчеты в блогах нескольких адвокатов группы Pussy Riot
Наличие партнеров, поддерживающих кампанию	–	Юрий Шевчук (благотворительный концерт); Михаил Прохоров (жертвование)	Различные оппозиционные блогеры, оппозиционные общественные деятели, распространявшие информацию в сети интернет	–
Количество подписчиков в блоге	Около 50 000	–	Около 2600	–

Политический онлайн-краудфандинг служит обществу и политическим силам взаимовыгодным механизмом выстраивания отношений в современных социокультурных условиях. Затрагивая личные денежные средства граждан, он формирует последовательное, ответственное отношение людей к своим политическим предпочтениям, выстраивает новые каналы вертикальной и горизонтальной коммуникации. Политический краудфандинг обеспечивает соответствующие технологической повестке дня способы проявления гражданской активности в политике. Таким образом, развитие политического краудфандинга является одним из перспективных факторов формирования гражданского общества в России.

Постепенно в России накапливается опыт организации и проведения краудфандинговых кампаний по поддержке различных инициатив и программ действий. Однако важно отметить, что в большинстве случаев они ориентированы на поддержку оппозиционных власти проектов. Это позволяет говорить о том, что данный механизм содействует формированию и поддержанию конкурентного политического процесса.

Традиционная политическая структура, основанная на партийном представительстве, фактически не дает гражданину реальной возможности влиять на политические процессы, если он не встроен во властную вертикаль. Его участие ограничивается, как правило, лишь голосованием на выборах, подчас непрозрачных и не до конца конкурентных. В отличие от традиционного политического процесса механизм политического краудфандинга позволяет человеку делать осязаемый вклад в политическую жизнь и в период между выборами путем реальной поддержки именно тех инициатив, которые совпадают с интересами конкретного лица.

Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта РГНФ № 12-33-01227а2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Быков И.А. Интернет-фандрайзинг и выборы: российские перспективы и ограничения // Российская политика в условиях избирательного цикла 2011–2012 гг.: Тезисы докладов. М., 2011. (*Bykov I.A.* Internet-fandrajzing i vybory: rossijskie perspektivy i ogranichenija // Rossijskaja politika v uslovijah izbiratel'nogo cikla 2011–2012 gg.: Tezisy dokladov. M., 2011.)

Гончаров В.Э., Елизаров В.П. Казус Навального: сетевой фандрайзинг как инструмент политической мобилизации // Политэкс. 2011. № 4. (*Goncharov V.Je., Elizarov V.P.* Kazus Naval'nogo: setevoj fandrajzing kak instrument politicheskoj mobilizacii // Politjeks. 2011. N 4.)

Данные по счету 41001859832724 // Сайт-аудитор "Яндекс.Деньги". URL: http://yaudit.org/41001859832724 (дата обращения: 03.06.2013).

(Dannye po schetu 41001859832724 // Sajt-auditor “Jandeks.Den’gi”. URL: http://yaudit.org/41001859832724 (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Кубасов К.А. Развитие инновационных методов инвестирования частного капитала и возможности их применения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 12. (*Kubasov K.A.* Razvitie innovacionnyh metodov investirovanija chastnogo kapitala i vozmozhnosti ih primenenija // Aktual’nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2012. N 12.)

Московская Хельсинкская группа обратилась к россиянам за финпомощью для продолжения деятельности. 25.11.2012 // Официальный сайт электронного СМИ “Газета.ru”. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/11/25/n_2632597.shtml (дата обращения: 03.06.2013). (Moskovskaja Hel’sinkskaja gruppa obratilas’ k rossijanam za finpomoshch’ju dlja prodolzhenija dejatel’nosti. 25.11.2012 // Oficial’nyj sajt jelektronnogo SMI “Gazeta.ru”. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/11/25/n_2632597.shtml (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Московская Хельсинкская группа собрала 2,5 миллиона рублей на продолжение деятельности. 11.12.2012 // Официальный сайт “Рамблер. Новости”. URL: http://news.rambler.ru/16752814 (дата обращения: 03.06.2013). (Moskovskaja Hel’sinkskaja gruppa sobrala 2,5 milliona rublej na prodolzhenie dejatel’nosti. 11.12.2012 // Oficial’nyj sajt “Rambler.Novosti”. URL: http://news.rambler.ru/16752814 (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Московская Хельсинкская группа собрала средства на продолжение работы. 11.12.2012 // Официальный сайт информационного агентства “РИА Новости”. URL: http://ria.ru/society/20121211/914310261.html (дата обращения: 03.06.2013). (Moskovskaja Hel’sinkskaja gruppa sobrala sredstva na prodolzhenie raboty. 11.12.2012 // Oficial’nyj sajt informacionnogo agentstva “RIA Novosti”. URL: http://ria.ru/society/20121211/914310261.html (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Московская Хельсинкская группа: о нас // Официальный сайт Московской Хельсинкской группы. URL: http://www.mhg.ru/about/1433150 (дата обращения: 03.06.2013). (Moskovskaja Hel’sinkskaja Gruppa: o nas // Oficial’nyj sajt “Moskovskoj Hel’sinkskoj Gruppy”. URL: http://www.mhg.ru/about/1433150 (data obrashchenija: 03.06.2013).)

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон Российской Федерации от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ. 23.07.2012 // Официальный сайт Российской газеты. URL: http://www.rg.ru/2012/07/23/nko-dok.html (дата обращения: 03.06.2013). (O vnesenii izmenenij v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii v chasti regulirovanija dejatel’nosti nekommercheskih organizacij, vypolnjajushchih funkcii inostrannogo agenta: Federal’nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 20 ijulja 2012 g. N 121-FZ. 23.07.2012 // Oficial'nyj sajt Rossijskoj gazety. URL: http://www.rg.ru/2012/07/23/nko-dok.html (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Отчет по сбору средств на “Яндекс-кошелек” с 16 марта по 19 ноября 2012 года. 10.03.2013 // Блог “Живой журнал”. URL: http://advokat-polozov.livejournal.com/2846.html (дата обращения: 03.06.2013). (Otchet po sboru sredstv na “Jandeks-koshelek” s 16 marta po 19 nojabrja 2012 goda. 10.03.2013 //

Blog “Zhivoj zhurnal”. URL: http://advokat-polozov.livejournal.com/2846.html (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Отчитываюсь. 19.12.2012 // Блог “Живой журнал”. URL: http://navalny.livejournal.com/759855.html (дата обращения: 03.06.2013). (Otchityvajus'. 19.12.2012 // Blog “Zhivoj zhurnal”. URL: http://navalny.livejournal.com/759855.html (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Помочь МХГ // Официальный сайт Московской Хельсинкской группы. URL: http://www.mhg.ru/sbor (дата обращения: 03.06.2013). (Pomoch’ MHG // Oficial’nyj sajt “Moskovskoj Hel’sinkskoj Gruppy”. URL: http://www.mhg.ru/sbor (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Рейтинг блогов LiveJournal // Блог “Живой журнал”. URL: http://blogs.yandex.ru/top/lj (дата обращения: 03.06.2013). (Rejting blogov LiveJournal // Blog “Zhivoj zhurnal”. URL: http://blogs.yandex.ru/top/lj (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Снова отчитываюсь. 20.12.2012 // Блог “Живой журнал”. URL: http://navalny.livejournal.com/760146.html (дата обращения: 03.06.2013). (Snova otchityvajus'. 20.12.2012 // Blog “Zhivoj zhurnal”. URL: http://navalny.livejournal.com/760146.html (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Снова отчитываюсь о ходе сбора денег на РосПил. 27.12.2012 // Блог “Живой журнал”. URL: http://navalny.livejournal.com/762845.html (дата обращения: 03.06.2013). (Snova otchityvajus' o hode sbora deneg na RosPil. 27.12.2012 // Blog “Zhivoj zhurnal”. URL: http://navalny.livejournal.com/762845.html (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Соколов А.В., Дементьев А.А. Онлайн-фандрайзинг в России: особенности, примеры и результаты // Вестн. Пермск. ун-та. Сер. Политология. 2013. № 1. (*Sokolov A.V., Dement’ev A.A.* Onlajn-fandrajzing v Rossii: osobennosti, primery i rezul’taty // Vestn. Permsk. un-ta. Ser. Politologija. 2013. N 1.)

Соколов А.В., Дементьев А.А. Становление Интернет-фандрайзинга как новой формы гражданской активности // Вестн. Ярославск. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 1. (*Sokolov A.V., Dement’ev A.A.* Stanovlenie Internet-fandrajzinga kak novoj formy grazhdanskoj aktivnosti // Vestn. Jaroslavsk. gos. un-ta im. P.G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki. 2013. N 1.)

Спасибо. 12.10.2012 // Блог “Живой журнал”. URL: http://jenya-khimles.livejournal.com/107918.html (дата обращения: 03.06.2013). (Spasibo. 12.10.2012 // Blog “Zhivoj zhurnal”. URL: http://jenya-khimles.livejournal.com/107918.html (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Чимаров С.Ю. Феномен некоторых лексических заимствований и неологизмов в связях с общественностью // Научные труды Северо-Западного института управления. 2012. № 2. (*Chimarov S.Ju.* Fenomen nekotoryh leksicheskih zaimstvovanij i neologizmov v svjazjah s obshchestvennost’ju // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija. 2012. № 2.)

Чирикова осталась без средств. 03.10.2013 // Официальный сайт ежедневной электронной газеты “Утро”. URL: http://www.utro.ru/articles/2012/10/03/1075465.shtml (дата обращения: 03.06.2013). (Chirikova ostalas’ bez sredstv. 03.10.2013 // Oficial’nyj sajt ezhednevnoj jelektronnoj gazety “Utro”. URL: http://www.utro.ru/articles/2012/10/03/1075465.shtml (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Число интернет-пользователей в РФ в 2011 г. выросло до 70 млн человек. 26.12.2011 // Офиц сайт информационного агентства “РИА Новости”. URL: http://ria.ru/technology/20111226/527204414.html (дата обращения: 03.06.2013). (Chislo internet-pol’zovatelej v RF v 2011 g. vyroslo do 70 mln chelovek. 26.12.2011 // Ofic sajt informacionnogo agentstva “RIA Novosti”. URL: http://ria.ru/technology/20111226/527204414.html (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Яндекс. Словари // Сайт Яндекс. Словари. URL: http://slovari.yandex.ru/crowd/en-ru/#lingvo (дата обращения: 03.06.2013). (Jandeks. Slovari // Sajt Jandeks. Slovari. URL: http://slovari.yandex.ru/crowd/en-ru/#lingvo (data obrashchenija: 03.06.2013).)

Яндекс. Словари // Сайт Яндекс. Словари. URL: http://slovari.yandex.ru/funding/en/#lingvo (дата обращения: 03.06.2013). (Jandeks. Slovari // Sajt Jandeks. Slovari. URL: http://slovari.yandex.ru/funding/en/#lingvo (data obrashchenija: 03.06.2013).

Summary reports search results — 2007–2008 cycle. URL: http://query.nictusa.com/cgi-bin/cancomsrs/?_08+00+PR (дата обращения: 03.06.2013).

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

П.В. Агапов, канд. социол. наук, доц. кафедры социальной структуры и социальных процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ВОЙНА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ОПЫТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена исследованию войны в философской и научной традиции как сложного социального явления. Автором рассматриваются социально-исторические и социокультурные аспекты войны в контексте истории восточной (китайской) и европейской социальной мысли. В статье отмечается, что изменение взглядов на войну происходит со сложной трансформацией этого социального явления

Ключевые слова: *философия и социология войны, война, структура войны, социальная и политическая агрессия, конфликт цивилизаций, философские, теоретические и методологические подходы, стратегия.*

The article is devoted to the study of war in the philosophical and scientific tradition as a complex social phenomenon. The author considers the socio-historical and socio-cultural aspects of the war in the context of the history of the East (China) and the European social thought. The article notes that the change in attitudes to the war going on with the complex transformation of this social phenomenon.

Key words: *philosophy and sociology of war, war, war structure, social and political aggression, conflict of civilizations, philosophical, theoretical and methodological approaches, strategies.*

Война всегда была предметом интереса не только военных теоретиков и стратегов, но и социальных мыслителей. Война интересовала человеческий ум в том числе и как социальное явление. В современной социологической науке сложилось устойчивое предметное поле научного поиска — социология войны[1]. Поэтому так важно обратиться к истории социальной мысли о войне.

В XXI в. опасность развязывания новой мировой тотальной войны (“войны всех против всех”) не снята с повестки дня. Войны были и остаются важнейшими историческими экзаменами на выживание и развитие для государств, народов, цивилизаций.

Научный анализ современных и будущих войн, их происхождения, сущности и многоаспектности имеет исключительно актуаль-

* **Агапов Платон Валериевич,** e-mail: platon-apv@mail.ru

[1] См.: *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1998; *Добреньков В.И., Агапов П.В.* Война и безопасность России в XXI в. М., 2011; и др.

ное значение. О войне писали многие выдающиеся мыслители и деятели прошлого и настоящего[2]. Их совокупными усилиями раскрыты сущность войны, соотношение войны и политики, войны и экономики, войны и культуры.

Классические концепции войны сложились в Древнем Китае в рамках классических школ философской и политической мысли. Это произошло в эпоху, традиционно именуемую временем Борющихся Царств. Она охватывает почти три столетия — с V по последнюю четверть III в. до н.э. Для Китая это было время раздробленности и сосуществования множества самостоятельных царств. Естественно, участились конфликты между правителями отдельных уделов, а самые могущественные царства вели постоянную борьбу за верховенство во всем Поднебесном мире. Все это дало толчок развитию военного дела и появлению зачатков военной теории.

Китайские правители и военные прекрасно понимали сущность и значение приемов и способов ведения войны. Однако только великий древнекитайский военный теоретик и полководец Сунь-Цзы дал полное и последовательное описание, а также подробный анализ приемов и способов ведения войны. Его "Трактат о военном искусстве"[3], написанный около 400 г. до н.э., впервые в истории содержит сжатое, последовательное и систематизированное изложение факторов победы в войне. С содержанием "Трактата о военном искусстве" можно ознакомиться по работам Н.И. Конрада и В.В. Малявина[4]. Взгляды Сунь-Цзы на войну оказали принципиальное влияние на военное искусство не только Востока, но Запада[5].

"Трактат о военном искусстве" начинается с определения места войны в жизни государства: "Война — это великое дело государства. Она есть причина жизни и смерти, путь существования и гибели, а потому относиться к ней нужно с великим тщанием"[6].

В основу войны, по Сунь-Цзы, заложено пять явлений: первое — путь, второе — небо, третье — земля, четвертое — полководец, пятое — закон. Каждое из перечисленных явлений — символ в свою очередь какого-либо геополитического или военного явления: путь — это символ цивилизационного приоритета, небо — места в истории и исторической необходимости, земля — геополитиче-

---

[2] См. историко-научный обзор в кн.: *Требин М.П.* Войны XXI века. М.; Минск, 2005.

[3] Полное название трактата "Сунь-Цзы бин фа", что в точном переводе с китайского значит "Правила ведения войны мудреца Суня".

[4] См.: *Конрад Н.И.* Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Л., 1950; Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М., 2002.

[5] См.: *Лиддел-Гарт Б.* Энциклопедия военного искусства / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.; СПб., 2003.

[6] Китайская военная стратегия. С. 118.

ского положения, полководец — системы управления, организации и пропаганды, закон — численности, технологии. Оценив эти пять явлений-факторов, можно предсказывать исход военной борьбы.

Каждый полководец должен досконально разбираться в этих пяти обстоятельствах военных действий. Только тот, кто их понимает, одержит победу[7]. Вот почему при составлении плана военных действий надлежит вникать в соотношение сил.

Сунь-Цзы считал, что тщательное планирование военных действий и точная информация о противнике являются ключом к достижению успеха. Главная задача военачальника, по его мнению, состояла в том, чтобы раскрыть истинный замысел действий и намерения врага, так как введение противника в заблуждение ("обмани") представляет собой фундаментальный закон войны. Полководец должен скрывать расположение своих сил и держать втайне свои планы, уметь имитировать слабость. Его оружие — военная хитрость. Пусть враги думают, что он рядом, когда он далеко, и наоборот. Никаких лобовых ударов. Необходимо продемонстрировать ложную активность на одном участке, а наступать на другом. Длительная война ведет к большим потерям в живой силе и истощению финансов, поэтому необходимо стремиться к достижению быстрой и решительной победы над противником.

Мудрый стратег, с точки зрения древнекитайского мыслителя, должен ненавидеть войну и прибегать к военной силе только в случае крайней необходимости. Следовать этому правилу полагалось не из каких-то абстрактно-гуманистических соображений и тем более не из малодушия, а руководствуясь практическими целями: укрепления собственной власти, расширения возможностей и не в последнюю очередь — распространения добродетели в мире. Китайский стратег избегает открытого противоборства не потому, что считает войну "грязным делом", а прежде всего потому, что всякая конфронтация непродуктивна, разрушительна для обеих сторон, поскольку в драке не бывает, да и не может быть, победителя. Китайский стратег выигрывает войну мирными средствами или, во всяком случае, одерживает победу без видимых усилий. Сунь-Цзы был теоретиком "стратегии непрямых действий", которая в полной мере раскрылась сейчас, в эпоху информационных войн.

Перед нами не просто "военная доктрина", имеющая лишь прикладное значение, а плод длительного вызревания цельного и очень последовательного мировоззрения, укорененного в многовековом опыте китайской цивилизации.

В китайской культуре войны стратегический аспект военного действия оказывается неотделим от морали и человеческой соци-

[7] Там же.

альности в целом. Понимание военного конфликта не только как разрушительного, но и как созидательного является непреложной истиной войны, которая сама определяет правильный выбор спектра действия, формирует качество человеческих отношений.

Европейские классики военной теории (О. фон Клаузевиц и др.) видели в войне апофеоз разрушения, смертельное противоборство двух военных машин. Цель войны — уничтожение враждебного государства. Европейским военным теоретикам не хватало мудрости китайских стратегов, которые видели в войне не только разрушительное, но созидательно-конструктивное начало. Китайская военная мысль уделяет много места анализу человеческого, в частности духовного, фактора на войне, духовным началам самой войны, не ограничиваясь рамками сухой военной теории. Она была в действительности выражением глубочайшей, пронизывающей всю китайскую культуру жизненной ориентации именно на взаимное сосуществование людей, на развитие жизни в мире.

Теперь обратимся к западноевропейскому мировоззрению, к древним грекам, являющимся для нас первоисточником любой, не только философской, но и военной мысли. Древнегреческий философ-диалектик *Гераклит* (ок. 544 — ок. 483 до н.э.) рассматривал войну как своего рода космическое явление, всеобщий закон природы. Ее причины якобы лежат в истоках бытия вселенной, а сама война играет роль генератора всякого движения. Он утверждал, что “война — отец всего, мать всего”, “все возникает и разрушается через войну”, “бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают”[8]. Правда, отрывочность дошедших до нас высказываний Гераклита не позволяет точно установить толкование им термина “война”. В определенной степени этот термин может расцениваться как совпадающий с понятием борьбы вообще (“все происходит через борьбу и по необходимости”).

Аристотель (384–322 до н.э.) говорил об экономических причинах войн (по сути, об экономической и военной агрессии): “Военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива. Итак, один из видов искусства приобретения является по природе своей частью науки о домохозяйстве”[9].

---

[8] Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. С. 45.

[9] *Аристотель.* Политика // Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 389.

В Римской империи восторжествовала точка зрения “естественной” враждебности людей друг к другу. Римскому философу Иосифу Плавту приписывается изречение: “Homo homini lupus est” (“Человек человеку волк”). Это изречение, подхваченное в XVI в. английским философом Томасом Гоббсом, до сих пор является словесным образом агрессивного мира, своеобразным знаменем множества учений, возлагающих ответственность за войну и агрессию на “волчьи законы” человеческой жизни, на агрессивную природу человека, на законы борьбы за выживание сильнейшего и т.д.

В Средние века толкование войны полностью монополизировала христианская церковь. Под ее лозунгами осуществлялось немало кровавых агрессивных акций: Крестовые походы европейских рыцарей, религиозные войны, связанные с реформацией католицизма. Встречалась и своеобразная апологетика военного насилия, например культ бога войны Одина. Аврелий Августин (354–430), один из Отцов церкви, признавал войну необходимым злом, без которого не может быть блага христианского мира и справедливости. Война есть продукт Божественного предопределения, от Бога исходит и истинная справедливость войны, ведущейся во имя веры, во имя христианства.

Эту концепцию развивал Фома Аквинский (1225–1274). Он считал, что война будет справедливой, если она порождена освященными церковью “законными причинами”, ведется “законной властью” и преследует “законные цели”[10].

Одну из первых попыток системного анализа войны предпринял флорентийский теоретик и государственный деятель Никколо Макиавелли (1469–1527). Великий военный теоретик и политолог эпохи Возрождения считал конфликт универсальным и непрерывающимся состоянием общества ввиду порочной природы человека и стремления различных групп людей к постоянному и неограниченному материальному обогащению. По его мнению, свойства людей таковы, что они отдают предпочтение агрессивным военным решениям при столкновении с проблемами, возникающими в жизни человеческого общества. В целом война нужна для того, “чтобы обогатиться самим и сделать врага беднее. Ни для чего иного победа не нужна”[11].

Говоря о становлении теории сущности и происхождении войн в истории человечества, необходимо сказать о взглядах крупнейших представителей немецкой классической философии Иммануила Канта (1724–1804) и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831). И. Кант считал, что состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние. Последнее, наоборот,

---

[10] Антология средневековой мысли: В 2 т. Т. 1. СПб., 2001.

[11] См.: *Макиавелли Н.* Соч. Т. I. М., 1934. С. 103–104, 105, 176, 193, 218.

есть состояние войны, т.е. если и не беспрерывные враждебные действия, то постоянные угрозы. Следовательно, состояние мира должно быть сознательно установлено.

Г.В.Ф. Гегель предлагал осознать "высокое значение войны" и ее место в решении политико-правовых вопросов внутриполитической и внешнеполитической деятельности государств. Он подошел к пониманию войны как орудия политики: "войсками пользовались для достижения особых целей политики"[12].

Огромное влияние на формирование современных взглядов на сущность войны и военной агрессии оказал немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии Карл фон Клаузевиц (1780–1831). Его важнейшими достижениями стали определение политической природы войны, выяснение органической взаимосвязи вооруженной борьбы и политики. В предисловии к самой известной своей книге "О войне" он писал: "Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами". Он акцентировал внимание именно на насильственных средствах военной агрессии. "Война, — отмечал К. Клаузевиц, — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю"[13]. В заголовке одного из параграфов своего труда он приводит и другое определение войны: "Война есть акт людских отношений". И далее: "Война... относится к области общественной жизни. Война есть столкновение крупных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов"[14]. По мнению К. Клаузевица, на протяжении всей истории международные военные конфликты являлись не биологической неизбежностью, не отклонением от нормы в курсе той или иной державы или проявлением своенравности монарха, а закономерным развитием тех политических процессов, которые шли внутри государств и на мировой арене до перерастания их в военный конфликт.

Ценность исследований К. Клаузевица о войне состоит не только в том, что он дает ставшую уже *классической концепцию природы войны* и ее роли в исторической жизни народов. Он показывает механизм войны, дифференцирует ее типы и виды, вскрывая немаловажную, хотя и не одинаковую роль всех институтов государства и общества, социальных групп, классов, элиты и народных масс в процессе исторических кризисов и катастроф, сопровождавшихся войнами. Заслугой К. Клаузевица является и то, что он выходит на проблемы современных войн. Он постоянно напоминает, что войны, как правило, ведутся с политическими, а не с военными целями и

---

[12] *Гегель Г.В.Ф.* Соч. Т. 8. Философия истории. М., 1935. С. 291.

[13] *Клаузевиц К. фон.* О войне: В 2 т. Т. 1. М.; СПб., 2002. С. 11, 23.

[14] Там же. С. 163.

приводятся в действие не столько физическими, сколько в первую очередь духовными силами. В то время как большинство военных специалистов и историков сосредоточивалось на осязаемых величинах стратегии, материальных факторах и ресурсах, К. Клаузевиц, по сути, исходил из единства мотиваций и ресурсов.

К. Клаузевиц своим трудом "О войне" стремился подготовить правителя к компетентному управлению страной (государством) и вооруженными силами в условиях войны, потому что мало поставить политическую цель войны, нужно еще знать средства, которыми должна быть достигнута эта цель. "Война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю. Это насилие использует изобретение искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же... физическое насилие является средством, а целью — навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишив его возможности сопротивляться.

Война исходит из общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обусловливается, ограничивается и измеряется"[15].

И далее: "Война не только бывает настоящим хамелеоном, так как в каждом конкретном случае она несколько изменяет свою природу"[16].

В то же время "хамелеон" войны одновременно является двуликим. Одно лицо войны обусловливает изменчивость и способность приспосабливаться к современному, другое — постоянство, которое и составляет в совокупности природу и сущность войны.

В своем трактате "Философия войны" другой исследователь, М. Ревон, еще дальше продвинулся в деле познания природы войны путем конкретных исторических обобщений. Особенно ценно указание автора на совершающееся в истории преображение войны, метаморфозы ее сути и смысла, форм и содержания. Война, как доказывает М. Ревон, явление не сверхъестественное, а объективное, естественно-историческое. Поэтому эволюция человеческого знания может и должна "соответствовать действительному ходу вещей".

"Война как *мировой закон* проявляется всюду, тысячами мощных столкновений разнузданных стихий, вечных агоний всего живого, борьбою добра и зла — *закон необходимости* и неизбежности, которую не может не признать здравый смысл отдельного человека"[17].

Огромный вклад в исследование роли войны в жизни цивилизаций внес крупнейший английский историк и социальный философ Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975). Он рассматривал во-

---

[15] Там же. Т. 1. С. 34–35.

[16] Там же. С. 57.

[17] *Ревон М.* Философия войны. СПб., 1897. С. 63.

просы войны с большой подробностью и широтой в главном труде своей жизни — двенадцатитомном “Постижении истории” (1934–1961), а также в составленной на основе первых шести томов этой работы книге “Война и цивилизация” (1950). Во всех этих работах проблема войны анализируется не сама по себе, а в контексте его социальной философии. А. Тойнби считает войну историческим явлением. Войны в его понимании “сопровождают нас с тех времен, когда первые цивилизации поднялись над уровнем примитивного человеческого бытия, а было это около пяти-шести тысяч лет назад”[18]. Вместе с тем А. Тойнби делает определенную уступку теории врожденной агрессивности человека, полагая, что институт войны является “*социальным отражением* темной стороны человеческой природы”[19]. Согласно А. Тойнби, война есть ориентированное и институционализированное свершение жестокого насилия. Во время войны человеческие существа сражаются и убивают друг друга по приказу публичной власти — правительств государств или импровизированных правительств в гражданских войнах. Как правило, расширение культурной ойкумены (населенной территории) зарождающихся и развивающихся классовых обществ в силу внутренних и внешних антагонизмов осуществлялось насильственными средствами. Правда, в эпоху становления и укрепления классового антагонистического общества объективно не существовало иного пути вовлечения неосвоенных территорий и первобытных племен в русло всемирно-исторического прогресса и цивилизации, нежели трагический и кровавый путь завоеваний и насилия. Рассматривая период роста локальных цивилизаций, А. Тойнби заключает, что завоевание соседних народов не является показателем роста.

А. Тойнби выявил тенденцию к возрастанию “злокачественности” войн по мере движения мировой истории. В предшествующих фазах истории государства часто находили возможным предаваться войне друг с другом с видимостью безнаказанности даже для потерпевшей поражение страны[20].

А. Тойнби считает общим местом утверждение о том, что импульс индустриализма увеличил ужасы войны. “Импульс демократии”, по его мнению, имел в этом отношении еще большее значение: «Демократия не просто не смогла сработать против войны, но в полном смысле слова вложила свою “двигательную силу” в войну и сделала еще больше, чем ее собрат индустриализм, превратив военные конфликты королей XVIII в. в чудовищную “тотальную войну”».

---

[18] *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории: Сб. М., 2003. С. 280.

[19] Там же. С. 281.

[20] *Toynbee A.* War and civilization. N.Y., 1950. P. VIII–IX.

Одним из первых А. Тойнби заговорил о столкновении цивилизаций. Он видел главное направление цивилизационного противостояния в конфликте между Западом, т.е. широко понимаемой европейской цивилизацией (включая США), и остальным миром. Цивилизационный экспансионизм Европы обернулся против нее самой: “В столкновении между миром и Западом, которое длится к нынешнему времени уже четыре или пять веков, именно Запад, а не остальной мир обрел наиболее значительный опыт. Не мир нанес удар Западу, а именно Запад нанес удар, и очень сильный, остальному миру, как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, и все остальные ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждой найдется свой пример западной агрессии”[21]. Столкновения между цивилизациями, неоднократно повторяет А. Тойнби, — наиболее вероятный путь, по которому может в будущем пойти человечество. Влияние Запада на остальной мир и ответные контрудары, контрвлияние других цивилизаций будут определять облик и перспективы мира уже в обозримом историческом будущем. А. Тойнби указывает основные линии, по которым будет проходить “разлом цивилизаций”.

А. Тойнби выходит на важнейшие военно-политические проблемы цивилизации. «Когда встречаются две и более цивилизаций, — писал он, — они должны отличаться между собою своими возможностями. Человеку по своей природе свойственно стремиться использовать всякую благоприятную возможность. А потому более мощная цивилизация скорее всего использует преимущества своего превосходства и делает это весьма агрессивно до тех пор, пока сохраняется восходящая траектория ее развития. Представители такой цивилизации, вторгаясь в чужой социум, зачастую склонны считать себя богоизбранными людьми, не такими, как все остальные, бессознательно третируя своих собратьев как неполноценных и низших.

Наименее бесчеловечный характер имеет поведение той агрессивной цивилизации, в культуре которой доминирует религия. В таком случае представители агрессивной цивилизации склонны считать своих слабейших партнеров религиозно ничтожными, различая себя и своих противников как “агнцев и козлищ”»[22].

---

[21] *Тойнби А. Дж.* Указ. соч. С. 436.

[22] *Toynbee A.* Encounters between civilizations // Toynbee A. Selection from His Works. Oxford, 1978. P. 117–123; Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. М., 1999. С. 298–299.

А. Тойнби усматривал в войне явление, сопутствующее надлому и распаду цивилизаций. Усложнение цивилизаций приводит к тому, что и война во все более усложняющихся формах и увеличивающихся масштабах поглощает все более значительные ресурсы общества. Поэтому А. Тойнби констатирует бóльшую заостренность противоречивости развития "исторических народов" по сравнению с "доисторическими".

А. Тойнби, безусловно, осуждает войну, усматривая в ней проявление моральной неспособности общества справиться со своими внутренними проблемами. Чем успешнее цивилизованные народы в лице своих государств развиваются в условиях мира, тем сильнее они саморазрушаются в период войны. По крайней мере, "дикари" и "варвары" не растрачивают на войну столько богатств, людских, материальных и духовных ресурсов.

Война как средство (одно из средств) политики есть не более чем функция государства и конфликт интересов, прежде всего в связи и по поводу государственной власти во всех ее проявлениях.

А. Тойнби признает огромную объективную роль войны, армий и полководцев на всех этапах развития цивилизаций, особенно кризисных. Он считает, что война не сводится к военному насилию, но является проявлением борьбы духовной и что всякая война отражает состояние цивилизации. А. Тойнби доказывает, что окончательная победа — пагубная иллюзия: в стратегии нет военных побед, а есть лишь успех политики, и по большому счету — успех исторический.

Согласно другому теоретику войн, Филиппу Куинси Райту (1890–1970)[23], цивилизация проходит четыре последовательные стадии развития: 1) героический период выдвижения нового социального идеала, 2) период потрясений и длительных войн, внутренних и внешних, 3) период стабильности и сплочения подчас в мировое государство-империю, 4) период усталости, упадка, потери веры[24].

На всех этапах истории цивилизаций в конфликтах их носителей присутствовали элементы религиозной, политической, экономической и социокультурной борьбы. Им соответствовали проповедь, пропаганда, конкуренция и насилие. Преобладание одного из этих начал не исключало значения всех остальных. И что особенно важно, любой из четырех типов внутри любого межцивилизационного противоборства был чреват обострением до уровня вооруженного конфликта, т.е. войны. Поэтому отнюдь не случайно военное ис-

---

[23] Ф.К. Райт — известный американский политолог, профессор Чикагского университета. Автор работ: A study of war. Chicago, 1942; The study of international relations. Appleton, 1955; The role of international law in the elimination of war. Oceana, 1961.

[24] *Wright Q.* A study of war. In 2 vol. Vol. 2. Chicago, 1942.

кусство, хотя и подспудно и противоречиво, срасталось с геополитикой как мироустроением, регуляцией межгосударственных отношений. Степень зрелости цивилизаций К. Райт видит в уровне изощренности геополитики как стратегии выживания-и-развития, будь то научная теория или политическая практика. Типология "цивилизованных" войн как раз и приближает нас к выявлению характера и возможностей геополитики разных обществ в различные времена.

Войны, бесспорно, были и подчас остаются важнейшими историческими экзаменами на выживание и развитие для государств, народов, цивилизаций. Чтобы оценить в этом плане возможности конкретного общества, следует сначала выявить его *способность к ведению войны*. Хотя военная активность на четырех этапах развития цивилизации неодинакова (максимальна на втором этапе — в период политических потрясений, минимальна на третьем — социально-экономической стабилизации), она находила выражение в интенсивности военных действий, характере армии, операций и целей войны, обосновании правомерности вооруженного насилия. По мере развития цивилизации армии становились все многочисленнее и абсолютно, и относительно численности населения, войны становились все затратнее и приносили все больше издержек, их интенсивность возрастала, а средняя продолжительность падала. Охватывая все большие пространства, войны оставляли все меньше безопасных мест для гражданского населения. Поэтому возникала необходимость более четко отличать войну от мира и к тому же расценивать саму войну как явление все более аномальное.

Цивилизации разных типов отличаются степенью и характером своей воинственности. Воинственность находит выражение в кровавых религиозных ритуалах, жестоких видах спорта и зрелищах, агрессивности, выражающейся в частоте прибегания к войне, военной морали, проявляющейся в дисциплине армии и народа; в степени централизации власти и ее деспотичности.

К. Райт показывает[25], что воинственность конкретных народов объяснялась не какими-то их генетическими свойствами, а сложным комплексом конкретно-исторических обстоятельств — внутренних и внешних. Воинственность цивилизации обусловлена специфическим сочетанием социальных, политических, религиозных и военных институтов, это конкретно-историческая система средств и способов адаптации к не самым благоприятным условиям внешней среды. Это означает, что воинственность никак нельзя объяснять отдельными и частными причинами. Ее степень во многом зависит от привычки к жестокости, закрепленной кровавыми

[25] Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. С. 298–299.

ритуалами и играми, к частоте активных вторжений в ходе колониально-имперских или межгосударственных войн, силе политического деспотизма, территориальной и функциональной концентрации власти.

К. Райт вообще считает первичной функцией войны именно обеспечение стадиальной преемственности в развитии цивилизации. Наряду с этим войны способствовали распространению одних культур за счет подавления, вытеснения, ассимиляции других. Совсем не случайно более широко и успешно распространялась, как правило, культура более воинственных цивилизаций. Напротив, внутри конкретных цивилизаций элементы культуры более успешно распространялись мирными средствами, а именно с помощью торговли, образования, усилий путешественников.

Роль войны внутри цивилизаций была иной. Как и в первобытном обществе, мобилизация для войны способствовала сплочению народа. Напротив, укреплению статус-кво внутри цивилизации войны, как выясняется, не способствовали: от них обычно больше и чаще выигрывали сторонники перемен. Вот почему сторонники статус-кво стремились прибегать к мирным средствам убеждения, пропаганды, экономического контроля. В процессе оформления цивилизаций одни средства заменялись другими. Так, если империи создавались военным путем, то стабилизировались и устраивались они мирными средствами.

"Цивилизованные" ("исторические") войны велись и ведутся обычно на уровне духовном за абстрактные социальные символы религии, культуры и права, чем и объясняется столь высокая и неординарная роль "символического" насилия в войне. При этом в политике и стратегии цивилизованных народов способность вести войну (и вести ее вполне успешно) намного важнее для утверждения под "солнцем" мировой политики, чем конкретные победы в той или иной войне. Между тем войны тем и отличаются от более элементарных конфликтов, что ведутся за ценности, далеко превосходящие непосредственные интересы участников.

Изъян большинства цивилизаций и методов ведения ими "цивилизованных" войн состоит, по К. Райту, в том, что религиозные, политико-правовые, экономические взгляды эклектически соединялись в военных доктринах вместо выдвижения цельного учения о жизненно важных приоритетах, основных исторических интересах государств.

Важное отличие "цивилизованных войн" К. Райт видит в том, что они опирались на идеологию. Эта идеология воплощалась в виде представлений о праве войны и законах войны, которые отражались в военной доктрине. В этой доктрине религиозно-этические и экономические приоритеты цивилизации соединяются

с политико-правовыми приоритетами государства; те и другие используются для объяснения и оправдания войны. Военная доктрина двуедина. Ее первый компонент составляет сумма религиозно-этических и философских представлений о конкретных условиях допустимости войны — о праве на войну и о допустимых средствах ведения войны. Второй компонент военной доктрины регламентирует право конкретных лиц и социальных институтов на ведение войны; этим правом максимально ограничиваются рамки частных войн, им наделяются практически исключительно правители суверенных государств.

Как это ни странно на первый взгляд, подчеркивает К. Райт, излишняя воинственность конкретных цивилизаций указывает на их несоразмерно меньшую долговечность по сравнению с цивилизациями более миролюбивыми. Для последних война лишь крайнее средство, тогда как для первых — зачастую главное, если не самоцель политики. Не менее важен вывод К. Райта о том, что милитаризм парадоксальным образом, но неотвратимо ведет к деградации военного искусства и боевого потенциала вооруженных сил, государства и общества в целом. Происходит это опять же из-за слабости концептуальной базы цивилизации, неумения правильно определить и взвесить ценностные приоритеты борьбы за историческое существование, правильно соизмерить их с наличными силами и возможными издержками предстоящей борьбы. От уровня развитости и совершенства самосознания в вопросах войны и мира в первую очередь зависит не просто ее долговечность, а сама способность ее исторического бытия.

Основная концепция К. Райта состоит в том, что от уровня и совершенства самосознания, от степени теоретической рефлексии цивилизации в вопросах войны и мира зависит не просто ее долговечность, а сама способность ее исторического бытия. Как мы убеждаемся, К. Райт во многом прав, хотя противопоставлять войну и культуру историческая объективность все же не позволяет. Ни один из правителей не был чужд культуры и мирного строительства в целом, ни один из них не делал однозначной ставки на голое насилие, хотя степень и характер сочетания мирных и военных начал были весьма различны, что столь драматично сказывалось на судьбах общества.

Войны не возникают спонтанно. Войны вызревают, как правило, долгие годы, десятилетиями, их готовят социально-экономические и политические силы, группы (партии), государства, заинтересованные в войнах. Рассматривая многообразие сторон военной агрессии, мы не должны оставлять “за бортом” рождение “идеи войны”, принятие соответствующих политических (агрессивных)

решений, конкретное содержание военной деятельности государства и общества, связанных с агрессий. Здесь важно распознать систему важнейших отношений, решений, действий государств, определенных социально-политических сил, ведущих к подрыву мира и вспышке войн.

К. Райт сформулировал содержание *социальной функции* войны: "Среди цивилизованных народов война служит как выживанию, так и разрушению государств и цивилизаций"[26]. И далее: "Чем более продолжительной и разрушительной оказывалась война, тем больше изменений происходило после ее окончания"[27].

Русско-американский социолог П. Сорокин подверг критике как все существовавшие множественно-причинные (плюралистические) теории, так и монистические теории причин войны, попытался обосновать их полную непригодность как не отвечающих историческим фактам. В противовес им он выдвинул свою теорию. Совместно с американским ученым К. Райтом П. Сорокин определил индекс войн, т.е. зависимость их частоты, роста числа жертв (в процентном отношении к общему числу населения) от усиления несовместимости систем высших ценностей и норм поведения различных частей общества (классов, групп, партий и т.д.) или свойственных ряду обществ, соприкасающихся друг с другом. Имеются в виду экономические (ценность тех или иных форм хозяйствования), политические (выбор определенного государственно-политического устройства и характера власти), духовно-нравственные, правовые, религиозные, эстетические и другие системы высших ценностей (интересов).

Усиление несовместимости этих ценностей при сильном развитии личных, групповых и международных отношений, согласно взглядам П. Сорокина, неизбежно ведет к взрыву гражданских и внешних войн[28]. Именно радикальные изменения высших ценностей в человеческом обществе обусловили то, что XX в. стал самым кровавым. В XXI в. устремленность к "абсолютной (тотальной) войне" трансформировалась в новую "приемлемую форму" ("холодная война", дозированное применение вооруженной борьбы, более гибкое комбинирование вооруженной борьбы с экономической, политико-идеологической, подрывной тайной борьбой спецслужб и т.п.), в поиск новых средств и способов ведения принципиально иных, нежели прежде, войн — информационных, психологических, компьютерных и т.п.

---

[26] *Wright Q.* Op. cit. Vol. 2. P. 1288.

[27] Ibid. Vol. 1. Chicago, 1942. P. 128.

[28] См.: *Сорокин П.* Причины войны и условия мира // СОЦИС. 1993. № 12. С. 140–148.

Одним из наиболее авторитетных аналитиков современной войны является Мартин ван Кревельд (род. 1946)[29]. В своей книге "Трансформация войны" он пишет: "Бессмысленно спрашивать, зачем люди едят или зачем они спят. Война в определенном смысле является не средством, а целью". М. ван Кревельд предсказывал, что войны будущего будут, таким образом, не классическим "продолжением политики", а *своеобразной формой существования человеческого общества*. Классические представления о "войне по Клаузевицу" состоят в том, что "игроками" в войне выступают народ, армия, правительство. По мнению М. ван Кревельда, сущность войны начала изменяться по мере того, как "отмирал" институт государства ("нации-государства"), а негосударственные структуры стали проявлять себя в качестве активных "игроков" на мировой арене. В конце XX в. в "игру" вступили новые "актеры агрессии" — политические и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и наркокартели. Вооруженные конфликты представляли собой уже не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия и агрессии[30].

Исходя из вышеизложенного можно дать определение новому пониманию термина "война". *Война* — это вид социальной и политической агрессии, вооруженное и невооруженное нападение, организованная борьба между государствами или группами государств, классами, группами, нациями или народами. Война — это комплекс смертоносных и несмертоносных действий, предпринимаемых с целью подавления враждебной воли неприятеля или противника. Война может предприниматься группами или против групп, которые контролируются и спонсируются государством или не ассоциируют себя с государством. Но в любом случае война является враждебной деятельностью, направленной против неприятеля или врага. Цель войны не обязательно заключается в уничтожении противника. Цель войны заключается всего лишь в покорении (подчинении) противника. Противник покорен, когда его поведение совпадает с тем представлением, которое агрессор имеет в отношении поведения противника.

Современную войну могут вести как вооруженные силы государства, так и любые иные социальные группы, организации, структуры (этнические кланы, партизаны-повстанцы, банды, террористы и т.д.). Современные войны происходят непосредственно от

---

[29] М. ван Кревельд — известный профессор Иерусалимского университета, автор более 20 работ о войне ("Обеспечение войны" (Supplying war (1977)); "Технология войны" (Technology of war (1989)) и др.)

[30] *Creveld M. van.* Transformation of warfare. N.Y., 1991; *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства / Под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. М., 2006.

агрессивности государств, обществ, социальных групп, правителей[31]. Военная агрессия есть тип поведения, свойств, отношений, которые выражаются в стремлении захватывать чужие территории и богатства, подчинять другие страны и народы, в нападениях на них, в совершении насилия, в давлении и угрозах и т.п.

Таким образом, война в современном ее понимании — это сложное социально-политическое явление, вид конфронтационной политики, представляющей собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, нациями, классами и социальными группами средствами военного и паравоенного (невоенного) насилия. Война влияет на все сферы общественной жизни, судьбы государств и цивилизации. Она выступает продолжением политики иными средствами (Клаузевиц). В свою очередь, современную политику можно обозначить как продолжение войны всеми возможными средствами. Современная война может и не включать в качестве обязательного признака применение *военной силы*. В постиндустриальном, информационном обществе война будет вестись не столько на сухопутных и морских театрах военных действий, сколько на культурном уровне, в сознании людей. Она связана с проблемами влияния одного разума на другой. А это остается важнейшим фактором в истории, в ходе борьбы народов за свое собственное существование и развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антология средневековой мысли: В 2 т. Т. 1. СПб., 2001. (Antologija srednevekovoj mysli: V 2 t. T. 1. SPb., 2001.)

Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. (*Aristotel'*. Politika // Soch.: V 4 t. T. 4. M., 1983.)

Военный энциклопедический словарь. М., 1986. (Voennyj jenciklopedicheskij slovar'. M., 1986.)

Добреньков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI в. М., 2011. (*Dobren'kov V.I., Agapov P.V.* Vojna i bezopasnost' Rossii v XXI v. M., 2011.)

Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8. Философия истории. М., 1935. (*Gegel' G.V.F.* Soch. T. 8. Filosofija istorii. M., 1935.)

Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М., 2002. (Kitajskaja voennaja strategija / Sost., per., vstup. st. i komment. V.V. Maljavina. M., 2002.)

Клаузевиц К. фон. О войне: В 2 т. М.; СПб., 2002. (*Klauzevic K. fon.* O vojne: V 2 t. M.; SPb., 2002.)

[31] Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 151; Агрессивность — в той или иной мере — свойственна всем американским лидерам // Казинцев А. На что мы променяли СССР? М., 2004. С. 209.

Конрад Н.И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Л., 1950. (*Konrad N.I.* Sun'-Czy. Traktat o voennom iskusstve. M.; L., 1950.)

Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства / Под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. М., 2006. (*Krevel'd M. van.* Rascvet i upadok gosudarstva / Pod red. Ju. Kuznecova, A. Makeeva. M., 2006.)

Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.; СПб., 2003. (*Liddel-Gart B.* Jenciklopedija voennogo iskusstva / Sost. S. Pereslegin, R. Ismailov. M.; SPb., 2003.)

Макиавелли Н. Соч. Т. I. М., 1934. (*Makiavelli N.* Soch. T. I. M., 1934.)

Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. (Materialisty Drevnej Grecii: Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Jepikura. M., 1955.)

Ревон М. Философия войны. СПб., 1897. (*Revon M.* Filosofija vojny. SPb., 1897.)

Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1998. (*Serebrjannikov V.V.* Sociologija vojny. M., 1998.)

Сорокин П. Причины войны и условия мира // СОЦИС. 1993. № 12. (*Sorokin P.* Prichiny vojny i uslovija mira // SOCIS. 1993. N 12.)

Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. М., 1999. (Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Hrestomatija / Sost., red. i vstup. st. B.S. Erasova. M., 1999.)

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сб. М., 2003. (*Tojnbi A. Dzh.* Civilizacija pered sudom istorii: Sb. M., 2003.)

Требин М.П. Войны XXI века. М.; Минск, 2005. (*Trebin M.P.* Vojny XXI veka. M.; Minsk, 2005.)

Creveld M. van. Transformation of warfare. N.Y., 1991.

Toynbee A. War and civilization. N.Y., 1950.

Toynbee A. Encounters between civilizations // Toynbee A. Selection from His Works. Oxford, 1978.

Wright Q. A study of war. Chicago, 1942.

В.В. Афанасьев, докт. полит. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОВРЕМЕННЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Сегодня традиционные формы ведения войн уступают место новым: изменяются длительность войн, их участники, причины, цели и последствия. Все это создает новые угрозы для отдельных стран и регионов и для мира в целом.

Ключевые слова: *традиционные формы войн, современные войны, участники, цели, средства и последствия современных войн.*

Today, traditional forms of waging wars give way to new: change the duration of wars and their participants, cause, purpose and consequences. All this creates new challenges for individual countries and regions and the world at large.

Key words: *traditional forms of war, modern war, members, goals, means and consequences of modern warfare.*

В последние десятилетия войны меняют свои традиционные формы. Классическая война государств, которая была определяющей еще во времена “холодной войны”, становится исторически устаревшей моделью. Государства потеряли монополию на ведение войны, когда появилось много новых негосударственных частных актеров, будь то локальные царьки, партизанские группы, специализирующиеся на ведении войны фирмы, дающие в аренду солдат, или международные террористические сети.

Эти новые актеры занимаются войной на постоянной основе как бизнесом. Они полностью контролируют расходы и способны сами доставать необходимые ресурсы и финансовые средства, которые собираются с богатых клиентов, государств, этнических и религиозных общин. Они продают лицензии на добычу и разведку природных ресурсов на контролируемой ими территории, занимаются продажей наркотиков или торговлей людьми, забирают себе помощь международных организаций, контролируя лагеря беженцев или подступы к ним. Иными словами, они в состоянии финансировать войны, используя иные методы и источники, нежели используют традиционные государства. Изменившиеся формы финансирования войн привели к тому, что современные войны могут длиться в течение десятилетий.

Можно ли современные локальные конфликты называть по-старому “войной”? В связи с потерей монополии государств на войну ее контуры размываются. Война часто стала сопровождаться

* **Афанасьев Валерий Владимирович,** e-mail: waleri777@mail.ru

организованной преступностью. Иногда трудно отделить большие криминальные организации от остатков бывшей армии, вооруженных банд самопровозглашенных командиров, которые наживаются разбоем и торговлей запрещенными товарами. Может быть, правильнее было бы называть современные войны просто “эскалацией насилия”? Ответить на эти вопросы позволяет более широкий исторический взгляд на современную мировую политику.

Сегодня ясно просматривается уменьшение доли участия различных государственных структур в локальных войнах. Дело в том, что в Европе на протяжении трехсот лет государства добивались монополии на ведение войны. Сейчас происходит обратный процесс, и войны все чаще приобретают частный характер, становясь конфликтами между отдельными кланами, группировками, этническими или религиозными общинами, не связанными непосредственно с какими бы то ни было государственными структурами.

Государство в XXI в. потеряло монополию на ведение войны. Во многих современных войнах мы можем видеть смесь государственных, псевдогосударственных и частных актеров. Обязательным стало наличие множества группировок, которые находят в ведении боевых действий свою выгоду и поэтому не стремятся к миру. Войны в Африке, Югославии, на Кавказе, в Афганистане и Сирии — все они напоминают Тридцатилетнюю войну больше[1], чем войны между государствами в XX в.

Особенности современных локальных войн

Особенностями современных военных конфликтов являются:

– наличие множества актеров;

– большая длительность;

– несимметричность противостояния, неравность участников конфликтов;

– большие жертвы среди гражданского населения;

– криминальная теневая экономика;

– удешевление средств ведения войны;

– отсутствие конкретной локализации и крупных сражений;

– тактика изматывающей партизанской войны;

– рост значения этнических и религиозных факторов;

– уменьшение роли традиционных идеологий;

– привлечение детей в качестве солдат;

– большое количество сексуальных преступлений.

Субъектами современных локальных войн выступают не государства, а *частные актеры*. Это стало возможным благодаря уде-

[1] Современные локальные военные конфликты во многом похожи на Тридцатилетнюю войну в Европе.

шевлению вооружения. Легкое оружие можно приобрести достаточно дешево, обучение также не требует длительного времени. Другая особенность современных войн состоит в их *нессиметричности*, т.е. военные действия ведутся “неодинаковыми” участниками конфликта. Фронт как таковой отсутствует и крупные сражения очень редки. При этом войска не несут больших потерь, а основной удар направлен против гражданского населения. Несимметричность приводит к тому, что тактические приемы начинают получать стратегическое значение. Большое значение начинает приобретать партизанская война. В качестве третьей особенности современных войн можно отметить отсутствие конкретной локализации, когда регулярные армии теряют контроль над происходящим, попадают в руки актеров, которые не стремятся к “открытым рыцарским поединкам”, а действуют внезапно из-за засад.

Нельзя недооценивать значение идеологических факторов во время ведения войны, однако *этнические и культурные особенности*, а также религиозные убеждения играют в современных войнах более важную роль. Войны на Балканах, Кавказе и в Афганистане были бы другими или вообще бы не состоялись, если бы там не было этнических и религиозных проблем. Эти проблемы дают конфликтующим сторонам возможность мобилизовать местное население и находить финансовую и другую поддержку. Это происходит еще и потому, что другие источники мотивации и легитимации применения насилия, которые имели место в традиционных войнах, становятся сегодня второстепенными. Это касается прежде всего леворадикальной революционной идеологии, которая раньше играла важную роль, особенно в условиях бедности и разрухи. Вопросы несправедливого распределения национальных богатств и бедности являются важным фактором и в современных военных конфликтах, но здесь важно заметить, что распространение бедности не ведет автоматически к росту военной активности. Скорее наоборот, чем дольше участники военных конфликтов эксплуатируют местные ресурсы, тем сильнее начинают распространяться бедность и разруха, а завершение конфликта еще не означает политической стабильности и экономического развития. Как правило, разрушенные войной регионы не могут самостоятельно, без внешней помощи, начать восстановление хозяйства.

Распад старых империй

Почти все современные локальные войны проходят на границах бывших империй, которые на протяжении столетий господствовали в мире. Так, балканские войны, вызванные распадом Югославии, возникли на границе между бывшей Империей Габсбургов и Осман-

ской империей. Аналогичная ситуация складывается и на Кавказе, который является пограничным регионом между бывшей Российской империей и Османской империей. Проживающие здесь горные народы России всегда с большим трудом удавалось контролировать. Окончательный распад Османской империи в результате Первой мировой войны способствовал возникновению военных конфликтов не только на Балканах и Кавказе, но и на Ближнем Востоке и в Палестине.

То же самое можно сказать и об Афганистане, который начиная с XIX в. являлся зоной, где столкнулись интересы Российской и Британской империй, господствовавшей в Индии. Ввод российских войск в Афганистан в конце прошлого века и поддержка Западом исламского движения Талибан привели к многолетней войне, в результате которой государственные структуры Афганистана практически перестали существовать. Эту ситуацию использовал Пакистан, стремившийся превратить Афганистан в плацдарм для борьбы с Индией. Конфликт между Индией и Пакистаном в свою очередь также связан с распадом Британской империи, когда в Кашмире межу Индией и Китаем возникли пограничные проблемы, приведшие к военным конфликтам, длящимся до сих пор.

В возникших после распада Советского Союза новых государствах наблюдаются большие проблемы в сфере обеспечения стабильности и безопасности. Новым элитам здесь не хватает интегративности и способности побороть коррупцию, а занятие государственных должностей рассматривается как форма личного обогащения, а не как средство выполнения государственных задач. Неэффективность работы государственного аппарата ведет к формированию, с одной стороны, нищеты, а с другой — сверхбогатых, а социальная пропасть между ними способствует скатыванию страны в пучину гражданской войны. Если к этому еще прибавляется наличие полезных ископаемых, то некоторые группы населения начинают использовать насилие, чтобы контролировать эти ресурсы[2].

Другим фактором возникновения современных локальных конфликтов является наличие за рубежом богатых конфессиональных или этнических общин, способных финансировать такие войны. Как правило, они встают на сторону представителей своей конфессии или национальности и стремятся обеспечить ей привилегированное положение.

Что касается длительности, то современные локальные войны отличаются от традиционных прежде всего тем, что они могут быть достаточно продолжительными. До XX в. государства были заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее завершить конфликт,

[2] Возможность обогащения чаще становится источником военных конфликтов, чем общая бедность населения.

и искали решающего сражения, которое служило поводом для заключения мирного договора. Этот принцип концентрации военных сил в пространстве и времени часто использовал Наполеон. Война объявлялась по определенным правилам и по правилам заканчивалась, поэтому по времени она была всегда ограничена объявлением войны и заключением мира. Однако во время Первой мировой войны и особенно во время Второй мировой войны эти правила часто нарушались. Носителями правил традиционных войн были главным образом солдаты, которые подчинялись определенному военному праву. Сегодня часто не существует правовых актов о начале и завершении войны, поэтому возникает некое промежуточное состояние между войной и миром, а в военные конфликты вовлекается все большее количество гражданского населения.

В современных локальных конфликтах старый принцип концентрации военных сил поменялся на принцип рассредоточения в пространстве и времени, что делает их похожими на партизанские войны. Утрачивается и представление о четкой линии фронта, что позволяет проводить бои в различных местах, избегая крупных сражений, поскольку часто войска не предназначены для их ведения. Боевые отряды в этих условиях готовы вести войну длительно, применяя тактику изматывания сил превосходящего по вооружению и численности противника. Благодаря такой тактике немногочисленные вооруженные формирования могут нанести значительный ущерб. При этом существует заинтересованность участников в затягивании конфликта. У такого затянувшегося конфликта иногда даже теряются признаки войны, но конфликт может в любой момент снова превратиться в войну, пока будет существовать ее экономическая основа. Благоприятными экономическими условиями для продолжения локальных конфликтов могут стать высокий уровень безработицы, большая зависимость от импорта товаров, слабое управление экономикой. Четкие временны́е рамки традиционных войн позволяли экономике перестраиваться на мирные рельсы, как только заключались мирные договора, что в случае вялотекущих локальных конфликтов практически невозможно.

Для современных локальных войн характерно также, например, то, что часто их завершению мешает небольшая партия или государство. Поскольку в локальных конфликтах участвует, как правило, несколько актеров, то и мир может быть заключен только в том случае, если все они в той или иной мере будут согласны с условиями, на которых он заключается. Примирение возможно только тогда, когда находится третья сила, обладающая достаточными военными и финансовыми ресурсами, чтобы принудить остальных участников конфликта к миру. Неудивительно, что в подобных условиях переговоры часто не приносят желаемого результата.

В XX в. около 90% потерь в традиционных войнах составляли потери участников боевых действий. В современных же локальных конфликтах около 80% погибших и раненых приходится на гражданское население. Эти цифры ясно иллюстрируют изменение соотношения потерь гражданских и военных во время военных конфликтов. Это связано с тем, что насилие в современных локальных конфликтах направлено главным образом против гражданского населения. Например, во время так называемых “этнических чисток” целенаправленно уничтожаются все представители какого-либо этноса, этнической или религиозной группы.

В течение конфликта часть населения приспосабливается к новым условиям и находит свое место в распределении труда. Некоторым наиболее успешным участникам военных конфликтов удается получить чужую недвижимость или финансовые средства, последние, например, добываются не только грабежом и разбоями, но и использованием рабского труда. В результате локальных конфликтов складываются целые отрасли теневой экономики, поэтому часто участники конфликтов заинтересованы в продолжении войны. Вместо крупных сражений проводятся массовые убийства с целью запугивания населения и полного его подчинения своей воле. Экономика грабежа основана на поддержании атмосферы страха за свою жизнь. Вооруженные люди постоянно запугивают невооруженных, что ведет отчасти к потере дисциплины в боевых отрядах. Солдаты превращаются в мародеров, поскольку в подобных условиях они уже не подчиняются законам и уставу. Все это создает почву в том числе для сексуальных преступлений, которые иногда принимают форму систематического изнасилования с целью изменения генофонда. Часто мародеры издеваются над трупами, отрезают части тела, которые рассматривают как военные трофеи.

На фоне разрухи часто возникают голод и эпидемии. Те, у кого нет оружия, как правило, не могут достать себе еды, а в переполненных лагерях беженцев возникают эпидемии. Особенно страдают от этого маленькие дети и старики, реальное число которых даже не всегда учитывается в статистике погибших. Иногда голод становится следствием международного эмбарго, которое используется как средство давления на местную власть.

Таким образом, в отличие от традиционных войн в современных локальных конфликтах мы сталкиваемся с большим количеством беженцев, голодом и эпидемиями, которые бьют прежде всего по незащищенному гражданскому населению. Часто невозможно отличить участников конфликтов от гражданского населения, нечетко определены и цели войны.

Локальные войны имеют тенденцию распространяться и на соседние регионы и, таким образом, становятся интернациональными.

Часто их участники имеют связи с международной преступностью, по каналам которой идет не только торговля запрещенными товарами, но и поставки вооружений. Все это сближает участников локальных конфликтов с организованной преступностью. Отсутствие правопорядка размывает границы преступлений, что выгодно отдельным группам. Некоторые военизированные группы представляют собой паравоенные образования, часто носят униформу, но не являются солдатами. Также часть военных командиров, участвующих в конфликте, может использовать отсутствие контроля над ситуацией в своих частных интересах, так что гражданское население становится жертвой не только преступников, но и мародерствующих солдат или паравоенных групп, не имеющих отношения к армии. В подобных ситуациях особенно ощущается отсутствие государственных учреждений, которые только и имеют монополию на насилие и не позволяют одним гражданам по собственному произволу применять его по отношению к другим гражданам.

Отсутствие монополии государства, участие негосударственных и частных актеров в современных локальных конфликтах порождают новые отрасли в "военной" экономике, которые призваны обеспечить деньгами и всем необходимым воюющие группировки. Появляются предприниматели и фирмы, которые начинают специализироваться на войне как на средстве получения денег. Так, они могут заниматься подготовкой солдат, которых потом сдают в "аренду". Фирмы оказывают транспортные услуги по доставке воюющим сторонам провианта, топлива и других товаров и даже вооружения. Эти фирмы, находящиеся в частном владении, иногда прикрываясь идеологическими лозунгами, собирают товары, полученные в результате разбоя и мародерства. В результате часть военных акций проводится не для борьбы с противником, а ради грабежа населения, ради получения необходимых для войны финансовых средств.

В ситуации, напоминающей гражданскую войну, некоторым индивидам удается приобрести такое богатство, о котором в мирных условиях они не могли бы мечтать. Наличие оружия гарантирует не только личную безопасность, но и возможность грабить безоружных. За счет войны наживаются в основном полевые командиры, локальные криминальные дельцы и международные фирмы, организующие поставки оружия. Некоторые из них, получив контроль над определенными областями, пытаются подменить государственную власть, дабы получить международные признание и поддержку. Международное признание в свою очередь дает им возможность выхода на международные рынки и шанс перевести награбленные средства за границу, чтобы уберечь последние от захвата представителями других группировок. Псевдогосудар-

ственность отдельных военных командиров нужна им не потому, что они стремятся восстановить государственный порядок, а потому, что она позволяет эффективнее эксплуатировать ресурсы страны и местное население.

Борьба с национальными государствами

Современную ситуацию (после 11 сентября 2001 г.) можно охарактеризовать как борьбу мировой американской империи со старыми национальными государствами — основной формой политического единства на предшествующей стадии исторического развития, соответствующей эпохе политического господства буржуазии. Если рассмотреть историю Европы как поочередное господство таких четырех классов (сословий), как духовенство, дворянство, буржуазия и городские массы, то можно говорить о смене четырех исторических *форм политических единств* и соответствующих им основных форм ведения войн.

Религиозные империи распадаются на части — отдельные национальные государства, которые в своем развитии проходят две стадии: *монархию* и *республику*, что можно условно считать господством военной аристократии и буржуазии. В этот период основными актерами международной политики становятся *национальные государства.* Эпохе цивилизации, т.е. эпохе господства городских масс, соответствует формирование на развалинах бывших национальных государств *мировой империи*[3].

Сегодня в США, как и в других странах мира, власть захватили “массы”, т.е. так называемое “четвертое сословие”. Но сказать “массы” — значит ничего не сказать. На самом деле речь идет о политическом господстве городского пролетариата, который больше не склонен работать, а хочет наслаждаться за чужой счет, и для этого, как говорится, “все средства хороши”.

Поскольку старые национальные государства по сравнению с “одинокой сверхдержавой” несравненно малы и асимметричны по всему военному потенциалу, то США прибегают к тактике организации “гражданской войны” для свержения любой неугодной политической элиты. Подобная тактика была до мелочей отработана в XX в., а сегодня ее осуществление становится еще и намного дешевле благодаря распространению информационных технологий. В то же время “открытое” или традиционное ведение войны связано с огромными военными расходами и людскими потерями, с которыми уже не справляются не только отдельные государства, но и целые коалиции государств.

---

[3] См.: *Афанасьев В.В.* Историческая социология. М., 2009. С. 159–160.

Совершенно очевидно, что в XXI в. начался новый этап в развитии международных отношений: сегодня принцип суверенитета национального государства уступает место другим, более абстрактным принципам. В глазах мирового сообщества, интересы которого представляют сегодня США, принцип территориального суверенитета национального государства уступает место принципу прав человека.

Существующий в современной международной практике принцип суверенного национального государства сложился не случайно и не одномоментно, а стал результатом войн и конфликтов, происходивших на протяжении столетий. В то же время принцип прав человека по сравнению с принципом территориального суверенитета очень абстрактен, т.е. различные группы, отдельные лица и организации трактуют его по-разному, но всегда в своих собственных интересах[4]. Именно поэтому сделать рассматриваемый принцип реальным инструментом международной политики очень сложно, если вообще возможно. Тем не менее сегодня часто предлагают передать часть функций национальных государств мировому правительству[5].

Со времени конфликта в Югославии НАТО стала рассматривать гуманистические ценности как более важные, нежели территориальная целостность и суверенитет национальных государств. Таким образом, были поставлены под сомнение основные принципы мирного сосуществования стран. Невольно встает вопрос: что важнее — абстрактные права человека или жизни миллионов людей, которые могут стать жертвой новой мировой войны?

Еще один важный момент во внешней политике западных стран, который вызывает настороженность, — это поддержка националистических и экстремистских сил в том случае, если эти силы могут поспособствовать развитию политического кризиса внутри национального государства, развертыванию гражданской войны и превращению ее в “хроническую”. Рост национализма очевиден не только в бывших советских республиках, но и в европейских странах, например в Германии активизировались неофашисты. Возрождаются империалистические настроения, цель раздувания которых — “навести порядок”: в Великобритании обостряется проблема Ольстера, в Испании — басков, в Италии активизируется лига “Норд” и т.д.

---

[4] Когда речь идет о соблюдении прав человека, то обычно акцентируют внимание на событиях в неевропейских странах. В этом контексте вызывает некоторые вопросы практика высылки за пределы ЕС нелегальных эмигрантов, а также смертная казнь, применяемая в некоторых североамериканских штатах.

[5] Согласно одной точке зрения, мировым правительством могла бы стать модифицированная в результате отмены права вето в Совете Безопасности и усиления всевозможных санкций ООН.

Для современных локальных конфликтов характерна одна общая черта: мировое сообщество часто встает на защиту тех народов, которые в своих агрессивно-националистических устремлениях готовы разрушить существующее положение вещей. Создается впечатление, что Запад хочет разрушить порядок, сложившийся после Второй мировой войны, а это чревато возникновением причин для новых войн.

К сожалению, за политическими лозунгами о защите прав человека часто бывает трудно расслышать голоса в защиту основного права человека — права на жизнь, а ведь именно это право попиралось в ходе войн XIX и XX в., когда миллионы людей были уничтожены или насильственно переселены. К сожалению, человечество пока недостаточно хорошо научилось делать выводы из ужасных уроков истории. Часто политики поддерживают деструктивные силы в других странах (например, исламских радикалов, которые выступают с агрессивными лозунгами и готовы смести любой стабильный политический режим (Ливия, Сирия и т.д.)) только ради достижения собственных политических целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев В.В. Историческая социология. М., 2009. (*Afanas'ev V.V.* Istoricheskaja sociologija. M., 2009.)

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

О.А. Немова, канд. социол. наук, доц. кафедры экономики организации Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина*

А.Ф. Бурухина, асп. кафедры естествознания и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета**

МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫЕ ФИЛЬМЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются проблемы формирования через мультипликационные фильмы семейных духовно-нравственных ценностей у современного подрастающего поколения. Обозначены наиболее часто встречающиеся феномены в современной российской и зарубежной мультипликации, девальвирующие важнейшие семейные ценности.

Ключевые слова: *семья, семейные духовно-нравственные ценности, мультипликация, качественные методы исследования.*

In the article the problems of formation of family spiritual-moral values in the modern younger generation through cartoons. Show the most common phenomena in contemporary Russian and foreign animation, degrading the most important family values.

Key words: *family, family spiritual and moral values, cartoons, qualitative research methods.*

Процесс освоения семейных духовно-нравственных ценностей наиболее активно осуществляется в детские годы, в период ранней социализации ребенка. В этом возрасте закладывается мировоззренческий фундамент, над которым в дальнейшем, по точному выражению В.П. Козырькова, «“надстраиваются” новые “этажи”, “подвалы”, “чердаки” и прочие блоки обыденного сознания»[1] взрослого человека, оставаясь устойчивым элементом самосознания, оценки других людей и особым детерминирующим фактором поведения. В эпоху господства информационных технологий в строительстве мировоззренческого фундамента наряду с семьей все активнее участвуют СМИ, социализационное воздействие которых является скорее негативным, нежели позитивным. Оценивая общее состояние детского телевидения в России и его влияние на постсоветское поколение детей, А.В. Шариков и В.П. Чудинова пишут, что в современном телевидении происходит усиление раз-

* **Немова Ольга Алексеевна,** e-mail: nhl_@list.ru

** **Бурухина Анна Федоровна,** e-mail: b11a@mail.ru

[1] *Козырьков В.П.* Освоение обыденного мира. Социокультурный анализ: Монография. Н. Новгород, 1998. С. 275.

влекательности, а также замещение продукции детской культуры продукцией массовой “взрослой культуры”. Эта продукция, часто низкопробная, представляет угрозу для психического и нравственного здоровья ребенка, а “раннее взросление” идет во вред детям и подросткам, лишая их детства[2].

Вопрос о степени воздействия телевидения на сознание человека исследуется с начала зарождения телевидения как такового. Наиболее известные исследования по данной проблематике проводили Х. Айзенк, А. Бандура, У. Бенсон, Л. Берковитц, Э. Дейл, Р. Драбман, Дж. Гербнер, Д. Гоунтлен, С. Комсток, С. Ливингстон, Р. Смит, Ф. Стьер, М. Томас, П. Хьюсманн, Дж. Эпплфилд и др.[3]

В СССР первые исследования влияния телевидения на сознание детей были проведены в 1970–1980-е гг. В 1973 г. комплексное исследование телевидения для детей было предпринято Г.А. Галочкиной. Ее диссертационное исследование называлось “Телевизионное вещание для детей и юношества (Особенности тематики и жанров)”[4]. Интерес отечественных ученых к данной тематике возрастал пропорционально росту влияния самого телевидения. Так, в последующие годы роль телевидения в жизни ребенка изучали Н.В. Гутова[5], А.Ю. Дроздов[6], И.В. Левшина[7], В.С. Собкин, Т.В. Глухова, С.Г. Равлюк[8], С.Н. Пензин [9], В.Д. Сыч[10], Ю.Н. Усов[11], Ч.А. Шакеева[12], Л.С. Школьник, Л.М. Баженова, В.С. Собкин, А.В. Шариков[13], В.П. Чудинова и др.

---

[2] См.: *Шариков А.В., Чудинова В.П.* Детское телевидение. Взгляд социолога // Дети и культура / Отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. М., 2007. С. 66.

[3] Там же. С. 75.

[4] Цит. по: *Когатько А.Г.* Телевидение для детей: теория, история, перспективная модель функционирования. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 5.

[5] См.: *Гутова Н.В.* Использование кино как комплексного средства воспитания младших школьников: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1987.

[6] См.: *Дроздов А.Ю.* Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // СОЦИС. 1999. № 8. С. 62–67.

[7] См.: *Левшина И.С.* Любите ли вы кино? М., 1978; *Она же.* Подросток и экран. М., 1989.

[8] *Собкин В.С., Глухова Т.В.* Подросток у телеэкрана: есть ли в сценах насилия двадцать пятый кадр // Первое сентября. 2001. № 90; *Собкин В.С., Равлюк С.Г.* Учитель у телевизионного экрана // Первое сентября. 2001. № 84.

[9] См.: *Пензин С.Н.* Уроки кино. М., 1986.

[10] См.: *Сыч В.Д.* Воспитание эстетического отношения к природе у старших дошкольников средствами телевидения: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1979.

[11] См.: *Усов Ю.Н.* Программы. Основы экранной культуры (для учащихся 1–11 классов). М., 1994.

[12] *Шакеева Ч.А.* Социально-психологические аспекты влияния современного кино на ценностные ориентации современной молодежи: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1983.

13 *Баженова Л.М., Собкин В.С., Шариков А.В.* Возрастная динамика телевизионных ориентаций школьников // Образование и информационная культура. М., 2000. Т. V. Вып. VII.

В науке сложилось две полярные теоретические концепции воздействия экранной агрессии на юных зрителей. Согласно одной из них, так называемой “теории научения”, через демонстрацию агрессивного поведения происходит научение ребенка образцам поведения, задаваемым экраном. В определенных ситуациях реальной жизни он может воспроизвести элементы агрессивного поведения. Согласно другой концепции, получившей название “теория катарсиса”, переживание зрителем экранной трагедии является чем-то вроде прививки против реального насилия и имеет, скорее, позитивный эффект. Однако многочисленные исследования свидетельствуют о том, что негативное влияние, как правило, гораздо сильнее. Эмпирически наиболее доказанной является первая теория. О наличии взаимосвязи между склонностью к просмотру телевизионных сцен насилия и дальнейшим агрессивным поведением среди лиц подросткового и юношеского возраста свидетельствуют социологические исследования Л.С. Школьник[14], А.Ю. Дроздова[15].

Авторы данной статьи придерживаются “теории подкрепления” Д. Клаппера, возникшей в США в 1960-е гг. Согласно “теории подкрепления”, которая основывается на феноменологической социологии, влияние телевидения на взрослых не абсолютно[16]. Сознание взрослого человека защищено наличием сформированной системы ценностей, т.е. просмотр той или иной передачи или телеканала осуществляется уже на основе определенного выбора, неких личных предпочтений, взглядов. Соответственно все увиденное или услышанное в СМИ подвергается проверке на релевантность[17], т.е. проверке на смысловое соответствие между информационным запросом и полученным сообщением. Взрослый телезритель из всего информационного потока интуитивно отбирает только те мнения и точки зрения, которые соответствуют его внутренним мировоззренческим представлениям. Таким образом, влияние СМИ на взрослого человека ограничено, чего нельзя сказать о подрастающем поколении, чья система ценностей находится в стадии становления. Дети, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, не имеют духовно-нравственного иммунитета перед информационным потоком, потому что их собственная система ценностей не устоялась.

В 1990-е гг. был проведен ряд крупномасштабных социологических исследований влияния телевидения. Особый интерес для нас представляют результаты социологического исследования Н.П. Гри-

---

[14] Там же.

[15] См.: *Дроздов А.Ю.* Указ. соч.

[16] См.: *Бакулев Г.П.* Массовые коммуникации: западные теории и концепции: Уч. пособие для студентов вузов. М., 2005. С. 67.

[17] См.: *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2009. С. 665.

шаевой[18] “Дошкольник и телевидение”, проведенного в 1998–1999 гг. В нем было опрошено 100 старших дошкольников (дети 5–7 лет), 75 родителей дошкольников и 54 воспитателя старших и подготовительных групп московских детских садов. Целью данного исследования являлось выяснение степени влияния телевидения на формирование нравственных представлений и на содержание игр дошкольников, определение места телевидения в структуре бюджета времени московской семьи, воспитывающей дошкольника, а также выявление обстоятельств, в которых происходит сам процесс телесмотрения.

Анализ результатов опроса самих дошкольников показал, что на первом месте среди самых любимых домашних занятий находится просмотр телепередач, на втором — игра с родителями или сверстниками. Мальчики больше любят фильмы о звездных войнах, а девочки — сказочные истории. На вопрос: “Какой герой мультфильмов тебе больше всего нравится?” — 50% мальчиков ответили, что Бэтмен, черепашка Ниндзя и другие подобные герои. Около 40% детей никогда не видели классических отечественных мультфильмов о Буратино, Чиполлино и т.п. Детям также задавали такой вопрос: “С каким героем мультфильмов ты бы стал дружить и почему?” 40% детей, отвечая на него, назвали такие качества потенциального друга, как сила и смелость. На вопрос: “Кого бы ты назвал смелым?” многие дети ответили, что это тот, кто не боится убивать кого бы то ни было.

Огромное влияние оказывает телевидение на свободную игру (т.е. игру, начатую по инициативе самих детей) детей в дошкольном учреждении. Дети подражают взрослым и имитируют модели и образцы поведения, широко представленные на телеэкране. Если еще десять лет назад мальчики в основном играли в полярников, космонавтов, водителей и т.д., то сейчас в свободных играх преобладают ситуации агрессии — аварии, убийства, войны. Игры девочек изменились значительно меньше, почти неизменной осталась проблематика, связанная с семьей, однако в них значительно усилился мотив, связанный с престижностью вещей и их покупкой. Основной источник информации о последних — реклама. Знания детей о том, что рекламируют, поистине неисчерпаемы: 70% дошкольников перечислили практически все товары, рекламируемые по телевидению на момент опроса. Лишь 20% детей старшего дошкольного возраста практически ничего не знают о рекламе.

Родители, как правило, не обладают культурой просмотра телепрограмм. Лишь в 20% московских семей дошкольников телесмотрение планируется, т.е. телевизор включается только тогда, когда

[18] Цит. по: *Шариков А.В., Чудинова В.П.* Указ. соч. С. 78.

идет передача, которую хотели посмотреть. Дети воспринимают телевизор как члена семьи, как фон своей жизни. Многие дети перед ним едят, играют и даже засыпают. Естественно, что вся информация, поступающая с экрана, является для ребенка чрезвычайно значимой, во многих случаях даже более значительной, чем мнение родителей.

Это и другие исследования позволили группе ученых, работавших над проектом "Дети и насилие на телеэкране", дать на вопрос: "Влияет ли насилие на экране на российских детей и подростков?" — однозначный ответ: да, влияет, и влияет негативно. Однако степень такого влияния до сих пор не определена. Тенденция развития аудиовизуальных СМК такова, что "интенсивность агрессии" на экране растет год от года. Таким образом, каждое новое юное поколение получает все больший заряд разрушительной агрессивной энергии, что усиливает предрасположенность социума к реальной агрессии: экранная агрессия провоцирует реальную, реальная заставляет искать еще более интенсивной "подпитки" на экране, что в свою очередь дополнительно усиливает внутреннюю агрессивность. Так на фоне бытовых и экономических неурядиц в социуме создается предрасположенность к росту криминала, а в перспективе и к массовому выделению накопленной агрессивной энергии во всем обществе. И мы пока что плохо осознаем возможные отдаленные последствия этой "дурной бесконечности".

Механизм передачи духовно-нравственных ценностей от одного поколения к другому достаточно сложный, он включает в себя множество агентов, а также имеет специфическую структуру. Основными агентами социализации по-прежнему остаются родная семья и самые близкие родственники — отец, мать, прародители, братья, сестры и т.д. Однако в связи с тем что современный институт семьи находится в состоянии кризиса, изменилась и его роль как основного социализационного агента. Современная семья испытывает сегодня глобальные трансформационные изменения, многие из которых, на наш взгляд, способны привести к ее полной дискредитации и в конечном итоге к смерти как таковой. В данном случае мы имеем в виду ставшую модной тенденцию легализации однополых браков, а также рост числа и разнообразия альтернативных браков и суррогатного материнства, однодетность или сознательную бездетность как норму жизни.

Основной причиной, повлекшей за собой трансформационные изменения семьи, является переход общества от доиндустриальной к индустриальной, а затем и к постиндустриальной стадии развития. В результате семья утратила статус производящего хозяйства, что отрицательно сказалось на всех остальных ее функциях, и прежде всего репродуктивной и воспитательно-социализаци-

онной. Семья в доиндустриальную эпоху была материально заинтересована в рождении большого числа детей и в качественном их воспитании, так как дети рано включались в трудовой процесс, становились помощниками в ведении хозяйства, а в старости — своеобразным гарантом пенсионного обеспечения. Данные правила укоренились в пословицах и поговорках русского народа: “Корми сына до поры: придет пора — сын тебя покормит”, “Сосун — не век сосун, через год стригун, а там пора и в хомут”, “Работные дети отцу хлебы” и т.д. Процесс передачи духовно-нравственных ценностей был органично связан с хозяйственно-бытовой деятельностью семьи. Многопоколенная расширенная семья имела в своей основе мощный воспитательно-социализационный потенциал. Подрастающее поколение находилось под постоянным контролем членов семейной группы, освоение духовно-нравственных ценностей происходило через разнообразную хозяйственно-бытовую деятельность, игру и т.д.[19]

В условиях индустриального и постиндустриального общества система семейного воспитания претерпела значительные изменения. Несмотря на то что количество времени, отводимое семьей на воспитание ребенка, увеличилось, его качество значительно ухудшилось. На снижении качества воспитания сказалось выведение родителей из домашнего семейного производства во внесемейную трудовую занятость. Также отрицательно на воспитательно-социализационной функции семьи сказалось сокращение рождаемости. Через игру со своими многочисленными братьями и сестрами ребенок постигал основные социальные роли. В условиях малодетности отсутствие каждодневного общения с близкими по возрасту родственниками привело к возникновению феномена ребенка, “недоигравшего в детстве ”. Изучая роль повседневного мира, В.П. Козырьков справедливо отметил исключительную важность семейного быта и бытия в процессе воспитания ребенка. Он пишет: “...если ребенок лишен заботливой любви родителей, вырабатывающей его способность быть внимательным, выделяющей в мире те предметы и явления, которые достойны внимания, если он не обладает необходимыми условиями и средствами для своего эмоционального, интеллектуального и социального развития, то его впечатления вряд ли будут такими яркими и запоминающимися на всю жизнь. Они будут скорее такими, которые он постарается (бессознательно) забыть, или такими впечатлениями, которые связаны с употреблением пищи (если в детстве недоедал), с одеждой (если он ходил полураздетым или в обносках), с болезнями, со

[19] См.: *Немова О.А., Свадьбина Т.В.* Семейное воспитание в условиях общества потребления // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. 2012. № 3. С. 35–42.

ссорами с родителями и т.п. Таким образом, для запоминающейся яркости впечатлений детских лет важно, чтобы целостность мировосприятия самих детей органично и с любовью дополнялась эмоционально и структурированным вниманием взрослых в соответствии с потребностями развития ребенка”[20]. Проявлением феномена “недоигравшего” ребенка стал рост числа так называемых “кидалтов” (“взрослых детей”), т.е. взрослых, страдающих проявлениями инфантилизма. Данная социальная группа как бы застряла в детстве: они не спешат обзаводиться семьей, играют в разнообразные игры, постоянно смотрят мультики, некоторые даже носят одежду с элементами детской атрибутики (ботинки, как у Буратино, шапки с помпонами и т.д.). Многолетний успех телешоу “Дом-2” мы считаем еще одним подтверждением данного феномена. Участники указанного телешоу — это те же кидалты, которые в детстве не доиграли в “дочки-матери”.

К многочисленным негативным тенденциям современного информационного общества также относится рост телекоммуникационных возможностей с их наркотизирующим воздействием на молодежь. Вместо того чтобы жить реальной жизнью, многие выбирают пассивный досуг, целыми сутками просиживают перед экранами телевизоров, компьютеров, планшетов и т.п. Потребность в эмоциях удовлетворяется не посредством реального общения с друзьями и сверстниками, а посредством просмотра мультфильмов и сериалов, “общения” с их героями и виртуальными собеседниками.

В отличие от современного телевидения фольклор очень бережно относился к детской психике. Неслучайно детские фольклорные произведения состоят из наставлений, касающихся морали, в них наглядно объясняется, что добро всегда побеждает зло, подчеркивается ценность трудолюбия, дружбы, взаимопомощи. Сказки обладают огромным воспитательным потенциалом. Через сказку ребенок познает окружающий мир, осваивает основы ментальной культуры своего народа. Так, даже выбор времени суток, которое отводилось для чтения сказок детям, был не случайным. Их рассказывали перед сном, когда восприимчивость детского сознания, согласно данным психофизиологических исследований, наиболее высока. Веками народ предъявлял высокие требования к сюжетам сказок, предназначенных для детей. В них осуждались жадность и накопительство, лень, трусость, ложь, неуважение к старшим и воспевались трудолюбие, честность, героизм, смекалка, дружба, уважение к родителям. Данная традиция была сохранена в советской мультипликации. Сюжеты очередного “советского” мульт-

[20] *Козырьков В.П.* Освоение обыденного мира... С. 275.

фильма проходили тщательный отбор, высокие требования предъявлялись к их эстетическому и музыкальному оформлению.

В основе детских мультфильмов должны лежать гуманистические ценности, подкрепляющие авторитет родителей и семьи как таковой. В сказках четко обозначены основные социальные роли и их функции (матери, отца, бабушки, дедушки, брата и сестры, мачехи, сироты и т.д.). Любопытным является тот факт, что в русских народных сказках в черных тонах прописан образ мачехи. Ведь не могут все женщины, которые оказались в статусе мачехи, быть однозначно злыми и ведьмами?! Наверняка среди них были и хорошие. Однако в народном творчестве альтернативы образу злой мачехи нет. При этом в фольклоре совершенно не прописан образ отчима. Получается, что роль мачехи в народном сознании куда важнее, нежели образ отчима. Данная проблематика требует дальнейшего тщательного изучения.

В данной статье мы подробнее остановимся на анализе именно мультипликационной продукции, так как ее основной целевой аудиторией являются дети дошкольного и младшего школьного возраста. Выбор данной возрастной группы не случаен, так как именно в это время ребенок особенно активно осваивает такие составляющие окружающего его мира, как язык, полоролевые различия, гендерно-социальные роли, правила поведения в обществе и т.д. Безусловно, мультфильмы — одно из самых эффективных средств воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста, поскольку они являются наиболее близким и понятным ребенку видом искусства, в доступной форме знакомят его с миром, демонстрируют ценности и модели поведения, причинно-следственные связи, формируют эстетический вкус и чувство юмора[21].

В основу данной статьи легли материалы авторского социологического исследования, целью которого было выявление в мультипликационной продукции таких важнейших семейных духовно-нравственных ценностей, как родительство (материнство, отцовство), родство (институт прародительства, отношения между братьями и сестрами и т.д.), а также стереотипов поведения девочки и мальчика, девушки и юноши, жениха и невесты. Эмпирическую базу данного исследования составили наиболее популярные отечественные и зарубежные мультфильмы.

Методологической основой данного социологического исследования стала феноменологическая социология А. Шюца (1889–1959) как наиболее четко раскрывающая предмет нашего научного

[21] См.: *Бурухина А.Ф.* Внимание! Мультфильм! Книга для родителей и педагогов: методика использования мультфильмов для воспитания и обучения детей дошкольного возраста. Челябинск, 2011. С. 3–4.

анализа. По мнению А. Шюца, окружающая нас социальная реальность является интерсубъективной, т.е. заранее заданной, сохраняемой и передаваемой социумом от поколения к поколению. Носителями интерсубъективного опыта являются все агенты, участвующие в процессе социализации ребенка, начиная с самых ближайших родственников и заканчивая СМИ, школой, общественными объединениями и т.д. А. Шюц, в частности, пишет: "С самого начала мы, действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором мы живем, — и мир природы, и мир культуры — не как субъективный, а как интерсубъективный мир, т.е. как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию и язык"[22]. Интерсубъективный мир содержит в себе как основы менталитета, так и распространенные верования, стереотипы поведения, объяснения тех или иных социальных явлений и т.д. Мы считаем, что демонстрация мультипликационных фильмов с определенной направленностью способна формировать в детской среде специфический интерсубъективный мир.

В процессе анализа мультипликационных фильмов мы обращали внимание на такие сюжеты, в которых представлены типичные феномены, т.е. такие феномены, которые неоднократно повторяются в нескольких мультфильмах. Данные феномены претендуют на определенное место в интерсубъективном мире ребенка. Следовательно, если в детстве ребенок регулярно воспринимает (видит, слышит) те или иные модели поведения, сталкивается с проявлением данных феноменов как в виртуальном, так и в реальном мире (например, в своей родительской семье), то они могут быть им приняты в собственный субъективный мир и стать в последующей жизни руководством к действию.

Сознание ребенка представляет собой уникальное явление. Дети воспринимают мир принципиально иначе, нежели взрослые. В.П. Козырьков, в частности, пишет: "Детская повседневность в сознании ребенка представляет собой нерасчлененное единство. Однако она структурирована во времени и пространстве несколько иначе, чем у взрослых. В силу этой внешней целостности ребенок воспринимает всем своим существом эмоционально, интеллектуально и действенно в целостности данных способностей и в той мере, в которой они развиты. Детский мир еще не расчленен на части абстрактной мыслью и существует как нечто целостное, включая и духовные элементы. Все, что происходит вокруг него, является для него важным и значимым. Ребенка привлекают лю-

[22] *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994. С. 485.

бые мелочи, детали, случайности, частности, на что уже давно не обращают внимание взрослые люди. Привлекают, потому что он еще не осознает, где мелочь, а где важное: ему приходится на собственном опыте определять и проверять критерии дифференциации и классификации оценки значимости и т.д."[23] Таким образом, регулярный просмотр родителями и другими членами семьи определенных телепередач способен формировать этико-этический вкус ребенка, вырабатывать его пристрастия и противоречия. Немаловажное влияние на восприятие ребенка оказывает и реакция родителей на происходящее на экране телевизора. Родители вербальными (комментарии, смех, гнев, раздражение) или невербальными проявлениями эмоциональных реакций как бы расставляют акценты: что важно, а что нет, на какие моменты и как надо реагировать.

Первоначально ребенок дошкольного возраста не в состоянии осуществлять отбор мультипликационных фильмов по принципу "нравится" или "не нравится", дети в данном возрасте "всеядны". Позднее у них возникают определенные предпочтения в просмотре мультиков, т.е. можно говорить о начале формирования у подрастающего поколения "ценностной измерительной линейки", с которой они пойдут по жизни. На мультипликационных фильмах ребенок учится понимать мир, вычленять главное и второстепенное, важное и не требующее никакого внимания.

Производство современных мультфильмов носит конвейерный характер, среди них редко можно встретить настоящий шедевр. Большинство современных американских мультфильмов построено по принципу сериала, в котором сильно занижена духовная и эстетическая планка (например, мультсериал "Симпсоны"). Данный мультфильм насчитывает более 28 сезонов, причем в каждом сезоне более 18 серий. "Симпсоны" — истинный продукт общества массового потребления, основной функцией которого является развлечение, основанное на высмеивании всего и вся, на откровенной пошлости, а порой и на полной безнравственности.

Рассуждения Е.Г. Яковлева[24] о судьбе современной литературы и искусства как нельзя точно подходят и для анализа постмодернистской мультипликационной продукции. Е.Г. Яковлев пишет, что в наше время «возникает новая парадигма культуры: на смену культуре, которая пробуждала в человеке созидательное начало, развивала его творческое воображение, делала его творцом, и, реализуя принцип "non-finito", способствовала зарождению в нем художника, пришла псевдокультура, которая убивает в нем все это»[25].

---

[23] *Козырьков В.П.* Указ. соч. С. 275.

[24] См.: *Яковлев Е.Г.* Несовершенство незаконченного, и/или оболванивание человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2003. № 2. С. 71–74.

[25] Там же. С. 72.

Для наглядности рассмотрим до сих пор пользующийся огромной популярностью в детской среде мультсериал про трансформеров[26]. Данный мультсериал относится к фантастическому жанру и от реальности очень далек. Межпланетные войны, железные роботы с пустыми глазницами... Главные герои абсолютно одинаковые (и добрые, и злые), типичные супергерои, способные небольшими группами спасать мир, останавливать кипящую в котлах кислоту за долю секунды до смерти своих сородичей, после смерти оживать, самостоятельно восстанавливать утраченные ноги и руки. Уничтожить их сложно, но все-таки можно. Грань между жизнью робота и его уничтожением остается непонятной. Совершенно очевидно, что логика отсутствует. Если говорить о содержании мультфильма, то его можно охарактеризовать словами "война ради войны". В фильме много жестокости: войны, бесконечная стрельба фиолетовыми лучами, убийства, жестокая расправа с помощью акул, уничтожение в кислоте и др. Тот факт, что внешне роботы практически одинаковые, добавляет путаницы, поскольку невозможно понять, кто добрый, кто злой, за кого болеть и переживать, кто спасает мир, а кто его уничтожает...

В противовес данному продукту массового потребления можно предложить любой мультфильм советской эпохи, основанный на сюжете русских народных сказок или фольклорных произведениях других народов. Главные герои просты и понятны, с четко обозначенными характерами и соответствующим поведением. Настенька из "Аленького цветочка" (СССР, 1952) — скромная, трудолюбивая, честная, порядочная девушка, ее сестры злые, завистливые, ленивые и т.д. Причем, как и должно быть в любой сказке, добро побеждает зло. Для детей все понятно: хочешь быть победителем — будь похож на главного героя, подражай его поступкам, копируй черты его характера. Чему полезному могут научить детей герои-трансформеры, какие гуманистические ценности привить, трудно даже представить...

Советские мультипликационные фильмы для детей дошкольного и младшего школьного возраста были построены с учетом детской возрастной психологии и физиологии. В эпоху СССР была целая редакция, которая занималась детским телевидением и у которой была концепция гуманистическая концепция вещания для детей. На государственном уровне было закреплено, что объем детской кинопродукции в соотношении со взрослой не должен быть менее 30%. Сейчас ситуация иная: детское кино из-за недостатка финансирования практически не снимается. Сегодня снять

---

[26] См.: *Бурухина А.Ф.* Антиэстетика мультфильма "Трансформеры". 13.03.2012 // Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области. URL: http://www.svdeti.ru (дата обращения: 06.08.2013).

сказку для детей такого уровня, какие снимал А. Роу, стоит немалых средств (специальные костюмы, декорации, музыка и т.д.). Юный зритель — один из самых взыскательных, как постоянно отмечают деятели искусства, фальшь и халтуру в стиле современных "мыльных опер" он не примет.

Сюжет советских мультипликационных фильмов легко запоминаем в силу своей простоты и доступности для детской психики. Сюжетная линия строилась от "минуса" к "плюсу", например, как в мультфильме про "Нехочуху" (СССР, 1986). В его начале главный герой был плохим (ленивым и неряшливым), а концу фильма стал хорошим, т.е. осознал свою неправоту и изменился к лучшему. При этом сам мальчик Нехочуха от начала и до конца мультика остается героем симпатичным, привлекательным, вызывающим чувство сострадания у детей. В современных отечественных и зарубежных мультипликационных фильмах, позиционирующихся как семейные, также видна динамика от "минуса" к "плюсу". Например, Шрэка в начале фильма "Шрэк третий" (США, 2007) откровенно тошнило только от одной мысли о рождении ребенка, а в конце фильма мы видим, что он — счастливейший отец семейства. В четвертой части "Шрэк навсегда" (США, 2010) история повторяется: в начале фильма показано, что семья ему надоела, он от нее устал, захотел свободной жизни, а к концу фильма осознал и понял ценность семьи и семейного образа жизни. Интересным примером является мультик "Гадкий Я" (США, 2010). Герой-злодей удочерил трех девочек, чтобы использовать их в своих корыстных криминальных интересах, и изначально относился к ним, как к животным: кормил и поил на полу из собачьих мисок, рядом с мисками положил газету для естественных нужд. Ему все равно, что дети хотят сказку на ночь, он пугает их перед сном страшилками. Когда новоиспеченный папаша подумал, что одна девочка погибла, он не расстроился, сказав: "Ничего. Для моего плана хватит и двух". Получив с помощью девочек необходимое, главный герой мечтает от них избавиться, просто бросив их в парке развлечений, но обстоятельства не позволяют. А к концу фильма главный герой осознал, что был не прав, и полюбил их как родных дочерей. Создается впечатление, что в мультфильмах про Шрэка и "Гадкий Я" все акценты расставлены правильно, а семейные духовно-нравственные ценности торжествуют. Между тем есть существенная разница в подаче самой ценности семьи в мультфильмах.

Так, в современном отечественном мультфильме "Барбоскины" (Россия, 2011–2012) сама ценность семьи не подвергается никакому сомнению. Более того, позитивно представлена жизнь в многодетной семье, что вообще нонсенс для современной практически бессемейной мультипликации. Душевные же терзания Шрэка о том,

нужна или не нужна семья, маленькому зрителю могут быть просто непонятны и, что хуже всего, неверно интерпретированы и восприняты. Трудно представить ребенка дошкольного возраста, для которого ценность семьи была бы сомнительна. Однако есть вероятность, что антисемейные терзания главного героя могут оказаться ребенку ближе и понятнее, чем положительные семейные ценности. Эта ситуация возможна в том случае, если собственная родительская семья далека от идеальной, является конфликтной, некомфортной для ребенка. Мультфильм, как и сказка, должен нести в своей основе базовые неопровержимые общечеловеческие ценности и идеалы, создавая единый базис общечеловеческого интерсубъективного мира.

Перечислим основные феномены, которые с определенной периодичностью встречаются в современной детской мультипликации: бесполезность семьи, представление малодетной, однодетной или неполной семьи как нормы, отвращение к родительству, детофобия, девальвация традиционных семейных ролей (мать и отец, прародители), толерантное отношение к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, извращенный образ юноши и/или девушки, мужчины и/или женщины.

1. Феномен бесполезности семьи или семья как обуза отчетливо прослеживается в таких современных популярных анимационных фильмах, как “Шрэк третий”, “Шрэк навсегда”, “Сезон охоты-2” (США, 2008). Красной нитью через весь мультфильм “Сезон охоты-2” проходят душевные терзания главного героя оленя Элиота между женитьбой и холостяцкой жизнью. Начиная с первых кадров, Элиот сравнивает семью с обузой, а вступление в брак с потерей свободы. Во время брачной церемонии Элиот струсил перед словом “вечные” (в формулировке “на веки вечные”) и сбежал, чтобы не давать своего согласия на брак. Невесту также отговаривали от вступления в брак. В фильме “Шрэк третий” семья лучшего друга главного героя представлена в крайне комичном виде: отец семейства — осел, причем очень маленький, а мать — дракон, во много раз больше своего мужа. При этом у них много детей — осликов с крыльями дракона. Подобная ситуация встречается и в фильме “Ледниковый период” (США, 2002), в котором маленький тушканчик спрашивает у огромного динозавра с намеком на себя: “Ну а ты хочешь завести детей?”

2. Образ малодетной, однодетной или неполной семьи как нормы. Начиная с 60-х гг. XX в. как в зарубежной, так и в отечественной художественной литературе наметилась тенденция представления современной модели семьи, которая существенно отличается от традиционной расширенной и многопоколенной. Так, современная

семья представляется как малодетная, однодетная или неполная. Данная тенденция отразилась и в мультипликации, так как в основном мультфильмы создаются по сюжетам популярной детской литературы. Однодетность семьи показана в таких мультфильмах, как “Трое из Простоквашино” (СССР, 1978), “Каникулы в Простоквашино” (СССР, 1980), “Зима в Простоквашино” (СССР, 1980), “Весна в Простоквашино” (Россия, 2011). Мальчик по имени Дядя Федор является единственным ребенком в бикарьерной семье. Его родителям не до воспитания ребенка. В современной городской квартире ребенку не разрешают даже кота завести.

3. Феномен формирования отвращения к родительству как таковому. На данный феномен обратил внимание режиссер Г. Героев, работая над документальным фильмом о влиянии современных СМИ на репродуктивное поведение подрастающего поколения[27]. Вот что он пишет: «В мультфильме “Красавица и чудовище” мы наблюдаем сцену, где немолодая, некрасивая женщина с чертами, искаженными раздражением и ненавистью, держит на руках трех орущих детей. А на заднем плане, выше всего этого видна прекрасная героиня. Эта метафора, — указывает Г. Героев, — воспитывает у девочек отвращение к материнству вообще и к многодетным в особенности. Либо ты хочешь стать уродливой, старой и бедной, — тогда стань матерью, либо вечно молодой и красивой, — тогда не рожай. Девочкам как бы предлагают выбор, который на самом деле выбором не является. Потому что решение насильственно, замаскированно вкладывается в сознание»[28].

Многодетная семья Шрэка и Фионы (“Шрэк третий”) представлена крайне нелицеприятно: они валяются в грязи, выпускают газы и т.д., чему учат и своих детей. Вывод напрашивается сам собой: лучше никакой семьи, чем такая. Семья самой Фионы также весьма странная: ее отец, как оказывается, — жаба, мать — человек, сама Фиона — зеленый огр. Помимо того, что такая семья отвратительна сама по себе, это еще и лишено всякой логики.

4. Феномен детофобии представлен в фильме “Шрэк третий”. Узнав, что скоро будет отцом, Шрэк начинает представлять будущего ребенка, и видит его плачущим и какающим. Узнав, что его жена беременна, Шрэк запаниковал. Его друг кот из чувства солидарности говорит Шрэку: “Теперь, мой друг, ты в полной ж...”. И Шрэк с ним согласен: “Это конец, мне хана”. Далее Шрэку снится сон, как будто он в своем доме находит младенца и с отчаяньем говорит: “О, нет!” Младенец срыгивает на него так, как будто

---

[27] См.: *Героев Г.* Дети и современные мультфильмы. 30.09.2005 // Русский информационно-познавательный ресурс “Руссколань”. URL: http://www.xpomo.com/ruskolan/tolpa/deti_05.htm (дата обращения: 06.08.2013).

[28] Там же.

прорвало канализационную трубу, при этом папашу сносит на несколько метров.

В том же мультфильме “Шрэк третий” бездетные и незамужние сказочные подруги наперебой остерегают беременную Фиону: “Ты отлично знаешь, как бывает. Тебя клонит в сон. Весь день. Ты не следишь за собой. Растяжки. Прощай, романтика!” Одна из них дарит Фионе усатого няня-приживалку (дед-гном неприятного вида), чтобы “было время подлатать брак”.

5. Девальвация традиционных семейных ролей (мать, отец, прародители). Вновь обратимся к серии мультфильмов про Шрэка. Родителей Шрэка в мультфильмах нет, но о них упоминает сам герой, рассказывая о своей несчастливой судьбе: “Мой отец был огр. Он хотел сожрать меня. Не зря он купал меня в кетчупе и клал спать с яблоком во рту”. В роли отца — ненавистника собственных детей в том же “Шрэке” выступает и Папа Карло, который продал свое детище Пиноккио представителям власти, устроившим охоту на сказочных героев. Пиноккио умоляюще просит: “Папочка, не надо! За что ты меня так?”, но Карло забирает свои пять шиллингов и уходит.

Эти сцены, конечно, показаны мимолетом, но сам факт образа отца — пожирателя детей и продающего свое детище за копейки — является безнравственным.

Прародители в современных мультфильмах практически не встречаются. Лишь в некоторых мультфильмах можно увидеть бабушек и дедушек. Например, в фильме “Семейка Крудс” (США, 2013) показана трехпоколенная многодетная первобытная семья, в которой главой является отец и он отвечает за безопасность и пропитание всего семейства. Формально все прекрасно, но если проследить отношения отца семейства и его тещи, то картина предстает в совсем ином свете. В течение всего мультфильма можно видеть следующие сцены. Глава семейства использует бабушку вместо монетки, когда нужно кинуть жребий, и бросает ее вверх, та потом падает вниз головой, а он спокойно произносит: “Решка”. Или, например, когда отец сомневается, стоит ли продолжать путь, старушка против, она предупреждает: “Отдам концы по дороге”, после чего довольный таким возможным исходом мужчина заулыбался и решил обязательно идти дальше. Главный герой, не стесняясь выражений, говорит своей жене: “Твоя мама даст дуба. А это тоже плюс”. Вслед за отцом его сын однажды называет бабушку “бешеной каргой”.

Сама седовласая старушка тоже не отличается культурным поведением. Она называет главу семьи “тупица”, а когда ее одолевает сильный голод, набрасывается на толстого внука с намерением оторвать от него “кусок пожирнее”. Когда незнакомый молодой

человек объясняет всему семейству, что “домашние питомцы — это животные, которых не едят”, бабушка замечает: “У нас их называют дети”. В общем, отношения между тремя поколения сложно назвать семейными.

Еще один пример неуважительного отношения к прародителям можно увидеть в мультфильме “Алеша Попович и Тугарин Змей” (Россия, 2004) в следующих сценах: конь спит под одеялом, в то время как старик мерзнет; бабка взвалила на себя груз, а молодая девушка (ее внучка) идет налегке; бабка перетаскивает уже взрослую внучку на другой берег через висячий мост.

6. Феномен толерантного отношения к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Больше всего героев с двусмысленной половой ориентацией и вообще с неопределенным полом встречается опять в фильмах про Шрэка. В “Шрэке третьем” среди подружек Фионы наряду с Золушкой, Белоснежкой и Рапунцель есть существо с плотной женской фигурой, грубым женским лицом и томным мужским голосом, одетое в женское платье. По-видимому, это трансвестит. Этот человек томным голосом говорит о прекрасном принце: “Он, конечно, гад и все такое. Но я от его взгляда плавлюсь, как пломбир под июньским солнцем”. Позже трансвестит, подняв платье, показывает стражникам очаровательную женскую ножку в чулке.

Похожий герой встречается и в злачном месте — баре, где собираются попьянствовать злые сказочные герои в фильме “Шрэк-2” (США, 2004). Самое страшное, что даже взрослым зрителям до конца непонятно, кто же перед ними в обоих случаях — женщина или мужчина. В этом же мультфильме Пиноккио, который по половой принадлежности — мальчик, заявляет: “Я ношу женские трусики”.

7. Образы юноши и/или девушки, мужчины и/или женщины. В целом герои многих современных зарубежных мультфильмов — одиночки, смысл жизни которых — развлечения и приключения, у многих из них нет отцов, матерей, братьев и сестер, т.е. ни о какой семье речь просто не идет. Если же о семье речь все-таки заходит, то она предстает как нечто ненужное, комичное, абсурдное. Мать и отец, как правило, не привлекательные герои. Бездетные и не желающие создавать семью герои — привлекательные и красивые. Независимые молодые красавицы обладают мужской силой и способны лбом проломить стену или победить взрослого мужчину. Одни из любимых героинь детских сказок — Золушка и Белоснежка. Обе отличались красотой, скромностью, нежностью, трудолюбием. В общем, являли собой положительный пример для девочек. В “Шрэке третьем” они — истеричные и грубые особы, обращающиеся друг к другу с требованием “Заткнись!” и дерущиеся из-за букета невесты.

В то же время прекрасный принц, который, казалось бы, должен обладать силой и мужеством, — слабый инфантильный маменькин сынок, которого заботит только красиво уложенная челка и удачное позирование. Еще один герой благородных кровей — королевский племянник Артур, который, для того чтобы добиться помощи мага, закатывает истерику, плачет, кричит, падает на землю. Такое поведение недопустимо для женщины и тем более для мужчины.

В мультфильмах “Приключения Аленушки и Еремы” (Россия, 2008) и “Новые приключения Аленушки и Еремы” (Россия, 2009) гипертрофированно представлена тема любви. Практически все герои этих мультфильмов мечтают только о любви и страсти. Ярко прописаны два образа современной женщины — блондинка Аленушка, страстно ищущая любви и озабоченная собственной внешностью, и эмансипированная царская дочка, мужененавистница, безумный ученый-изобретатель. Во втором мультфильме показаны полуголые, с пышными формами африканки Эллочки, которые страстно желают мужчин, что подтверждается их эротическими танцами с активным вилянием бедрами, песнями (“нам не хватает страсти, и ревности, и власти”, “любовь мужчинам можем дать”, “огонь страстей”), высказываниями (“сколько страсти в этом взгляде!”).

Также во втором мультфильме про Аленушку и Ерему есть очень интересные пары. Мощная царевна в брюках и покорный ей шах, имеющий 365 жен, при этом главенствует в этой “семье” мужеподобная царевна. Тощая тетка Ефросинья — родственница царя, и огромный циклоп нашли друг в друге свое счастье и поют: “Слиться хочется в экстазе и дойти до брачных уз”. Такие пары выглядят весьма комично из-за своей несовместимости.

Мужские образы чрезмерно утрируют классическое представление о русском мужике. Почти все главные герои — бездельники, начиная с бездельника Еремы, который большую часть времени лежит на печи и напевает песенки, царя, который совсем не занимается государственными делами, а вместо этого все время проводит на кухне и практически везде ходит в фартуке (вновь подмена гендерных ролей), и заканчивая мужиками в эпизодах, которые стараются поваляться на травке.

Так подменяются устоявшиеся образы, которые дезориентируют ребенка. Налицо феминизация мужчин и маскулизация женщин, что искажает представления о гендерной идентичности у детей.

Отдельно хочется сказать о “мальчиковых” фильмах, самые популярные из которых, как мы уже говорили, “Трансформеры” (США, 1984–2011), “Человек-паук” (США, 1994–2005), “Черепашки Ниндзя” (США, 1997–2012). В этих мультфильмах у героев

вообще нет семьи, они — супергерои-одиночки. Исключением считаются братья Ниндзя, которые, формально являясь братьями, все равно остаются одиночками (дети всегда рисуют черепашек отдельно, т.е. у них не закрепляется их родственная связь).

Положительные образы семьи. Тем не менее среди современных зарубежных анимационных фильмов есть и такие, в которых показана истинная ценность семьи. В том же “Ледниковом периоде” животное и человек оказываются в одинаковой ситуации: они теряют семью. Без семьи они становятся неполноценными, одинокими. При этом объединяющим звеном для таких, казалось бы, несоединимых существ, как мамонт, ленивец, тигр, является человеческий ребенок. Именно ребенок оказался залогом того, что эти существа к концу фильма создали нечто крепкое, что можно назвать семьей, в которой все друг друга любят и заботятся друг о друге. Человеческий ребенок дает перспективу, общую стратегическую цель. Изначально все герои жили бессмысленно: ленивец — бесцельно, мамонт — одиноко, тигр — играя чужую социальную роль. Ребенок — сила, объединившая абсолютно непохожих героев. У каждого и из них своя история понимания ценности семьи. Мамонт предстает как уже потерявший семью. Ленивец от идеи “Одна подруга на всю жизнь — это же глупо! Вокруг столько девчонок!” приходит к пониманию, что семья — это ценность для женщин. Тигр меняет свою родовую “семью” на “семью”, в которой его по-настоящему любят. И все-таки семья у них не получается, поскольку структура получившейся команды несемейная.

Позже мамонт создает настоящую семью (“Ледниковый период-2”, США, 2006), а в третьей части его жена беременеет и рожает. Казалось бы, фильм пропагандирует семейные ценности. Однако и тут не обошлось без сомнений и скабрезного юмора. Например, спорным является вопрос: стоит ли показывать детям натуралистические подробности родов? Например, придурковатый самец-ленивец говорит о себе: “Мамочка скоро вернется”, “Вот я и мама” (т.е. он, самец, — мама), “Я — мать-одиночка с тремя детьми”. На наш взгляд, анимационный фильм не должен содержать натурализма, он, как и сказка, должен концентрировать, направлять внимание ребенка на базовые общечеловеческие гуманистические ценности, все остальное должно быть условно, обозначено лишь слегка. Главный герой детского фильма обязан быть положительным, его поведение и поступки — достойными подражания, так как, исходя именно из них, юный зритель учится вести себя в обществе, семье, кругу друзей и т.д.

Среди современных отечественных фильмов можно встретить эпизоды, в которых представлена истинная ценность семьи. В мультфильме “Князь Владимир” (Россия, 2006) показана сцена из дет-

ства, в которой три брата ссорятся между собой за право править княжеством, а мать им наказывает: “Негоже вам ссориться: все вы одного гнезда”. В том же мультфильме князю Владимиру говорят: “Опора тебе нужна”, имея в виду женщину-супругу. Таким образом, в мультфильме “Князь Владимир” семья представлена как оплот, опора, общее гнездо, т.е. несомненная и жизненно необходимая ценность.

С точки зрения пропаганды семейно-нравственных ценностей одним из лучших современных мультфильмов является отечественный сериал “Барбоскины”. Уже то, что герои — члены семьи, в которой кроме родителей есть еще пять детей, уже непривычно для современной анимации, при этом многодетная семья представлена органичной и счастливой. В этой семье все разные, но все любят и ценят друг друга, заботятся друг о друге. Например, в серии “Суперпапа” младший ребенок Малыш хотел, чтобы папа был суперменом и летал. Ему приснился сон, что его желание сбылось, но папа все время летал и не играл с Малышом. Тогда Малыш решил, что пусть уж лучше папа не будет суперменом, но будет рядом.

Традиционные семейные ценности встречаются в мультфильмах советского периода чаще, чем в современных. Например, в мультфильме “Осьминожки” (СССР, 1976) показаны две многодетные семьи, в которых дети-озорники похожи между собой. Большая крепкая семья, основанная на любви, является ценностью и жизненной мечтой героев мультфильма “Летучий корабль” (СССР, 1979) в противовес браку по политическому и финансовому расчету. Царевна Забава поет, что счастье — это “муж работящий”, “ребятишек в доме орава”. Абсолютная ценность родителей для детей отражена в мультфильмах “Мама для мамонтенка” (СССР, 1981), “Лягушонок ищет папу” (СССР, 1964). Ради мамы дети способны на многое, например на опасный для собственной жизни поступок ради спасения жизни матери (“Храбрый олененок”, СССР, 1957). Образы дома, домашнего очага, семьи, семейного счастья являются ценностью для всех живых существ (серия мультфильмов про домовенка Кузю). Образы родителей, которые помогают своим детям, можно встретить в мультфильмах “Топчумба” (СССР, 1980), в которых отец помогает сыну стать физически сильным. Молодому поколению помогают не только родители, но и прародители, например, в мультфильме “Детство Ратибора” (СССР, 1973) старики до последнего работают, передают опыт и культуру младшему поколению, воспитывая детей смелыми и трудолюбивыми. Сила союза молодых детей и мудрых прародителей показана в мультфильме “У старости — мудрость” (Россия, 1991). Ценность хороших взаимоотношений в семье показана в мультфильме “Папа, мама и

золотая рыбка” (УССР, 1976), в котором маленький мальчик страдает от ссоры родителей, а самым важным для него является мир в семье. Правда, следует признать, что этот мультфильм, скорее, для взрослых. Таким образом, детские мультфильмы советского периода пронизаны ощущением нерушимости семьи, ее крепости.

Итак, мультфильмы в условиях кризисного состояния семьи являются мощным социализационным агентом. Качественный социологический анализ показал, что в большинстве современных мультфильмов достаточно широко представлены феномены, связанные с семьей, семейными отношениями и ценностями. Однако эти феномены далеки от представлений о семье как ценности, необходимой каждому человеку. Скорее, наоборот, во многих современных мультфильмах семья представлена как нечто ненужное, а отношение к ней у героев пренебрежительное. Образы женщины и мужчины смешиваются, дети предстают как наказание, которое мешает им жить. Все эти феномены, транслируемые с экранов, не способствуют укреплению и развитию института семьи, а закладывают пренебрежительное и отрицательное отношение к семье, которое ведет к ее разрушению.

В этой связи мы считаем, что государство должно пересмотреть свою позицию в отношении медиаконтента для детей. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. (№ 436 ФЗ “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”), безусловно, позитивный шаг в решении данного вопроса, но вызывает сомнение его практическая эффективность. Назрела необходимость разработки концепции позитивного, просемейного телевидения для детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баженова Л.М., Собкин В.С., Шариков А.В.. Возрастная динамика телевизионных ориентаций школьников // Образование и информационная культура. М., 2000. Т. V. Вып. VII. (*Bazhenova L.M., Sobkin V.S., Sharikov A.V.* Vozrastnaja dinamika televizionnyh orientacij shkol’nikov // Obrazovanie i informacionnaja kul’tura. M., 2000. T. V. Vyp. VII.).

Бакулев Г.П. Массовые коммуникации: западные теории и концепции: Уч. пособие для студентов вузов. М., 2005 (*Bakulev G.P.* Massovye kommunikacii: zapadnye teorii i koncepcii: Uch. posobie dlja studentov vuzov. M., 2005.)

Бурухина А.Ф. Внимание! Мультфильм! Книга для родителей и педагогов: методика использования мультфильмов для воспитания и обучения детей дошкольного возраста. Челябинск, 2011. (*Buruhina A.F.* Vnimanie! Mul’tfil’m! Kniga dlja roditelej i pedagogov: metodika ispol’zovanija mul’tfil’mov dlja vospitanija i obuchenija detej doshkol’nogo vozrasta. Cheljabinsk, 2011.)

Героев Г. Дети и современные мультфильмы. 30.09.2005 // Русский информационно-познавательный ресурс “Русколань”. URL: http://www.xpomo.com/ruskolan/tolpa/deti_05.htm (дата обращения: 06.08.2013). (*Gerov G.* Deti i sovremennye mul’tfil’my. 30.09.2005 // Russkij informacionno-poznavatel'nyj resurs “Russkolan'”. URL: http://www.xpomo.com/ruskolan/tolpa/deti_05.htm (data obrashchenija: 06.08.2013).).

Гутова Н.В. Использование кино как комплексного средства воспитания младших школьников: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1987. (*Gutova N.V.* Ispol’zovanie kino kak kompleksnogo sredstva vospitanija mladshih shkol’nikov: Diss. ... kand. ped. nauk. M., 1987.)

Дроздов А.Ю. Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // СОЦИС. 1999. № 8. С. 62–67. (*Drozdov A.Ju.* Agressivnoe televidenie: social’no-psihologicheskij analiz fenomena // SOCIS. 1999. N 8. S. 62–67.)

Козырьков В.П. Освоение обыденного мира. Социокультурный анализ: Монография. Н. Новгород, 1998. (*Kozyr’kov V.P.* Osvoenie obydennogo mira. Sociokul’turnyj analiz: Monografija. N. Novgorod, 1998.)

Когатько А.Г. Телевидение для детей: теория, история, перспективная модель функционирования: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. (*Kogat’ko A.G.* Televidenie dlja detej: teorija, istorija, perspektivnaja model’ funkcionirovanija: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 2007.)

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2009. (*Krysin L.P.* Tolkovyj slovar’ inojazychnyh slov. M., 2009.)

Левшина И.С. Любите ли вы кино? М., 1978. (*Levshina I.S.* Ljubite li vy kino? M., 1978.)

Левшина И.С. Подросток и экран. М., 1989. (*Levshina I.S.* Podrostok i jekran. M., 1989.)

Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. 2012. № 3. С. 35–42. (*Nemova O.A., Svad’bina T.V.* Semejnoe vospitanie v uslovijah obshchestva potreblenija // Sociologija. Zhurnal rossijskoj sociologicheskoj associacii. 2012. N 3. S. 35–42.)

Пензин С.Н. Уроки кино. М., 1986. (*Penzin S.N.* Uroki kino. M., 1986.)

Собкин В.С., Глухова Т.В. Подросток у телеэкрана: есть ли в сценах насилия двадцать пятый кадр // Первое сентября. 2001. № 90. (*Sobkin V.S., Gluhova T.V.* Podrostok u telejekrana: est’ li v scenah nasilija dvadcat’ pjatyj kadr // Pervoe sentjabrja. 2001. N 90.)

Собкин В.С., Равлюк С.Г. Учитель у телевизионного экрана // Первое сентября. 2001. № 84. (*Sobkin V.S., Ravljuk S.G.* Uchitel’ u televizionnogo jekrana // Pervoe sentjabrja. 2001. N 84.)

Сыч В.Д. Воспитание эстетического отношения к природе у старших дошкольников средствами телевидения: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1979. (*Sych V.D.* Vospitanie jesteticheskogo otnoshenija k prirode u starshih doshkol’nikov sredstvami televidenija: Diss. kand. ped. nauk. M., 1979.)

Усов Ю.Н. Программы. Основы экранной культуры (для учащихся 1–11 классов). М., 1994. (*Usov Ju.N.* Programmy. Osnovy jekrannoj kul’tury (dlja uchashchihsja 1–11 klassov). M., 1994.)

Шариков А.В., Чудинова В.П. Детское телевидение. Взгляд социолога // Дети и культура / Отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. М., 2007. (*Sharikov A.V., Chudinova V.P.* Detskoe televidenie. Vzgljad sociologa // Deti i kul'tura / Otv. red. B.Ju. Sorochkin. M., 2007.)

Шакеева Ч.А. Социально-психологические аспекты влияния современного кино на ценностные ориентации современной молодежи: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1983. (*Shakeeva Ch.A.* Social'no-psihologicheskie aspekty vlijanija sovremennogo kino na cennostnye orientacii sovremennoj molodezhi: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. L., 1983.)

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994. (*Shjuc A.* Formirovanie ponjatija i teorii v obshchestvennyh naukah // Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': Teksty / Pod red. V.I. Dobren'kova. M., 1994.)

Яковлев Е.Г. Несовершенство незаконченного и/или оболванивание человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2003. № 2. С. 71–74. (*Jakovlev E.G.* Nesovershenstvo nezakonchennogo i/ili obolvanivanie cheloveka // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 20. Pedagogicheskoye obrazovanie. 2003. № 2. S. 71–74.)

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ, ОРГАНИЗАЦИЙ И МЕНЕДЖМЕНТА

М.В. Юрасова, канд. социол. наук, доц. кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КАЧЕСТВА (качество исследований и исследование качества)

Обосновывается необходимость применения системы исследований для принятия управленческого решения по полученной информации, рассматриваются типовые примеры использования интегрированных систем исследований в практике работы организации; подходы и оценки качества исследований и изучение качества как предмета исследования.

Ключевые слова: *качество исследований, ошибки исследований, система исследований, исследование качества.*

The necessity of the use of research for decision-making on the information received, are considered typical examples of the use of integrated systems research in the practice of the organization, approaches and assess the quality of research and study quality as a subject of study.

Key words: *quality of research, errors of research, the system of research, qualitative research.*

Сегодня ни у кого не осталось сомнений, что нас должны окружать качественные вещи, что мы должны получать качественное образование и качественную информацию. Стоит отметить, что сам термин “качество” употребляется нами в различных смыслах, но чаще всего он связан с чем-то позитивным, хорошим. В социологии наиболее часто встречается качественная стратегия исследования, которая определяется через направление исследований, определяющее качественное (сущностное) состояние объекта и отвечающее на вопросы “как?”, “почему?” и т.п. Еще один аспект — это качество проводимых исследований, оценка их применимости и эффективности. В этом значении можно рассмотреть качество самих исследований и качество исследовательских коллективов (экспертов, специалистов), которые это качество обеспечивают. И наконец, качество может выступать само как объект исследования. В этом направлении наиболее часто говорят о качестве жизни, качестве управления и т.д. В статье будут рассмотрены управленческие

* **Юрасова Мария Владимировна**, e-mail: polevik-m@rambler.ru

аспекты качества, а именно качество исследований, качество исследовательских коллективов и качество управления как объект исследования.

Прикладная социология предполагает не только и не столько проведение и интерпретацию исследований, сколько экспертную работу, включая проверку систем управления организаций. Эта практика позволяет определить разрывы между проведенными исследованиями, их интерпретацией и использованием в практике управления. Возможность знакомиться с результатами исследований, проведенных самостоятельно или по заказу различных организаций, позволяет определить видение качества исследований и их результатов и сформулировать требования к ним.

Для организаций важно не просто получить результаты и основанные на них рекомендации, но и осуществить оценку и пересмотр применяемого подхода в работе организации и практики управления в целом, опираясь на результаты исследований. Это требование — оценки и пересмотра применяемого подхода — включено в область оценки современных организаций (что будет рассмотрено далее). Иными словами, получаемые результаты необходимо использовать для решения организационных проблем, пересмотра системы мотивации, внедрения нововведений, прогнозирования и др.

Уже становится нормой, что руководитель любого ранга должен около 30% рабочего времени посвящать исследованиям. Это не означает, что ему необходимо самому проводить исследования, но важно уметь читать и применять представленные результаты и работать с информацией. В условиях непрерывных изменений особую актуальность приобретают знания и понимание этих изменений и кроющихся за ними последствий. Важна роль как самого исследователя (сбор и обработка информации), так и интерпретатора (аналитика) полученных данных.

Как пишет Г.В. Осипов, «никакой “внешний враг” не способен нанести стране столько ущерба, сколько может нанести она сама себе, если ее руководство и общество в целом будут действовать на основе недостоверной информации и неразумно. <...> Одна из основных причин подобной политики, кроме всего прочего, — отсутствие достоверной информации. Мы ее плохо производим, мало ценим, еще хуже распространяем и используем. Поэтому наши цели и действия не адекватны действительности, решения опаздывают или преждевременны, законы не работают, общество дезориентировано, а лидеры обречены на неуспех»[1].

[1] *Осипов Г.В.* Социология и политика. М., 2009. С. 463–464.

Качество исследований

Рассмотрим вопросы, связанные с качеством сбора информации. Их можно разложить как минимум на два направления — качество сбора информации (методики, технологии, доступность и др.) и качество исполнителей работ (их образование, навыки, сработанность, владение методиками и технологиями).

Сегодня большинство исследований проводится как разовые проекты, что зачастую приводит к получению фрагментарных представлений о практике управления. Различные виды исследований (проектов) иногда не согласуются между собой, информирование и принятие решений по проведенным исследованиям осуществляются от случая к случаю. Это особенно заметно при проверке результатов самооценки организации.

Исследования представляют большую ценность, если они проводятся систематически и встроены, или, как говорят сегодня, интегрированы в действующую систему управления ("взаимоувязаны" с ней). Это позволяет связать воедино все виды разрозненных исследований, создать единый центр управления исследованиями (менеджмент процессов). При этом обеспечивается персонифицированная ответственность, оптимизируются различные виды ресурсов: финансовые, временные, информационные и управленческие. Одновременно "взаимоувязываются" тематика (проблематика) и методы проведения исследований, выстраивается система информационного сопровождения управленческих процессов. Таким образом, обеспечивается интегрированность исследований в управленческий процесс, выстраивается система современного управления, основанная на непрерывном получении и обработке информации, что сегодня начинают реализовывать отдельные передовые организации. Можно сказать, что формируется качественная система управления с непрерывной диагностикой принятия решений, бесперебойной обратной связью, возможностями прогнозирования и т.п.

Особую ценность представляют системы исследований, результаты которых отражают все взаимосвязанные процессы организации. Это исследования организационной структуры, места и роли организации в конкурентной среде, культуры, коммуникации, лидерства, процессов, партнерства, ресурсов (экономических, человеческих, инфраструктурных, финансовых и др.), социальной ответственности, имиджа и репутации компании. Сюда же можно отнести регулярные исследования удовлетворенности персонала организации, ее потребителей, партнеров, поставщиков, а также общества. Нельзя обойти стороной и регулярный мониторинг работы организации, в задачи которого включаются планирование и проведение сбора социологических данных об оценке потребите-

лями услуг, оценка и системный анализ получаемой информации, выявление тенденций и динамики оценки, создание и поддержание информационной базы данных, обеспечение заинтересованных структур своевременной, достоверной, унифицированной информацией об объекте исследования[2]. Кроме того, необходимо изучение лучшего опыта (бенчмаркинг), принятие отдельных наиболее интересных и применимых с точки зрения системы управления образцов, но изучение лучшего опыта немыслимо без сравнения с работой своей организации. Однако лучший опыт организаций-лидеров для кого-то может оказаться неприменимым. В этих случаях стоит проводить сравнение с подобными организациями, занимающими примерно такое же положение на рынке, в регионе, отрасли. Причем сравнение ведется по нескольким параметрам, например по текучести кадров, системе мотивации, поведению на рынке, стратегическому партнерству и др.

Все указанные виды исследований взаимно дополняют друг друга и дают информацию не только исходя из задач самого исследования, но и ориентируясь на более глобальные, связанные с качеством управления в целом.

Система исследований позволяет выстраивать адекватную имеющимся условиям развития информационную основу системы управления для принятия решений, основанных на фактах (одном из принципов всеобщего управления качеством — TQM — Total Quality Management). Важной характеристикой системы исследования является степень ее интегрированности в управленческий процесс. Интеграция означает качественно новый скачок в построении систем исследований и принятия решений на основе получаемых результатов, что является одним из ключевых принципов всеобщего управления качеством. Интеграцию можно рассматривать как процесс и как механизм объединения и связанности элементов управления. При этом предполагается, что отдельные части интегрированного целого могут обладать различной степенью автономии. В ходе интеграции в системе увеличивается объем и интенсивность взаимосвязей и взаимодействий между элементами, в частности, изменяются уровни управления.

Под **интегрированными системами исследований** будем понимать совокупность взаимосвязанных непрерывных разнодисциплинарных исследований, включающих работу по сбору и анализу информации, ее актуализации всеми каналами и структурами организации, направленную на повышение прозрачности получаемых данных для всех уровней управления, взаимную увязку между струк-

---

[2] См.: *Судас Л.Г., Оносов А.А.* Социологический мониторинг: от методологии к функциональному комплексу. Опыт развертывания национальной системы мониторинга качества метеорологического обслуживания. М., 2012. С. 34.

турными подразделениями, ответственными за разные направления работы, оценку и пересмотр применяемых подходов, а также ее связи со стратегическими и тактическими целями организации. Интегрированные системы исследований базируются на единых методологических, методических и технологических принципах сбора и обработки информации, объединенных на основе единого программного документа в общую информационную среду, единую базу данных, а также имеют механизмы, позволяющие наиболее эффективным образом использовать общие элементы построения системы управления.

Если говорить о качестве и достоверности информации, то в данном случае наиболее интересными будут электоральные исследования и основанные на них электоральные прогнозы. По сути, для исследователя выборы — это практически единственный эксперимент, который позволяет оценить качество проведенных исследований и основанных на них прогнозов. Понимание факторов, лежащих в основе прогнозирования, во многом способствует развитию навыков всестороннего анализа информации. Этому в немалой степени способствовали американские ученые, анализировавшие последствия результатов голосования. Еще в 1936 г. в истории социологических исследований произошло событие, радикально изменившее отношение к результатам проводимых научных работ. В частности, были сформулированы представления о построении выборки для массовых опросов — это знаменитое исследование журнала “Литерэри Дайджест”, а также его оппонирование Институтом Гэллапа, который опубликовал статью с предупреждениями об ошибке. Этот пример подробно разбирается в учебниках по методике и технике проведения исследований (см., например, работу Г.С. Батыгина 2009 г.[3]). Напомним, что в 1936 г. не были учтены такие важные обстоятельства, как дифференциация избирательных установок в зависимости от уровня доходов, значительное расширение избирательного ценза, метод исследования, почтовый опрос (вероятность возврата вопросника по почте намного выше у людей с более высоким образованием и доходами), время проведения опроса (состоятельные и более образованные люди обычно определяются по кандидатам заранее).

Также интерес представляют выборы 1948 г., в процессе анализа которых уже Институт Гэллапа сделал несколько ошибок: социологи решили, что избиратели, не высказавшиеся в пользу ни того ни другого кандидата в ходе опроса, проголосуют за них в той же пропорции, что и принявшие решение в ходе опроса. Однако этого

[3] См.: *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М., 2008.

не произошло. Более того, накануне предвыборных опросов Институт сменил характер построения выборки.

Можно привести примеры огромного числа неоправдавшихся прогнозов электорального поведения. Причины же всех ошибок сводятся к тому, что исследователи забыли учесть тот или иной фактор. Например, в одной из бывших республик Советского Союза просто "забыли" опросить сельское население, которое составляло более 30% избирателей. Еще одна распространенная ошибка — опрос одних только пенсионеров, который представляется как репрезентативный. Эти ошибки влияют на восприятие работы социолога. Однако если изучение электорального ведения позволяет дать сравнительно точный прогноз, то велика вероятность, что маркетинговые и/или репутационные исследования (в ходе которых проверить качество прогноза труднее, а также не всегда очевидно, в чем кроется ошибка — в прогнозах или реализации стратегии) будут тоже достаточно точны. Например, если СМИ дают исключительно положительную информацию об организации, а сотрудники "бегут" из нее, то вряд ли продукция или услуги такой организации будут пользоваться огромным спросом.

Социологи на протяжении прошлого столетия проводили многочисленные эксперименты, которые позволяли постоянно повышать качество получаемой информации. Немаловажный вклад в изучение общественного мнения и в его интерпретацию внесли П. Бурдье ("Общественное мнение не существует"), Э. Ноэль-Нойманн (понятие "спираль молчания") и Р. Лапьер (парадокс Лапьера) и др.

Приводить примеры некачественных исследований можно бесконечно. Причем их количество велико как в масштабах одной конкретной организации, так и на уровне страны в целом. Приведем еще один характерный пример, демонстрирующий полнейшую безответственность некоторых исследователей (автор статьи обязательно приводит его студентам на лекциях). Одна довольно авторитетная фирма предоставила высокопоставленному чиновнику результаты электорального исследования, которые показывали высокий рейтинг аутсайдера региональной избирательной кампании. Такое изменение рейтинга не могло остаться без внимания, и результаты исследования предложили прокомментировать другим социологам. Первое, на что сторонние аналитики обратили внимание, был блок социально-демографической информации. Количество опрошенных пенсионеров составляло около 60% (опрос проводился среди городского населения). При реперезентативном опросе такого количества пенсионеров в выборке быть не должно. Это означает, что опрос проводился в будни днем, когда активное население на работе. Кроме того, из 1000 опрошенных 15% затруд-

нились назвать свой пол. (В студенческой аудитории этот пример закономерно вызывает смех.) Однако социолог понимает, что вопрос, какого пола респондент, обычно не задается, интервьюер отмечает его сам. В данном случае это стало показателем качества работы интервьюеров, которые просто пытались перекроить выборку, сделав ее удобной для себя (т.е. произвольно "отмечая" пол респондента в соответствии с квотами). Качество управления исследованием очевидно: контроля не было ни на одном этапе исследования, в том числе на этапе вычитки презентационных материалов. Это локальный пример, которому не дали дальнейшего хода. Рассмотрим последствия низкого качества предварительных исследований на примере просчетов информационного обеспечения при проведении антинаркотической кампании в США.

Общенациональная Молодежная антинаркотическая кампания (National Youth Anti-drug Media Campaign) финансировалась конгрессом США и ставила своей задачей снижение потребления наркотиков среди молодежи, а также его предотвращения путем прямого или косвенного обращения к молодым людям: родителей и других взрослых побуждали предпринять определенные действия ради предотвращения употребления наркотиков молодыми людьми. Для проведения кампании были выделены лучшие позиции в СМИ. Информация шла по всем основным и кабельным ТВ-каналам, на Образовательном канале "Channel one", транслируемом в школах, на наружных щитах демонстрировались рекламные плакаты. Всего было задействовано около 1300 наименований различных газет, журналов, радио- и телеканалов, сайтов в Интернете. Кампания должна была стать новым словом в антинаркотической пропаганде. Ее бюджет лишь немного не дотягивал до миллиарда долларов США[4].

Однако кампания не только не снизила употребление марихуаны, но, по мнению экспертов, наоборот, вдохновила подростков попробовать легкие наркотики. Более двухсот радио- и ТВ-роликов с участием популярных музыкантов, актеров, изображающих наркоманов, готовили самые известные рекламные агентства. В итоге они лишь подстегнули любопытство юных американцев: дети 12–13 лет еще не задумывались о легких наркотиках, но уже получили ответ на вопрос, который и не думали задавать. Как следствие показатели употребления легких наркотиков в этой возрастной группе выросли. Позже среди причин таких результатов антинаркотической кампании российские эксперты называли следующие: отсутствие сильного образа "нормы" как модели поведения,

[4] См.: *Селиверстов С.Э.* Методы и принципы конструктивной пропаганды, эффективно "конструирующей" проблемное поведение // Наркология. 2007. № 2. URL: http://www.narkotiki.ru/datadepot/narkology01/2007_02_12.pdf

образа свободы, а также притягательного и яркого образа альтернативы наркотикам. Образ наркотика не обладал отрицательной силой. Таким образом, кампания не наработала нужных ассоциаций и убеждений, а лишь укрепила ненужные, те, которых хотели избежать. Рекламные сообщения были поданы как явная пропаганда. Более того, кампания закрепила использование темы употребления легких наркотиков в конфликтных ситуациях между родителями и детьми, дав последним лишний повод при любом удобном случае досадить первым. Таким образом, изначально заложенные идеи не были реализованы.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют важность проведения системы исследований и их интеграции в рабочие процессы.

Качество исследований напрямую зависит от тех, кто их осуществляет. Остановимся подробнее на анализе экспертного сообщества.

Специфика экспертной социальной и общественной мысли в России определяется ее историческим развитием. Большинство сегодняшних специалистов критически осмысливают любую проводимую работу. Это касается как собственных достижений, так и достижений коллег. Активная менеджеризация исследовательской сферы привела к тому, что авторитетные представители экспертного сообщества ставят себе в заслуги в первую очередь организационные, а не научные работы. Это касается и поддержания экспертного сообщества, и попыток удержать и объединить разрозненные центры по определенной проблематике и т.д. Организационные успехи легче увидеть, сравнить, сопоставить.

Мы живем в эпоху очень быстрых перемен, которые оказывают огромное влияние на социальную обстановку в обществе. Кроме того, в России началась фаза смены поколений: советское поколение постепенно уходит с авансцены. В то же время пока не совсем ясно, как проявит себя новое поколение, когда вступит в старший трудовой возраст.

Коммуникационный разрыв экспертного сообщества увеличивается, усиливается непонимание между социологами-эмпириками и практиками, по сути говорящими на разных языках. Это укрепляет недоверие к коллегам, отбивает желание слушать и слышать и уж тем более читать и дискутировать. Наилучшим примером, поясняющим сказанное, может служить диалог с системными администраторами, в ходе которых большим количеством непонятных слов (так называемым “профессиональным сленгом”) объясняют простые вещи. Этим приемом иногда пользуются консультанты по управлению, чтобы подчеркнуть свою значимость.

Если нам потребуется найти какое-то определение, то мы заглянем в справочник, интернет, но если нам потребуется эксперт,

то найти его окажется не так просто. Есть структуры со сложившейся репутацией, которые имеют в своем штате постоянных экспертов или привлекают к работе специалистов для решения конкретной проблемы. Есть структуры, в которых все сосредоточены на научной работе, в них эксперты постепенно "взращиваются". Есть структуры, в которых работают непубличные, но обладающие достаточно глубокими знаниями по исследуемой проблеме специалисты. Таким образом, можно найти нужного специалиста по ключевым словам, публикациям, но содержание и глубина анализа не всегда проявляются в тексте. Кроме того, значительная доля исследований носит конфиденциальный характер. Поиск по диссертациям тоже не даст искомого результата, поскольку зачастую темы диссертаций не совпадают с дальнейшими научными разработками автора, да и вообще многие после защиты отходят от научной работы. Еще один важный вопрос: как понять, является ли специалист или автор публикации тем самым экспертом, который сможет выполнить работу, необходимую именно вам?

Систематизация исследовательского поля, т.е. составление списков экспертов с привязкой к методам и темам исследования, проводится регулярно. В этой связи стоит упомянуть работы Ю. Левады (директора Левада-центра), Л. Гудкова "О положении социальных наук в России" и "Наша нынешняя социология — это компьютер на телеге" (интервью Л. Борусяк с Л. Гудковым [online], 2008)[5], В. Куренного "Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений" (изданного некоммерческим фондом "Наследие Евразии" в 2006 г.)[6]. В этих публикациях дается срез состояния интеллектуального процесса в России. Помимо общей характеристики авторы попытались зафиксировать основные проблемы, содержание и структуру этого процесса, а также институциональную и персональную локализацию значимых интеллектуальных позиций, которые, по замыслу редактора, призваны решить задачу содержательного картографирования.

На сайте Фонда "Наследие Евразии" (ФНЕ) заявлено о создании тематической библиотеки на бумажных и электронных носителях, куда вошли онлайн-библиотека по проектам "Мыслящая Россия: интеллектуально-активная группа" и "Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений", а также открытая база данных по странам и интеграционным образова-

---

[5] См.: *Гудков Л.В.* О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314–339; *Он же.* Наша нынешняя социология — это компьютер на телеге (интервью Л. Борусяк с Л. Гудковым [online], 2008). URL: http://www.polit.ru/analytics/2008/11/13/gudkov.html (дата обращения: 18.11.2008).

[6] См.: *Куренной В.* Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.

ниям на постсоветском пространстве со свободным режимом доступа ко всем электронным источникам информации (http://ir.russiancouncil.ru/organisations/fne/).

В 2010 г. в Институте социологии вышла коллективная монография "Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации"[7]. В книгу вошли результаты социолого-науковедческого проекта (2007–2009 гг.), в процессе реализации которого изучались практики применения теории и методологии в российских социологических исследованиях постсоветского периода. Учитывая широту темы, авторы ограничились описанием и первичным анализом реальных практик социологических исследований, которые проводятся в различных секторах социологии — академическом, вузовском и опросном (исследовательских центрах).

Ассоциация региональных социологических центров "Группа 7/89" ежегодно с 2004 г. осуществляет инициативный исследовательский проект "Профессиональный рейтинг исследовательских компаний" (РИК) [www.789.ru]. В 2012 г. он был реализован в восьмой раз. В качестве респондентов в исследовании приняли участие 115 исследовательских компаний. Цель этого проекта состоит в том, чтобы способствовать формированию общих стандартов деятельности и деловой практики в индустрии маркетинговых исследований. Представленный рейтинг основан на опросе региональных исследовательских компаний относительно характера их взаимодействия с исследовательскими компаниями Москвы и Петербурга. Информация, которой обладают участники исследовательского процесса, уникальна и позволяет сформировать адекватные представления о внутренней деятельности рынка. В списки объектов оценки было включено 80 компаний, активно размещающих заказы на проведение полевых работ в регионах (в том числе 44 компании из Москвы, 9 компаний из Санкт-Петербурга и 27 региональных исследовательских компаний). Выборка исследования составляется на основе базы данных "ЦИРКОН", в которой содержатся записи о 644 исследовательских компаниях, в том числе о 122 компаниях из Москвы и 40 компаниях, дислоцированных в Санкт-Петербурге.

На сегодняшний день списки экспертов ведутся государственными структурами, министерствами и ведомствами. Ведется своя база данных по экспертам в ИНИОН РАН, центре, где проводится множество конференций самого различного уровня, НИУ ВШЭ, куда эксперты приглашаются работать по различным формам сотрудничества, РАНХиГС и др. Стоит отметить, что значительное

[7] Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации / Отв. ред. Л.А. Козлова; Ред.-сост. Н.Я. Мазлумянова, И.А. Шмерлина. М., 2010.

число экспертов сотрудничают с различными структурами. Так, свои кафедры в НИУ ВШЭ имеют Фонд “Общественное мнение”, Левада-центр и ВЦИОМ и др.

Государственные структуры ориентируются на практиков, чьи работы становятся обоснованием управленческих решений. Следует отметить интерес к экспертам со стороны организаций-грантодателей, которые регулярно проводят мониторинг экспертного сообщества и подходящих исполнителей, лично приглашая к участию в исследовательском проекте. Таким образом, попытки систематизировать квалификацию и навыки исследователей по разрабатываемым темам, методам работы, глубине и качеству получаемых результатов проводятся регулярно.

Для повышения требований к качеству исследований и подаче информации социологами и маркетологами был разработан международный стандарт ISO 20252 “Маркетинговые исследования, опросы общественного мнения и социальные исследования. Основные термины и требования к организации исследования”. Данный международный стандарт устанавливает единую терминологию и общие требования к организации и проведению опросов общественного мнения и социальных и маркетинговых исследований, т.е. в нем сформированы основные требования к получению, анализу, передаче и хранению информации и их критерии.

Таким образом, качество работ, связанных с проведением социологических исследований, основывается на оценке качества методологии (включающей правильную постановку проблемы, определение всех взаимосвязей и направлений), исполнителей, получаемой информации и ее интерпретации.

Качество как предмет исследования управления

Интересный с точки зрения социологии блок связан с исследованием качества как предмета. Качество является характеристикой организационной культуры, профессионального подхода ко всему, что делается для клиента. Стремление к качеству — это стремление к наилучшему удовлетворению потребностей и требований клиента. Ответственность за качество возлагается на каждого работника. Во многих случаях никто, кроме самого сотрудника (компании), не может оценить, оказал ли он услугу соответствующего качества или она нуждается в улучшении. В этом смысле *управление качеством* является средством самооценки, самоконтроля и самосовершенствования, а также неотъемлемой частью подготовки специалистов.

Система всеобщего управления качеством (TQM) предполагает наличие постоянного и непрерывного совершенствования, которое немыслимо без общего стратегического плана организации,

“портфеля” технологий и многого другого, что также определяется с помощью исследования возможностей компании. На этих основных принципах выстраиваются все существующие системы качества. Управление качеством в современном мире обычно упоминается в контексте двух систем — TQM и ее логического продолжения — международных стандартов системы качества ИСО-9000.

Первостепенной задачей нового поколения международных стандартов серии ИСО-9000 является обеспечение способности поставщика продемонстрировать, что его система качества организована таким образом, чтобы не допустить, а при необходимости предупредить появление несоответствия качеству на всех этапах — от проекта до обслуживания.

Отметим, что ИСО-9000 не является панацеей от некачественного товара или услуги. Непонимание того, что может и чего не может дать система качества, разрабатываемая на основе требований и рекомендаций стандартов ИСО-9000, может привести и к совершенно противоположным результатам. Международные стандарты устанавливают требования к составу входной и выходной информации, необходимости непрерывного анализа и т.д., в то время как рациональность и обоснованность решений, связанных с улучшением процессов и качества продукции, стандартами не устанавливается. Систему качества следует воспринимать лишь как средство, создающее условия для решения комплекса проблем в области качества. Это является реальным фактом, который надо учитывать. Полагаясь же только на формализованные элементы (хотя и очень важные), руководители и специалисты предприятия будут ждать от системы качества того, чего она обеспечить не может. Наряду с позитивным эффектом (таким как упорядочение работ) это может способствовать формальному подходу к внедрению системы. В частности, возможен определенный консерватизм в ее работе, организация по принципу “делай как записано”. Внутри и вне системы качества общение специалистов может быть не непосредственным, а на основе записей, что может привести к бюрократизму. Анализ результатов деятельности при этом смещается в сторону проверки документов, а не оценки существа дела. К тому же еще нет четких критериев достаточности документации системы качества. Более того, внедрение стандартов ИСО-9000 может происходить сугубо бюрократически. Тем не менее потребность в информации и исследовании качества возрастает.

Первоочередным принципом управления качеством во всем мире (а управление немыслимо без соответствующих исследований) является ориентация на потребителей, поскольку важно понимать их текущие и будущие потребности, выполнять их требования и стремиться превзойти их ожидания, при этом соблюдая собственные интересы. Иными словами, важно удовлетворять все запросы потре-

бителей и получать из этого прибыль. Знание пожеланий потребителей и их технологическая увязка с возможностями компании удовлетворять эти пожелания достигается с помощью интегрированных систем исследований. Здесь важно совместить как минимум два направления: пожелания потребителей и возможности компании. Организации решают этот вопрос по-разному. Иногда оценка потребителями работы компании может сводиться к простому декларированию отсутствия нареканий на сайте компании или в "Книге жалоб и предложений". Это существенный показатель, но он не дает возможности увидеть перспективы развития. В этой связи необходимы сравнения со схожими организациями пусть даже по показателю отсутствия жалоб и нареканий. Ведь отсутствие негативных отзывов не всегда является гарантией реального положения дел. Не все неудовлетворенные потребители будут высказываться открыто о качестве товаров и услуг, но в случае появления альтернативы перейдут к конкурентам.

Требование предвосхищения потребностей клиентов связывают с историей появления аудиоплееров. Потребности в их использовании в обществе не было, но когда они появились, то быстро завоевали популярность, а компания Sony получила хорошую прибыль. С тех пор компании стараются не только создавать новые продукты и услуги, но и формировать запросы общества под них.

В этой связи важно рассмотреть особенности услуг. К ним относят неосязаемость, несохраняемость, одновременность их производства и потребления. Все они повышают степень риска экономической деятельности в сфере услуг, создают немалые трудности в обеспечении стабильного качества сервисной деятельности, ее стандартизации и регулировании. В отличие от материального производства в сфере услуг потребитель непосредственно участвует в их производстве, что может рассматриваться как дополнительный производственный риск, хотя личностно-потребительская ориентация услуг усиливает тенденцию к их разнообразию и индивидуализации.

Специфика природы услуг накладывает существенный отпечаток на маркетинг в этой сфере, предъявляет особые требования к деятельности организации. Неосязаемость услуг требует, чтобы маркетолог научился превращать неосязаемое в осязаемое, например используя торговые марки и создаваемую атмосферу. Неотделимость часто ассоциируется с людьми, которые предоставляют эти услуги, она требует развития "внутреннего" маркетинга, который может гарантировать, что для персонала, находящегося на "передовой", клиент будет иметь первостепенное значение, а внутренняя система организации дает людям, действующим на "передовой", достаточные полномочия предпринимать все необходимые действия для удовлетворения нужд и потребностей клиента. Непосто-

янство качества услуги преодолевается путем тщательного подбора и обучения персонала параллельно со стандартизацией самой услуги в той мере, в какой это не затрагивает ее качества. Недолговечность требует внимания к спросу и предложению услуг, которые могут быть изменены посредством творческого подхода к ценообразованию, маркетинговых кампаний, регулирования количества персонала и т.д. Наконец, участие клиента в предоставлении услуги может увеличивать спрос и способствовать большему его удовлетворению, если услуги разрабатываются таким образом, что клиенты могут с легкостью ими воспользоваться и стать эффективными и благодарными "сотрудниками" компании в деле предоставления этих услуг[8].

Бегло рассмотрим историю развития концепции маркетинга услуг. Сначала упомянем концепцию нейтральных зон Ч. Бернарда, в которой утверждается, что между желаемой услугой и приемлемой услугой существует зона приемлемого отклонения, в пределах которой клиент остается удовлетворен. Согласно концепции Е. Кедотта и Н. Терджена, некоторые элементы обслуживания могут иметь ответную положительную или отрицательную реакцию, в то время как другие не создают ответной реакции вовсе. Н. Кано сформулировал характеристики товара или услуги, которые влекут за собой определенную реакцию потребителя (обязательные, количественные и сюрпризные), а также предложил методику выявления значимости той или иной характеристики услуги и уровня сервиса.

На практике иногда используется другое направление, которое исходит из возможностей компании, когда приглашают исследователя "вписать" возможности организации в рынок, т.е. в случае, когда компания не просто гибко реагирует на запросы клиентов, а подбирает клиентов под свои возможности. Сегодня востребована не только маркетинговая диагностика, но (в большей степени) интегрированные системы исследований, в которых маркетинговая диагностика является лишь составной частью (элементом) общей системы исследований. Под маркетинговой диагностикой понимается комплексное исследование, сочетающее в себе как минимум два направления — маркетинговое исследование услуг (продукции, товаров) и исследование управления и функционирования самой фирмы, направленное на вскрытие и устранение проблем, препятствующих развитию, а также определение внутреннего потенциала для увеличения доли на рынке и т.д.[9]

---

[8] См.: *Судас Л.Г., Юрасова М.В.* Маркетинговые исследования в социальной сфере. М., 2004. С. 79–82.

[9] Там же. С. 130.

Эти виды работ демонстрируют важность выстраивания постоянного диалога с потребителями посредством проведения исследований, включающих такие направления, как известность марки, бренда, предпочтения потребителей, продуктовая (услуговая) удовлетворенность, сравнение с аналогичными характеристиками компаний-конкурентов и др., кроме того, исследования дополняются изучением документальных источников, таких, как сайты, форумы, СМИ и др., на/в которых так или иначе обсуждаются характеристики компании и производимых ею продукции и услуг. На производимый товар (а услуги даже в большей степени) оказывают влияние сотрудники компании, которые в той или иной степени влияют на предпочтения потребителей. Если сотрудников компании устраивает работа в организации, то они стремятся создавать качественный товар (услугу). Поэтому вопрос удовлетворенности персонала в том числе возможностями влиять на качество товаров и/или услуг (например, через кружки качества или участие в проектных группах) играет важную роль в создании качественного товара (услуги). Удовлетворенность сотрудников складывается из показателей удовлетворенности своим трудом, рабочим местом, существующей системой мотивации, участием в принятии управленческих решений, качеством производимого товара (услуги) и т.п. Отметим, что такая характеристика находит отражение и в системе маркетинговых коммуникаций.

Вовлеченность работников является второй важнейшей характеристикой принципов TQM. Работники всех уровней составляют основу организации, а их полное вовлечение дает возможность организации с выгодой использовать их способности. Чем лучше мотивирован работник, в том числе нематериально, тем выше его показатели работы в коллективе. Одним из видов мотивации сегодня является участие персонала в принятии управленческих решений. Уместно упомянуть о кружках качества, которые представляют собой образовательный и познавательный процесс, содействуют участию персонала в мероприятиях, затрагивающих их повседневную работу и позволяющих внести в нее изменения, влияющих на качество работы. Это обеспечивает основу для взаимного сотрудничества управления и персонала.

Существуют и успешно функционируют такие престижные награды, как Европейская премия по качеству (EFQM — European Foundation for Quality Management), Европейская премия за совершенство (EFQM — European Excellence Award — EEA) и Премия Правительства РФ в области качества, которые предполагают представление данных о качестве работы организации по таким критериям, как, например, удовлетворенность персонала:

– участием в управлении организацией: доступность информации, наличие полномочий, участие в принятии управленческих решений, удовлетворенность переменами и их внедрение;

– развитием потенциала работников: продвижение по службе, возможность учиться и совершенствоваться, подготовка и обучение, постановка и достижение целевых показателей;

– психологическим климатом в коллективе: отношение со стороны руководства, отношения в коллективе, рабочая обстановка;

– решением социальных вопросов: равные возможности, условия найма, удобства и услуги, охрана здоровья, безопасность труда, гарантии занятости, оплата труда и льготы;

– общим имиджем организации: удовлетворенность деятельностью руководства организации, ценностями, миссией, видением, политикой и стратегией организации, в том числе в отношении окружающей среды, а также удовлетворенность ролью организации в жизни общества (http/www.vniis.ru).

Отметим, что эти данные — это самооценка организации, которую последняя предоставляет конкурсной комиссии. При этом удовлетворенность персонала может измеряться не только субъективными характеристиками, но и объективными, такими, как текучесть персонала, факты нарушения трудовой дисциплины, наличие понятной системы вознаграждения, нормативных и регламентирующих документов и др., т.е. прозрачными условиями работы.

Следующим важным аспектом в исследовании качества является роль руководства. Действительно, от лидирующей роли руководства во многом зависит развитие самой организации. Руководители обеспечивают единство цели и направления деятельности организации. Им следует создавать и поддерживать внутреннюю среду, в которой работники могут быть полностью вовлечены в решение задач организации. В управлении качеством важность роли руководства регламентируется не только личными достижениями, но и активной работой с партнерами, клиентами и персоналом. Это еще раз подчеркивает важность получения и интерпретации исследовательской информации.

Важнейший блок исследования качества управления — это оценка влияния компании на общество, который включает оценку влияния на местную и международную экономику (налоги, организация рабочих мест, социальный пакет сотрудников), социальную ответственность бизнеса, экологическое поведение (включая ресурсосбережение и утилизацию вредных отходов, например электроламп), участие в благоустройстве территории, пенсионные программы и т.п.

Тратить средства нужно разумно, поэтому необходимо изучение потребностей персонала и общества. Сегодня актуальны исследования имиджа и репутации компании, причем востребованность

этих исследований была максимально высока в России в период экономического кризиса. Исследование имиджа и репутации немыслимо без исследования отношения потребителей к компании и складывается из оценки товара (услуги), который(ая) производится, образа, формируемого СМИ, характеристик, задаваемых в блогах и на форумах, оценки удовлетворенности персонала, взаимоотношений с поставщиками и партнерами, наличия внешних и внутренних программ социальной ответственности, экспертной оценки местного сообщества и т.п. Таким образом, без системы исследований не обойтись.

Рассмотрим потенциал системы прикладных интегрированных исследований на примере самооценки организаций на соответствие критериям модели Премии Правительства Российской Федерации в области качества[10]. Именно эта модель наилучшим образом отражает систему исследования качества управления организацией любого уровня и формы собственности. Присуждение премий за качество является важной составляющей повышения качества работы. Существуют также другие мировые системы признания качества, как приз Деминга (Япония), национальная награда за качество Малькольма Болдриджа (Malcolm Baldridge award, США) и Европейская награда за качество (European quality award). Они играют ключевую роль в движении за качество на основных рынках, а весомость критерия отражает национальные интересы в области качества. Премия Правительства РФ в области качества присуждается с 1997 г. и полностью гармонизирована с европейской наградой.

Организации — участники конкурса (European quality award и Премии Правительства Российской Федерации в области качества) оцениваются в баллах по модели, включающей в себя две группы критериев: первая группа характеризует то, как организация добивается результатов в области качества, — “возможности”, а вторая группа критериев характеризует то, что достигнуто, — “результаты”.

Критерии возможностей включают пять позиций, которые в свою очередь содержат от четырех до пяти подкритериев (по EFQM).

Первый критерий оценивает лидирующую роль руководства: как руководители организации всех уровней определяют предназначение организации, вырабатывают стратегию развития и способствуют ее реализации; как они формируют ценности, необходимые для достижения долгосрочного успеха, и внедряют их с помощью соответствующих мероприятий и личного примера; насколько они вовлечены в деятельность, обеспечивающую развитие и внедрение системы менеджмента организации. Этот критерий

[10] См.: *Галлеев В.И.* Модель EFQM 2013 г. — обновленные указатели путей к совершенству // Стандарты и качество. 2013. № 2.

подразумевает исследования, связанные с ролью руководства: с взаимодействием с заинтересованными сторонами, личными поощрениями лучших сотрудников, собственным обучением и др. Этот критерий один из важнейших для оценки работы качества организации.

Второй критерий, “Политика и стратегия организации в области качества”, отражает возможности организации по реализации своего предназначения и стратегии развития посредством ориентации на потребности заинтересованных сторон, разработку политики, планов, целей и процессов. В этом критерии предоставляются результаты исследований, связанных с изучением всех заинтересованных сторон, возможностей организации по их удовлетворению, данные о конкурентной среде и др.

Третий критерий описывает возможности, связанные с управлением персоналом. В его рамках представляются данные о развитии и использовании знаний и потенциала персонала, о существующей системе мотивации, социальных программах, об обеспечении найма, адаптации, аттестации персонала, о создании условий для формального и неформального общения и др. Важны также данные о ситуации на рынке труда и ее прогнозирование, оценка ситуаций в других компаниях и др. Такие данные основываются на изучении потребностей и удовлетворенности сотрудников организации. Подробно содержание этого раздела было рассмотрено выше.

Четвертый критерий, “Партнерство и ресурсы”, отражает информацию, связанную с взаимодействием с заинтересованными сторонами, в том числе с использованием общих знаний для генерирования идей и инноваций, сбором и хранением информации (включая соблюдение авторских прав), формированием финансовых, инфраструктурных, интеллектуальных и других видов ресурсов, а также с экологическим поведением. Раскрыть этот критерий без исследований интересов партнеров и других заинтересованных сторон практически невозможно.

Пятый критерий, “Процессы, продукция и услуги”, отражает информацию о том, как организация проектирует процессы, осуществляет их менеджмент и совершенствует их в целях претворения в жизнь политики и стратегии, а также полного удовлетворения потребностей и создания ценностей для своих потребителей и других заинтересованных сторон. В этот критерий входит информация обо всей маркетинговой работе организации, включая каналы продвижения товара (услуги), послепродажного обслуживания, информирования потребителей о характеристиках товара (услуги) и т.п.

Каждый подкритерий в свою очередь содержит оценку по совершенству подхода, т.е. оценивается его обоснованность и интегрированность, полнота (насколько он внедрен и системен), также подход подвергается оценке и пересмотру, т.е. измеряется его эф-

фективность и изучаются лучшие практики и возможности для его улучшения и собственно реализации этих улучшений.

Критерий “Результаты” включает в себя: удовлетворенность потребителей качеством продукции и услуг, удовлетворенность персонала организации, влияние организации на общество, результаты работы организации. В качестве подкритериев оценивается деятельность организаций по достижению указанной удовлетворенности.

Для оценки критерия “Результаты” используется шкала, фиксирующая достижения, а именно тенденции, сравнение с целевыми показателями, сравнение со “статистически средними” организациями в соответствующей отрасли или регионе, а также обоснование причин, приведших к таким результатам. В данном случае нельзя обойтись без оценки полноты подхода. Модельная оценка (самооценка) позволяет оценить систему управления во всем ее многообразии.

Таким образом, исследования качества включают в себя исследования, связанные с лидерством в организации; определение существующих и будущих потребностей и ожиданий заинтересованных сторон для разработки политики и стратегии; использование информации, полученной в результате измерений, исследований, познавательной и творческой деятельности, для разработки политики и стратегии; исследование возможностей в сфере управления персоналом и удовлетворенности персонала, ресурсов; маркетинговые исследования, включающие в себя изучение удовлетворенности клиентов организации, поставщиков, партнеров и т.п. Важно и такое направление, как влияние организации на общество, включая реализацию социальных программ, развитие социальной ответственности, построение имиджа и репутации компании, использование лучшего опыта и т.д. Итак, мы получили перечень всех тех направлений, которые и составляют систему исследований.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть значение качества исследований и исследования качества как наиболее перспективных направлений развития прикладной социологии, а также развития и самосовершенствования специалистов в области прикладной социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М., 2008. (*Batygin G.S.* Lekcii po metodologii sociologicheskih issledovanij: Uchebnik dlja studentov gumanitarnyh vuzov i aspirantov. M., 2008.)

Галлеев В.И. Модель EFQM 2013 г. — обновленные указатели путей к совершенству // Стандарты и качество. 2013. № 2. (*Galleev V.I.* Model’ EFQM 2013 g. — obnovlennye ukazateli putej k sovershenstvu // Standarty i kachestvo. 2013. N 2.)

Гудков Л.В. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314–339. (*Gudkov L.V.* O polozhenii social'nyh nauk v Rossii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. N 77. S. 314–339.)

Гудков Л.В. Наша нынешняя социология — это компьютер на телеге (интервью Л. Борусяк с Л. Гудковым [online], 2008). URL: http://www.polit.ru/analytics/2008/11/13/gudkov.html (дата обращения: 18.11.2008). (*Gudkov L.V.* Nasha nyneshnjaja sociologija — jeto komp'juter na telege (interv'ju L. Borusjak s L. Gudkovym [online], 2008). URL: http://www.polit.ru/analytics/2008/11/13/gudkov.html (data obrashchenija: 18.11.2008).)

Куренной В. Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. (*Kurennoj V.* Mysljashchaja Rossija. Kartografija sovremennyh intellektual'nyh napravlenij. M., 2006.)

Модель и критерии Премии Правительства РФ по качеству. URL: http://www.vniis.ru/qualityaward (Model' i kriterii premii Pravitel'stva RF po kachestvu. URL: http://www.vniis.ru/qualityaward)

Осипов Г.В. Социология и политика. М., 2009. (*Osipov G.V.* Sociologija i politika. M., 2009.)

Премия Правительства Российской Федерации в области качества. Руководство для организаций — участников конкурса 2012. М., 2012. (Premija Pravitel'stva Rossijskoj Federacii v oblasti kachestva. Rukovodstvo dlja organizacij — uchastnikov konkursa 2012. M., 2012.)

Рейтинг исследовательских компаний. URL: http://www.789.ru/projects/rik.html (Rejting issledovatel'skih kompanij. URL: http://www.789.ru/projects/rik.html)

Селиверстов С.Э. Методы и принципы конструктивной пропаганды, эффективно "конструирующей" проблемное поведение // Наркология. 2007. № 2. URL: http://www.narkotiki.ru/datadepot/narkology01/2007_02_12.pdf (*Seliverstov S.Je.* Metody i principy konstruktivnoj propagandy, jeffektivno "konstruirujushchej" problemnoe povedenie // Narkologija. 2007. N 2. URL: http://www.narkotiki.ru/datadepot/narkology01/2007_02_12.pdf)

Судас Л.Г., Оносов А.А. Социологический мониторинг: от методологии к функциональному комплексу. Опыт развертывания национальной системы мониторинга качества метеорологического обслуживания. М., 2012. (*Sudas L.G., Onosov A.A.* Sociologicheskij monitoring: ot metodologii k funkcional'nomu kompleksu. Opyt razvertyvanija nacional'noj sistemy monitoringa kachestva meteorologicheskogo obsluzhivanija. M., 2012.)

Судас Л.Г., Юрасова М.В. Маркетинговые исследования в социальной сфере. М., 2004. (*Sudas L.G., Jurasova M.V.* Marketingovye issledovanija v social'noj sfere. M., 2004.)

Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации / Отв. ред. Л.А. Козлова; Ред.-сост. Н.Я. Мазлумянова, И.А. Шмерлина. М., 2010. (Teorija i metodologija v praktikah rossijskih sociologov: postsovetskie transformacii / Otv. red. L.A. Kozlova; Red.-sost. N.Ja. Mazlumjanova, I.A. Shmerlina. M., 2010.)

Е.Г. Ксенофонтова, канд. психол. наук, доц. кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Н.Ю. Пехова, выпускница аспирантуры кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, консультант финансово-экономического управления Администрации городского округа Звенигород**

СОЦИОЛОГИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ И МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ОБЛАСТИ НАУЧНОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

В статье анализируется история употребления термина "компетентность" и родственных ему терминов в социологии, лингвистике, педагогике и практике управления персоналом, что позволяет обозначить область "социологии компетентности". Рассматриваются дискуссионные моменты трактовки специалистами разных стран терминов из смысловой сферы "компетенция/компетентность". На этом основании предлагается универсальная модель компетенций, которая дает разнородным специалистам возможность выработки "общего языка" при обсуждении актуальных для современной общественной практики проблем оценки и развития компетентности.

Ключевые слова: *компетентность, компетенции, компетентности, социология компетентности, модель компетенций, оценка и развитие в управлении персоналом, требования должности, эффективность профессиональной деятельности.*

The article examines the history of the use of the term "competence" and related terms in sociology, linguistics, pedagogy and practice of human resource management to identify the area of "sociology of competence". Discussion points of the terms interpretations of the semantic sphere of "competence/competency" are considered by experts from different countries. On this basis, we propose a Universal competence-model that enables diverse professionals to work out a "common language" to contemporary social practices for discussing the relevant issues of competence assessment and development.

Key words: *competency, competences, competencies, sociology of competency, competence-model, assessment and development in HRM, job descriptions, efficiency of professional activity.*

В социальной практике *управления деятельностью организаций* и национальной экономики в целом все чаще сталкиваются с проблемой достаточности компетентности членов организации для

* **Ксенофонтова Елена Геннадьевна,** e-mail: eksen@mail.ru

** **Пехова Наталья Юрьевна,** e-mail: nataliapekhova@gmail.com

эффективного осуществления работ во все усложняющейся среде и принципиально новой эпохе [N-H[1]]. В практике *управления образованием* решают сразу две проблемы: как обеспечить организации компетентными сотрудниками, т.е. готовыми эффективно решать организационные задачи, с одной стороны [R], и как обеспечить молодых людей, получающих образование, достаточными компетенциями, чтобы они могли быть конкурентоспособными не только на сегодняшнем, но и на завтрашнем рынке труда [S, K, A]. Это одна из проблем XXI в., предпосылки решения которой можно найти многими годами и даже веками ранее.

Слова смысловой сферы "компетентность" — "competere", "competens", "competentis", "competentia", — судя по латинскому словарю, происходят от "competo" и означают, в частности, "добиваться, стремиться", "быть годным, способным", *"соответствовать"* [E][2]. Присутствуют эти слова и в первом ("Зеленом"), и следующем словаре "общеамериканского" английского языка, составленном Н. Вебстером в начале XIX в. Современные американские словари объясняют эту группу слов следующим образом: и как наличие или степень способности "*адекватно* реагировать" на обстоятельства или "*нормально* функционировать" [N, S], и как характеристику *высокой* квалифицированности [H], и просто как синоним способностей [S]. При этом аналогично практике современного русского языка речь может идти как о том, что человек *умеет* делать [S] (вполне компетентен, но не имеет соответствующих прав, т.е. полномочий), так и о том, что он *обязан* делать [L] (границы должностных полномочий могут быть заполнены недостаточно компетентными, с чьей-то точки зрения, людьми).

Однако общественная практика употребления слов — это одно, а научное осмысление и этой практики, и тех или иных слов — совершенно другое.

Как это обычно происходит, корни того или иного понятия выявляются методом многоуровневых ссылок или "цитирования цитирующих". Так, опираясь на публикацию И.А. Зимней[3], многие российские авторы, использующие термин "компетенция/компетентность", уверенно утверждают, что понятие "компетенция" было предложено только в 1965 г. Н. Хомским, причем применительно

---

[1] Здесь и далее все утверждения статьи соотносятся с соответствующим элементом Модели, представленной на рисунке в конце статьи.

[2] Большой латинско-русский словарь. URL: http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=C. Интересен в этой связи смысл родственного слова "competition" — "соревнование", но соревнование, скорее, не с противником, а с "нормативом", "планкой", требованием, которому следует соответствовать.

[3] См.: *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал "Эйдос". URL: http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm

к теории языка и трансформационной грамматике. Н. Хомский подчеркивал фундаментальное различие между *знанием* и *пониманием* языка [K] (собственно “компетенцией”) и *использованием* языка в конкретных ситуациях [E]. При этом сам Н. Хомский опирался в своих выводах на *противопоставление языка и речи*, существенное для концепции Ф. де Соссюра (после 1878 г.), который в свою очередь опирался на работы В. фон Гумбольдта (после 1801 г.), говорившего о *скрытой компетенции* и характеризующем ее “порождающем потенциале” [I]. И.А. Зимняя обращает внимание в этой связи на то, что реализация скрытого потенциала компетенции невозможна без навыков и опыта человека [S].

С точки зрения хронологии интересно, однако, что И.А. Зимняя в той же, цитируемой многими “статье про 1965 год”, отмечает, что понятие “компетенция” употреблялось в 1959 г. Р. Уайтом, показавшим *значение мотивации* в реализации имеющегося у личности *потенциала* [M, I]. В то же время на бытовом уровне наблюдалось широкое употребление этого понятия, что подтверждается включением его в изданный в 1952 г. в СССР “Краткий словарь иностранных слов”» [L, R, E].

Г. Спенсер, во многих аспектах повлиявший на последующих социологов, продемонстрировал, на наш взгляд, интересные подходы и к объяснению интересующей нас компетентности. Не употребляя этого термина, он еще в XIX в. показывал, что эволюция, проявляющаяся в процессе *адаптации к внешним обстоятельствам*, приводит не к унификации (говоря современным языком), а к дифференциации, способной обеспечивать равновесие приспособляющегося и среды. Однако в случае неудержания равновесия возможны регрессивная эволюция и распад. При этом можно представить себе предельно идеального человека, процесс адаптации которого дошел до такой ступени, при которой осуществилось соответствие между всеми способностями его природы и всеми требованиями его жизни в обществе [A, R, E]. Более того, как писал в энциклопедии Брокгауза и Эфрона Н.И. Кареев, Г. Спенсер “делает попытку примирить сторонников этики счастья (например, Милля) и этики долга (например, Канта). Он указывает, что настойчивое выполнение долга, отказ от личных выгод ради счастья других, сами делаются источником наслаждения”[4]. Фактически здесь можно видеть как *механизмы адаптации* имеющихся у человека *способностей к должному* (социально требуемому), так и *ценностно-мотивационное наполнение данного процесса* [A, R, M]. И то

[4] *Кареев Н.* Спенсер, Герберт // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ.Спенсер,_Герберт (дата обращения: 09.09.13).

и другое является предметом оживленных дискуссий исследователей компетентности уже в XXI в.

Э. Дюркгейм в 1893 г. писал, что “в результате осуществления действий, индивид приобретает *знания, умения* и *навыки,* через которые реализует свои *социальные потребности*. А социальные потребности, в свою очередь соответствующие функциональному разделению труда, обращены к *социальной деятельности* людей, которая помогает им, с одной стороны, совершенствовать свои знания и навыки, а с другой — постоянно улучшать свою социальную деятельность в социуме”[5]. Диалектика развития компетенций и требований деятельности, с одной стороны [A, R], так же как и соотношение знаний, умений, навыков и потребностей, с другой стороны [A, K, M], еще недостаточно проработаны и в настоящее время, тогда как идеи Э. Дюркгейма и критический анализ их историками социологии демонстрируют проникновение в проблематику компетентности значительно глубже.

Вкладом М. Вебера в тематику компетентности можно считать его интерес к поведению человека. Помимо осмысленности действий со стороны индивида и его ориентации на ожидание реакции со стороны других [E, A, R], особенно информативным представляется описание М. Вебером целе- и ценностно- рациональных типов социального действия [R, M, A]. Тем более что ключевым аспектом, по М. Веберу, в созданной им “понимающей социологии” является именно изучение *ценностей, убеждений* и *мнений,* лежащих в основании человеческого поведения и *приводящих его к результату* [I-V, M-E][6]. И хотя в протестантской этике результат процесса труда измеряется не совсем так, как оценивают результаты труда современные работодатели, компетентность в достижении любого из этих результатов проявляется в проанализированном М. Вебером процессе социального действия (начало XX в.).

В книге П. Сорокина 1927 г., изданной на английском языке уже после его эмиграции, встречается не просто проблематика, но и сам термин “компетентность”. В рамках теории “социальной мобильности” П. Сорокин показывал, что освоение нового статуса *приводит* к овладению или *расширению* индивидом своей *компетентности* [L, R, A], так же как и возможность перемещения из одного социального слоя в другой служит *мотивом* для *повышения* своей *компетентности* [L, R, M]. При этом общество, по П. Соро-

---

[5] *Дюргейм Э.* О разделении общественного труда // Тексты по истории социологии XIX–XX веков: Хрестоматия / В.И. Добреньков, Л.П. Беленкова. М., 1994. С. 284–292.

[6] См.: *Волков Ю.Г., Добреньков В.И.* и др. Социология. М., 2003. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/volkov/01.php

кину, должно стремиться к такому состоянию, при котором бы человек стремился быть компетентным [L, R, A].

Т. Парсонс и Р. Мертон (в 1937 и 1949 гг. соответственно) в рамках структурно-функционального анализа показали, что компетентность формируется не только в процессе обучения, но и под воздействием признанных в данном обществе ценностей [S, R, A]. Т. Парсонс впоследствии, говоря о профессионализме, связывал его с *иерархией компетенций, распределенных между членами общества* [L]. А Р. Мертон показал стадию развития бюрократии, которая проявляется в *"отказе бюрократа от компетенции"*, поскольку утрачивается связь в восприятии между средствами достижения результата и самим результатом, ценность которого полностью теряется [R-L, E-A].

Возвращаясь к взглядам Н. Хомского, приведем здесь цитату из "Аспектов теории синтаксиса", изданных им в 1965 г.[7] В первом же параграфе этой работы он подчеркивает разграничение понятия *"компетентность"* (competence), означающего *знание* говорящими-слушающими своего *языка*, и понятия *"выполнение"* (performance[8]), означающего актуальное *использование языка* в конкретной ситуации [K, A-E, S]. Поскольку до недавнего времени в русском языке практически не использовалось слово "перформанс", то принято было переводить этот термин, выбранный Н. Хомским, как *"употребление"* (в данном случае языка в речи). Также Н. Хомский говорит о внутренней компетентности (intrinsic competence) и, упоминая Гумбольдта, о скрытой компетентности (underlying competence) и "порождающих грамматиках" как теориях *лингвистической компетентности* [I, S]. Впоследствии социолингвисты, понимая, что Н. Хомский имеет в виду под компетенцией именно знание или понимание языка, а под перформансом реализацию этого знания в речевой практике человека, критиковали его за чрезмерный "грамматизм" и для выхода за пределы "чистой лингвистики" ввели термин *"коммуникативная компетенция"* [S]. Так, Д. Хаймс в 1972 г. подчеркивал важность не только понимания человеком грамматики и сути самого языка, но и особенностей проявления в коммуникативном поведении (речи) тех или иных собственно языковых элементов [K, S, A][9].

---

[7] http://www.georgetown.edu/faculty/irvinem/theory/Chomsky-Aspects-excerpt.pdf. P. 4.

[8] Адекватного и единого перевода термина "performance" на русский язык до сих пор найти не удалось, поэтому в практике менеджмента, PR и в сфере культуры все чаще используется простая калька с английского — "перформанс".

[9] *Hymes D.* On communicative competence // Sociolinguistics / Ed. by J.B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, 1972. P. 269–293. URL: http://www.homes.uni-bielefeld.de/sgramley/Hymes-2.pdf. P. 283.

“Языковой компетенции”, под которой подразумевается способность понимать и свободно применять речевые конструкции, во второй половине XX в. было посвящено достаточно много работ как зарубежных, так и отечественных филологов: Д. Слобина и Дж. Грина (1976), Я. ван Эка (1986), С. Муарана (1990), М.Н. Вятютнева (1975), Г.В. Колшанского (1985), А.Л. Бердичевского (1989) и др. [S-F, K, A, E].

В то же время “*коммуникативную компетенцию*” и зарубежные, и отечественные филологи-лингводидакты 1960–1970-х гг. стали трактовать преимущественно уже как развитие способности использовать иностранный язык, выделяя в ней множество совершенно различных компонентов, сведенных в статье Е.В. Шумана к основным частным компетенциям — лингвистической, социолингвистической, социокультурной, социальной, дискурсивной, стратегической” [F, P, S; K, S]. Однако еще в 1933–1935 гг. в русле символического интеракционизма рассмотрение Дж. Мидом и Г. Блумером взаимодействия как обмена символами (безотносительно к тому, употребляется ли в данном случае родной или иностранный язык) показало, что люди пытаются интерпретировать намерения партнеров по общению с целью последующего выстраивания собственного поведения в соответствующем контексте [S, A]. Символический интеракционизм делает акцент на деталях межличностного взаимодействия и на том, каким образом эти детали сообщают смысл тому, что было сказано или сделано другими. Впоследствии при описании коммуникативной компетентности многие исследователи использовали эти идеи [S].

Также большое внимание коммуникативной компетентности уделяется и в этнометодологии, как в 1967 г. предложил называть новый подход в социологии Г. Гарфинкель. Цитируя Т. Парсонса, А. Шюца, работая вместе с Э. Биттером (показавшим в своей работе 1961 г. связь компетентности со знанием социальных структур на уровне здравого смысла) [S, N, A], Г. Гарфинкель экспериментально изучает обыденные правила поведения. Таким образом, исследователи выявляют методы социальной компетентности, которые мы, как члены социальных групп, используем в рамках повседневного социального взаимодействия. Г. Гарфинкель использовал термин “компетентность” для обозначения претензий члена коллектива на право управлять своими повседневными делами без постороннего, и именно это он имел в виду, говоря о “добропорядочности” членов коллектива. Вообще, по мнению этнометодологов, социальная действительность есть рациональный результат действий социальных акторов, а *компетентность* в этой связи является *основанием качества и адекватности* осуществляемых акторами *социальных действий* [S, P, A, E].

В 1984 г. в рамках “теории структурации” Э. Гидденс связал компетентность социальных акторов с введенным им понятием “рационализация”. Э. Гидденс пишет, что «рационализация действия во всем многообразии обстоятельств взаимодействия — это принцип, по которому обобщенная “компетентность” акторов оценивается другими»[10]. В другом контексте рационализацией Э. Гидденс называет также умение индивида объяснять самому себе причины и цели своих действий, что в случае не всегда осознаваемой потребности “самооправдания” более соответствует описанному в начале XX в. З. Фрейдом феномену рационализации как одному из механизмов “психологической защиты своего Я”. Тем не менее, видя в рационализации действий «способность индивидов рутинно и без особой суеты поддерживать постоянное “теоретическое понимание” оснований своей деятельности», Э. Гидденс подчеркивает, что “компетентные агенты ожидают от других — и это является *основным критерием компетентности* в повседневном поведении, — что акторы обычно в состоянии объяснить, что они делают, если их спросить об этом”[11] [E, S, A, K].

Однако если обычные *социальные акторы* в 1984 г., как, собственно, и всегда, в большинстве своем были в состоянии объяснить, что они делают, в чем и проявлялась, по Э. Гидденсу, их компетентность, то разнородные *исследователи компетентности* к этому времени уже окончательно запутались в смысловом поле компетенции/компетентности. Надеждой на прояснение признаваемого многими конфуза, кризиса или “замешательства” стала вышедшая в том же 1984 г. монография Дж. Равена (младшего) “Компетентность в современном обществе”. Обобщив имеющиеся в тот момент исследования, он пришел к однозначному выводу и о сложной/комплексной структуре компетентности с взаимодополняющими друг друга компонентами, и о прямой связи компетентности с мотивационной сферой человека [F, P, S; A, K, M][12].

В связи с русским изданием этой книги было написано буквально следующее: «Лавинообразное нарастание “недокомпетентности”, “полукомпетентности” приобретает характер пандемии. На этом фоне все более обостряется потребность в настоящих профессионалах, умеющих не только безупречно работать, но и полноценно жить, ибо одно вряд ли возможно без другого... По мнению автора, дабы эффективно реализовать себя в повседневной жизни, в учебе и труде, люди остро нуждаются в развитии таких

---

[10] *Giddens A.* Elements of the theory of structuration // The Constitution of Society. Cambridge, 1984. P. 4.

[11] Ibid. P. 5.

[12] Позже, уже в 2001 г., вместе с Д.Ж. Стефенсоном Дж. Равен издал книгу “Компетентность в обучающемся обществе”.

качеств, которыми ранее пренебрегали институты социализации, а именно — способности брать на себя ответственность, инициативности, стремления к новому, свободы выбора и умения работать совместно с другими людьми»[13] [N, E].

С тех пор ситуация и в науке, и в социальной практике усугубляется по нарастающей. Политики и практики активно внедряют “компетентностные подходы” в сферах управления и образования, причем не только профессионального, но и начального и дошкольного образования. Теоретики множат классификации компетенций и компетентностей. Представители различных национальных традиций усиливают расхождения в употреблении одних и тех же терминов...

Российские специалисты, прочувствовавшие британскую и американскую специфику употребления терминов “компетентностной” смысловой сферы, как в практике управления компаниями, так и в различных публикациях при переводе одного и того же слова “***competences***” употребляют разные термины — “компетен**ции**”, если исходный текст был написан в США, и “компетен**тности**”, если исходный текст из Великобритании.

Более того, термином “компетенция/компетен**ции**”, чаще употребляемом во множественном числе, переводятся из американских текстов и “competen**cies**” [V; A; F, P, S], и “competen**ces**” [I; K; F, P, S].

Ниже в таблице приведен характерный пример перевода с английского статьи французских аналитиков Ф.Д. ле Дейст и Дж. Винтертона, представленного Я.Ю. Епутаевым.

Пример контекстуально адекватного перевода терминов с английского на русский язык

“Functional and cognitive competen**ces** are increasingly being added to behavioral competen**cies** in the USA, while in the UK cognitive and behavioral competen**ces** are being added *to the occupational functional competence model*”[14].	“Функциональные и когнитивные компетен**ции** все чаще добавляются к поведенческим компетен**циям** в США, в то время как в Великобритании когнитивные и поведенческие компетент**ности** включаются *в модели профессиональных функциональных компетенций*” [K-A; K, A-F (P, S)][15].
	в (единую, универсальную) профессионально-функциональную модель компетенций / компетентностную модель [F (P, S)][16].

[13] *Степанов С.* Компетентность в современном обществе // Школьный психолог. 2003. № 39.

[14] *Deist F.D., Winterton J.* What is competence? // Human Resource Development International. 2005. March. Vol. 8. N 1. P. 27–46.

[15] *Дейст Ф., Винтертон Дж.* Что такое компетенции? // Российский HR-портал. URL: http://hr-portal.ru/article/chto-takoe-kompetencii

[16] Наш вариант перевода окончания данного предложения.

Интересно, что категория “компетентность” в русском языке относится к группе слов, не употребляющихся во множественном числе: мы не говорим “виды ответственностей” или “количество честностей” и т.д. Когда требуется обозначить список “разновидностей компетентности” для разных сфер деятельности, кто-то начинает говорить о перечне “компетентностей”, кто-то — о перечне “компетенций” [F, P, S].

В лексике Евросоюза в настоящее время используется преимущественно термин “competence” со множественным числом “competences”[15]. И у нас чаще всего переводят его не как компетентности, а как компетенции — “6, 5, 8 и т.д. компетенций Евросоюза”. Однако когда возникает потребность выделить внутри категории “competence” подкатегории, говорят просто о ключевых, базовых, общих, кросскультурных и т.д. “competences”, а иногда употребляют уже термин “competencies” (множественное число от “competency”, которое в классическом переводе должно обозначать понятие более высокого порядка, т.е. “компетентность”). И хотя это звучит “не по-русски”, в значительной части российских компаний, активно внедряющих западный менеджмент, уже называют эти подкатегории “компетентностями” или “группами компетентностей” [F, P, S].

Есть еще одна трудность, вызванная убеждением, идущим из рассмотренной нами истории употребления термина в лингвистике: *компетенции* принято считать *скрытыми* психологическими образованиями. А то, что мы пытаемся *обнаруживать и оценивать*, называют уже “*компетентностями*”. При этом 10 основных групп компетенций (скрытых от внешнего наблюдателя) и проявляющихся в пяти сферах деятельности (актуальных компетентностях), дают матрицу с 50 ячейками, по каждой из которых практики пытаются разработать методики диагностики и развития соответствующего элемента требуемой компетентности. При всем уважении к автору данной модели, внесшему неоценимый вклад в отечественную “компетенциологию” и открывшему для многих англоязычное пространство лингвистических и психологических исследований компетентности, данную матрицу практически невозможно использовать как модель, требующую массового применения.

Поэтому по аналогии с современным подходом Евросоюза мы можем ограничиться при выделении *сфер проявления* компетентности всего тремя: 1) профессионально-должностной или *функциональной* компетентностью (называемой иногда также технической)

[15] Social competence refers to personal, interpersonal and intercultural competence // Сайт, представляющий Законодательные документы, принятые Евросоюзом. URL: http://europa.eu/ legislation_summaries/education_training_youth/lifelong_learning/c11090_en.htm

[F]; 2) *персональной*, индивидуальной (или личностной) компетентностью [P] и 3) *социальной* компетентностью, имеющей в виду не происхождение, а сферу проявления данной компетентности — взаимодействие в социальном окружении [S].

Также, на наш взгляд, всего тремя блоками можно структурировать и *компоненты* компетентности (к чему в последнее время приближаются документы Евросоюза):

1. *Мотивация*. В широком смысле она включает в себя и ценности, и установки, и склонности, и отношения, и готовность к проявлению соответствующего поведения (независимо от наличия или отсутствия соответствующих знаний или умений) [M].

2. *Знания и понимание* (вообще когнитивная/интеллектуальная деятельность) [K]

3. *Умения и действия* — и развивающиеся, и проявляющиеся в любом случае в деятельности человека. Здесь и опыт, и наращивание способов осуществления деятельности (*способ*ностей, независимо от имевшихся изначально задатков либо обученности), проявляющиеся в реальном поведении и исполнении деятельности (в перформансах) [A].

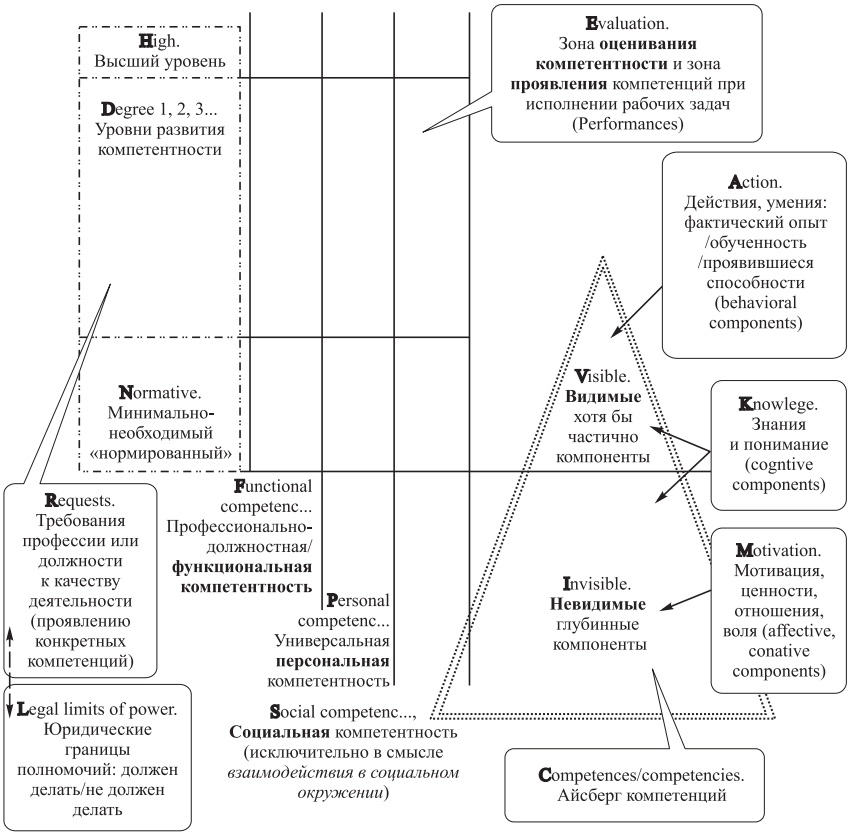
Констатируя факт, что терминами "компетенция"/"компетентность" сегодня можно объяснить практически любое явление, в котором хотя бы частично задействован человек (вся социальная и в большой степени техническая сферы), а сами термины не имеют фиксированного объема понятий, мы предлагаем следующие рабочие определения:

1. *Компетентность* (*competency*) — это фактически *оценка/самооценка* актуального/потенциального *соответствия* разнообразных индивидуально-психологических качеств/свойств личности гласным/негласным требованиям/ожиданиям конкретной сферы человеческой деятельности [C, R, E].

2. *Компетенции/компетентности* (*competence/competencies*) — это *компоненты компетентности*, пока еще различающиеся в разных практических национальных подходах формами проявления и методами оценки. При этом многие признают, что компетенции/компетентности *определяют/являются* причиной качества осуществляемого *поведения/исполнения* или, говоря "современным русским языком", качества *перформанса* [F, P, S; A, K, M].

3. Для лучшей навигации в том терминологическом океане, в котором мы в настоящее время оказались независимо от того, на каком континенте каждый из нас находится и на каком языке предпочитает читать, писать, думать и говорить, мы предлагаем *модель смысловой сферы* "*Компетенция/компетентность*", представленную нами на рисунке.

Модель смысловой сферы “компетенция/компетентность”



Примечание: Слово “competenc...” не дописано для того, чтобы и те, кто использует окончание **-es**, и те, кто использует окончание **-ies**, могли адресовываться к данным компонентам модели.

Подведем итоги. Несмотря на то что слова с корнем “compete” присутствуют в словаре латинского языка и активно используются в современных английском, русском и других языках, единой трактовки используемой группы слов нет даже в среде специалистов одного профиля деятельности (будь то социологи или специалисты по менеджменту). Более того, европейские аналитики отмечают образовавшееся в мире “замешательство”, усугубляющееся, с одной стороны, неуправляемым процессом дифференциации элементов компетентностной сферы, осуществляемым со стороны исследователей, и с другой — интенсивным обращением практиков к терминам данной смысловой группы (“ключевые компетенции Евросоюза”, “компетентностный подход в образовании”, “менеджмент, основанный на компетенциях” и т.д.).

В этой связи в русле фактически имеющегося в социологии, но не обозначенного ранее подраздела “Социология компетентности”, предлагается принять в качестве рабочей максимально упрощенную модель интерпретации смысловой сферы “компетентность/компетенции” и далее работать уже, адресовываясь к ней как пусть условной, но все-таки единой сетке понятий данной смысловой сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков Ю.Г., Добреньков В.И. и др. Социология. М., 2003. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/volkov/01.php (*Volkov Ju.G., Dobren’kov V.I.* i dr. Sociologija. M., 2003. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/volkov/01.php)

Дюргейм Э. О разделении общественного труда // Тексты по истории социологии XIX–XX веков: Хрестоматия / В.И. Добреньков, Л.П. Беленкова. М., 1994. С. 284–292 (*Djurgejm Je.* O razdelenii obshchestvennogo truda // Teksty po istorii sociologii XIX–XX vekov: Hrestomatija / V.I. Dobren’kov, L.P. Belenkova. M., 1994. S. 284–292).

Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования. 2006 // Интернет-журнал “Эйдос”. URL: http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm (дата обращения: 09.09.13). (*Zimnjaja I.A.* Kljuchevye kompetencii — novaja paradigma rezul’tata sovremennogo obrazovanija. 2006 // Internet-zhurnal “Jejdos”. URL: http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm (data obrashchenija: 09.09.13).

Кареев Н. Спенсер, Герберт // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ.Спенсер,_Герберт (дата обращения: 09.09.13). (*Kareev N.* Spenser, Gerbert // Jenciklopedicheskij slovar’ Brokgauza i Efrona. SPb., 1890–1907. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/JeSBE.Spenser,_Gerbert (data obrashchenija: 09.09.13).)

Ксенофонтова Е.Г. Это модное слово: “компетенции” // Управление персоналом. 2006. № 23 (153). С. 47–51. (*Ksenofontova E.G.* Jeto modnoe slovo: “kompetencii” // Upravlenie personalom. 2006. N 23 (153). S. 47–51.)

Латинские слова на букву С // Большой латинско-русский словарь. URL: http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=C (дата обращения: 09.09.13). (Latinskie slova na bukvu C // Bol’shoj latinsko-russkij slovar’. URL: http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=C (data obrashchenija: 09.09.13).)

Пехова Н.Ю. Социология компетентности // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 231–234. (*Pehova N.Ju.* Sociologija kompetentnosti // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. 2011. N 2. S. 231–234.)

Степанов С. Компетентность в современном обществе // Школьный психолог. 2003. № 39. (*Stepanov S.* Kompetentnost’ v sovremennom obshchestve // Shkol’nyj psiholog. 2003. N 39.)

Deist F.D., Winterton J. What is competence? // Human Resource Development International. 2005. March. Vol. 8. N 1. P. 27–46.

Giddens A. Elements of the theory of structuration // The Constitution of Society. Cambridge, 1984.

http://www.georgetown.edu/faculty/irvinem/theory/Chomsky-Aspects-excerpt.pdf. P. 4 (дата обращения: 09.09.13).

Hymes D. On communicative competence // Sociolinguistics / Ed. by J.B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, 1972. P. 269–293. URL: http://wwwhomes.uni-bielefeld.de/sgramley/Hymes-2.pdf (дата обращения: 09.09.13).

Social competence refers to personal, interpersonal and intercultural competence // Сайт, представляющий Законодательные документы, принятые Евросоюзом. URL: http://europa.eu/ legislation_summaries/education_training_youth/lifelong_learning/c11090_en.htm

Weber M. The Protestant ethic and the spirit of capitalism. L., 1977.

РЕЦЕНЗИИ

Г.Л. Мирошниченко, канд. филос. наук, доц. кафедры истории и теории социологии МГУ имени М.В. Ломоносова*

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

Статья посвящена критическому анализу современной концепции креативности, представленной в работе Ю. Волкова "Креативность: творчество против имитации".

Ключевые слова: *креативность, творчество, креативная личность, имитация, креативный класс, креативное общество.*

The article is devoted to the critical analysis of modern concepts of creativity, presented in the work of Yu. Volkov "Креативность: creativity against imitation".

Key words: *креативность, creativity, creative person, imitation, creative class, creative community.*

Креативность сегодня вошла в моду, все вокруг "креативят". Кавычки не случайны: под словом "креативность" часто скрывается лишь симуляция креативной деятельности. Хотя данный термин уже вошел в социологический дискурс, содержание его до сих пор трактуется неоднозначно, что демонстрирует монография Ю.Г. Волкова "Креативность: творчество против имитации"[1]. Надо признать, что в отечественной литературе это первая и во многом новаторская попытка рассмотреть разные ракурсы и проблемы, связанные с этим концептом.

Причину обращения к этой теме автор связывает с наметившимся поворотом общественного сознания к поиску общенационального согласия, достижения справедливости, стабильности. Ю. Волков задается вопросом о субъекте, который мог бы стать мотором преобразований на пути реализации отмеченных социетальных качеств. Он убежден, что в России сформировался такой социальный слой, ориентированный на общественный альтруизм и реализацию общественного блага (с. 5). Именно этот социальный слой автор называет креативным классом, основное предназначение которого он видит в консолидации общества. Какие же признаки этого класса позволяют ему стать такой консолидирующей силой? Эти признаки оформляются через "стремление к поиску интересной работы, профессионализму, творческой самореализации" (с. 6). На

* **Мирошниченко Галина Леонидовна,** e-mail: galami7@mail.ru

[1] См.: *Волков Ю.Г.* Креативность: творчество против имитации. М.: Альфа-М, 2013.

первый взгляд эти, безусловно, похвальные качества слабо, мягко говоря, связаны с солидарными действиями во имя общего блага. Ответ на вопрос: “Несет ли однозначно креативность безусловное благо?” — далеко не очевидный. Хрестоматийный пример яркой креативности демонстрирует небезызвестный герой Ильфа и Петрова, из чего следует, что креативность как социальное качество далека от однозначной трактовки. Впрочем, Ю. Волков отдает себе в этом отчет, отмечая на страницах книги аналогичные примеры негативной креативности.

Творческие люди нередко проявляют качества скорее эгоистические, стремясь реализовать свои творческие амбиции, нежели альтруистические. Но из контекста книги становится понятно, что подобные субъекты, хотя и наделенные творческим потенциалом, по-видимому, к креативному классу не относятся. Именно об этом подробно идет речь во второй главе книги, в которой автор предлагает переформулировать, точнее сказать, размежевать понятия творчества и креативности, понимая под первым удел высокой культуры, сосредоточенность на своем “Я”, в то время как под вторым — способность к массовым социальным практикам, направленным на удовлетворение запросов общества (с. 68). Автор осуществляет обширный исторический экскурс в мир идей относительно творчества, обращаясь к различным эпохам, и приходит к выводу, что для творческой личности характерны проявления известной ограниченности, связанной с узкой специализацией (с. 75), безразличия и безучастности по отношению к обществу. Такая личность не несет в себе “солидаристских интенций”, что снижает статус ее социального влияния (с. 74), поскольку ее социальная позиция воспринимается как периферийная. Более того, творческая личность не вписывается в социальную градацию, в социальную иерархию (с. 80).

Другое дело — личность креативная. Какими же признаками наделяет ее автор? Прежде всего это деловитость, организованность, активность, направленная на решение постоянно возникающих социальных проблем (с. 82). Здесь можно согласиться с автором, что такие качества, как ответственность, организованность и т.п., вне сомнения, остро востребованы сегодняшним российским обществом. Однако вновь зададимся вопросом: “Стоит ли эти качества возводить в ранг креативных?” Впрочем, автор и сам отмечает парадоксальность этого утверждения (с. 82).

Подробно анализируя кризис традиционной модели творческой личности, Ю. Волков отмечает исчезновение моральных регуляторов, нравственного долга перед обществом у творческой личности, что превращает ее в социального аутсайдера. Авторы постмодерна связывают это явление с массовизацией общества, основные устрем-

ления представителей которого направлены на потребление. Однако существует и другая, гуманистическая трактовка творческой личности, которая отмечена у таких авторов, как Р. Инглехарт, А. Этциони, Ф. Фукуяма и др. Последние связывают ее с ориентацией на постматериалистические ценности, с переходом от индивидуалистической к коммунитарной системе социальных ценностей, возрождением нравственности на основе социально-рефлексивного знания (с. 86–87). Ю. Волков всецело присоединяется к изложенному пониманию, полагая, что потенциал творческой (креативной?) личности может реализоваться лишь в контексте согласования с общественными интересами и создания отношений социального соучастия и доверия.

В третьей главе работы автор обращается к анализу перспектив креативной личности в российском социокультурном пространстве и вновь задается вопросом о правомерности определения креативной личности как субъекта массовых социальных практик в российском обществе. Он отмечает неукорененность категоризации креативности в российской культурной традиции, связывая ее с литературоцентристской особенностью отечественной культуры. Отсюда творчество привычно воспринималось как удел исключительно интеллигенции. Но может ли быть иначе? Автор уверен, что не только может, но и должно быть иначе. Для этого нужно переформатировать само понятие творчества, в известной мере снизив градус некой “идеальности” в интерпретации этого феномена, предлагая не ограничиваться его пониманием как достижения трансцендентных целей. Креативность и обыденность, пишет автор, не столь уж несовместимы (с. 101). Ю. Волков видит в креативной личности реальную альтернативу личности потребительской и личности архаичной. Такая личность “предполагает избавление от скептицизма, отщепенства, излишнего критиканства и самолюбования” (с. 99). И в который раз не покидает сомнение: достаточны ли означенные качества в роли маркеров креативной личности? Если даже допустить в известном смысле их необходимость, то стоит также отметить и их явную недостаточность.

Как бы ни определяли российскую креативную личность, а реалии нынешние таковы, что она, по справедливому мнению автора, оказывается в заведомо проигрышном положении, и этот проигрыш детерминирован системой социальных и моральных ценностей. Для креативной личности открываются только два пути: «...либо пребывать на периферии социальной жизни, поддерживая иллюзию творческой свободы, либо присоединиться к “победителям”, действовать по логике включения, пытаться выразить свой креативный потенциал через интересы доминирующих групп» (с. 108). Что же касается ценностей, то в российском обществе се-

годня реальное творчество не соотносится с понятием успеха и не совпадает с установками на жизненные приоритеты, и в этом утверждении автор абсолютно прав.

Коль скоро творческая личность пребывает на периферии социальной жизни, кто же находится в мейнстриме социального пространства? Это личность имитационная, блестящий анализ которой, бесспорно, украшает анализируемую работу. Сегодня такая личность приобрела характер модальности, и этому способствуют масса обстоятельств объективного характера и те сдвиги, которые характеризуют поведенческие и мыслительные практики. Имитационная личность "вырастает" в обществе, в котором нарушены принципы социальной справедливости, соответствия оценки полезности и значимости индивида его реальному вкладу. Это провоцирует уход от реальности в симулятивную деятельность. Рождение имитационности автор оценивает как своеобразный способ адаптации, выживания в условиях кризисного социума и высокой степени неопределенности. "Имитационность дает ощущение активности без приложения усилий... являясь по существу суррогатом деятельности... предполагает результаты, которые бы удовлетворили социальную самооценку человека без рисков, беспокойства, без необходимости перестроить самого себя" (с. 112). Для такой личности существует один критерий — быть успешной или хотя бы создавать видимость, казаться таковой для других. Хочется в подтверждение привести собственное характерное наблюдение, иллюстрирующее последнюю мысль. Сегодня на вопрос: "Как поживаете?" — чаще всего слышишь в ответ: "Лучше всех!" — а так ли это на самом деле, — оказывается, совсем не важно. При этом для оценки успеха личности не используются ни критерии профессионализма, ни критерии компетентности и гражданской зрелости. Удачно подмечена автором и заразительность имитации. Наконец, главный вопрос, который волнует автора: может ли имитационная личность переродиться, преобразиться в личность креативную? Он допускает такую возможность, но при определенных обстоятельствах, при условии реальной социокультурной модернизации, перехода к обществу знания. Какие же качества имитационной личности могут сыграть роль стартового пуска? Возможно, этому могут способствовать гибкость, пластичность, присущие этому типу личности. Определенную надежду внушает и то, что, как показывают социологические опросы, российские граждане независимо от возрастной и социально-профессиональной принадлежности демонстрируют запрос на качественное образование, перспективную и престижную работу. Это, считает автор, может запустить процесс преодоления имитационности и поворот в сторону востребованности качеств, основанных на реальных социально-

профессиональных и образовательных достижениях, а не на симулятивности и использовании нелегитимных способов достижения личного успеха.

Четвертая и пятая главы работы, в которых рассматривается креативный класс и его концептуализация в российском обществе и социальной структуре, вызвали много вопросов. Автор полагает, что стратификационный подход нерелевантен в поисках креативного класса, у этого класса нет оснований в социальной структуре российского общества по признакам материальной обеспеченности, социально-профессиональному положению, самоидентификации (с. 161). По каким же признакам предлагается его вычленять? Это должны быть достаточно строгие и одновременно гибкие и подвижные критерии (с. 135–136). В результате долгих поисков по тексту они нашлись на с. 156. Итак, основным признаком креативного класса является творческая самомотивация, и именно она определяет жизненный выбор и оценку жизненных шансов. Вторым признаком выступает связь креативного класса с инновационными сферами экономики и общественной жизни. Третий признак определяется престижем, авторитетом, общественным признанием, наконец, к четвертому признаку относятся профессионализм и социальная инициативность. Позволим себе отметить, что выделенные признаки почти не отличаются от известных показателей, применяемых при выделении социальной группы (класса) в различных социально-стратификационных схемах. Разве что указание на размер доходов отсутствует. Однако этот показатель не всегда включают в свои схемы социологи, пользующиеся стратификационным подходом. Кстати, М. Кастельс, давая характеристику новому классу, который он предпочитает называть “информациональными работниками”, отличительным признаком которых является самопрограммируемый труд с сильной креативной составляющей, отмечает, что “стоит” этот класс очень дорого. Он отмечает уникально высокие доходы этой группы работников, которые им обеспечивает господствующий класс, хотя для “информациональных работников” высокие доходы не являются самоцелью.

Заслуживает рассмотрения и авторская аргументация относительно консолидации российского креативного класса, которая может реализоваться при условии его обращения к гуманистической идеологии. При этом отмечается, что креативность как качество может трактоваться вне идеологических рамок, но при снятии идеологических ограничений социальное творчество может приобрести деструктивные формы. Автору видится реальная перспектива поворота российского креативного класса к гуманистической идеологии, что позволит пресечь, нейтрализовать долговременные негативные тенденции поляризации и дезинтеграции, не дать воз-

можности возникнуть новым социальным неравенствам (с. 167). Как считает автор, позицию социального альтруизма непременно должен принять креативный класс. Бесспорно, пожелание привлекательное. Но есть ли гарантии, что оно станет реальностью? Они, на наш взгляд, весьма призрачны хотя бы по той причине, что идеология интересует творческих людей в последнюю очередь. Их устремления имеют четкий вектор на самореализацию и творческие амбиции. Эти люди очень мобильны, тем более в век глобализации. Если социальная среда не предоставляет им возможности реализовать свои проекты, они перемещаются в более благоприятное для творчества место, что неплохо демонстрирует российский феномен "утечки мозгов". Позволим себе еще раз обратиться к М. Кастельсу, который не соглашается с тем, что именно новый класс возьмет на себя в будущем ответственность за гармонизацию социальных отношений. Напротив, согласно его прогнозу, социальные конфликты не только не исчезнут, но, вероятно, приобретут больший накал и остроту. Впрочем, Ю. Волков не оставляет без внимания этот вывод М. Кастельса о негативных сторонах информационного общества (с. 232), но склоняется к альтернативному сценарию развития общества, которое он называет "креативным" (о чем в рассматриваемой книге будет сказано в шестой главе). Однако хочется обратить внимание на название подраздела пятой главы: "Креативный класс как субъект модернизационных *ожиданий*". Возникает закономерный вопрос: от кого активный креативный класс *ждет* модернизации? Понятно было бы, если бы креативный класс позиционировался как субъект модернизационных *преобразований*. Еще хотелось бы обратить внимание на название другого подраздела упомянутой главы — "Региональные элиты: перспективы перехода к креативному состоянию". В данном случае также возникает вопрос: почему в регионах только элиты (речь идет об управленческих элитах) выступают "субъектами модернизационного процесса" (с. 186)? Можно было бы понять логику автора, если бы получила освещение проблема элиты на федеральном уровне как инициатора, творца модернизации, но о ней в данном контексте не упоминается, поэтому неожиданное смещение акцента рассмотрения креативности на уровень элит выглядит не совсем понятно.

В шестой главе автор предлагает теорию креативного общества как оптимальный вариант развития, полагая, что в креативном обществе устраняются риски социального регресса в противоположность обществу информационному и технотронному, описываемому в трудах многих западных теоретиков. Это новая социальная конструкция, которая не имеет аналогов в прошлом, — так оценивает ее сам автор, замечая при этом, что нельзя исключить определен-

ный риск присутствующего в ней утопизма. Действительно, ощущение утопичности по мере прочтения рецензируемой работы, надо сказать, не только появляется, но и крепнет. Однако если оценивать теорию креативного общества и креативный образ жизни как привлекательный бренд, то здесь нет возражений, но при чем здесь наука? Это все же, скорее, идеология. Как форма общественного идеала она имеет право на существование. Ю. Волков справедливо отмечает, что российскому обществу необходимы новые ориентиры развития, выходящие за границы рыночного (либерального) или коммунистического проекта и предлагает "третий" путь — путь формирования креативного общества (с. 281). Кажется, дело за малым — изменить отношение к креативности, "...убедив население, что это не только интересно, но и является базисным элементом развития личности" (с. 230). Автор и сам прекрасно понимает, как сложно сломить негативизм, усталость, безразличие, недоверие, накопившиеся в общественном настроении и сознании российских граждан за годы реформ. И он аргументированно это показывает в главе седьмой, в которой идет речь о российской модернизации, тем самым автор демонстрирует трезвый взгляд на те процессы, во многом имитационные, которые являются серьезным тормозом на пути выведения страны на новый уровень развития. Ю. Волков обоснованно отмечает неготовность элит к проявлению реальной политической роли и налаживанию диалога с обществом для достижения национального согласия (с. 282).

Несмотря на многочисленные барьеры, которые стоят на пути обновления российского общества, автор верит в гуманистический выбор России. В то же время он задается вопросом: "Имеем ли мы дело с придуманной или реальной ситуацией в виде желаемого, но практически не реализуемого проекта?" (с. 375). Что ж, определенно эти сомнения не лишены основания. Можно и дальше множить сомнения, но надо признать, что работа в целом получилась интересная, она заставляет задуматься над многими проблемами нашего общества и побуждает к поиску адекватных решений. В заключение хотелось бы напомнить обращение Э. Гидденса к социологическому сообществу, в котором он с сожалением говорит об отсутствии в современной социологии утопических проектов, которые придали бы направленность социальным реформам и мотивирующим их идеям. Э. Гидденс полагает, что немножко больше утопического мышления нам не повредит: "Нам нужно больше позитивных идеалов в мире. Но не пустых: скорее это должны быть идеалы, связанные с реально возможными переменами"[2].

---

[2] *Гидденс Э.* К социологическому сообществу! // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков Ю.Г. Креативность: творчество против имитации. М., 2013. (*Volkov Ju.G.* Kreativnost': tvorchestvo protiv imitacii. M., 2013.)

Гидденс Э. К социологическому сообществу! / Социологические исследования. 2007. № 9. (*Giddens Je.* K sociologicheskomu soobshchestvu! / Sociologicheskie issledovanija. 2007. N 9.)

А.В. Лубский, докт. филос. наук, Южный федеральный университет*

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ “НОВЫЕ ИДЕИ В СОЦИОЛОГИИ”**

Статья представляет собой рецензию на монографию “Новые идеи в социологии”, под редакцией Ж.Т. Тощенко.

Ключевые слова: *социология, новые явления и процессы в российском обществе, социологические исследования.*

The article is a review of the book entitled “New Ideas in Sociology”, edited by J.T. Toshchenko.

Key words: *sociology, new phenomena and processes in the Russian society, sociological research.*

Монография, в которую вошли доклады, прозвучавшие на семинарах Научного совета “Новые явления в общественном сознании и социальной практике”, а также статьи, опубликованные в журнале “Социологические исследования” в 2010–2012 гг., состоит из двух разделов: в первом рассматриваются состояние и тенденции развития российской социология; во втором представлены результаты социологического изучения новых явлений и процессов в российском обществе.

Состояние социологии в России на рубеже веков можно охарактеризовать метафорой “fin de siècle”, означающей конец одной и начало другой эпохи: крах многообещающих начинаний, но и сохранение надежды на интеллектуальные прорывы[1]. При этом эксперты отмечают, что “сегодняшнее состояние российской теоретической социологии вызывает много вопросов у социологов, занимающихся этой проблематикой. Чаще всего высказываются весьма критические точки зрения об отсутствии универсальных теоретических средств для эффективного исследования современного российского общества, социологического языка, на котором российские социологи могли бы вступать в профессиональную коммуникацию, о некритическом использовании теорий, заимствуемых у западной социологии”[2]. В связи с этим одни исследователи

* **Лубский Анатолий Владимирович**, e-mail: soc@ippk.sfedu.ru

** Новые идеи в социологии: Монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.

[1] См.: *Лубский А.В.* Российская социология на рубеже веков: состояние и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 59–75.

[2] *Козлова Л.А.* Теоретико-методологическая ситуация в российской социологии: мнения экспертов // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации. М., 2010. С. 97.

обращают внимание на крайне низкий теоретический уровень работ российских ученых[3], а другие утверждают, что в сегодняшней России вообще нет теоретической социологии[4]. Один из авторов монографии, А.В. Тихонов, размышляя о перспективах развития отечественной социологии, назвал ее нынешнее состояние "преднаукой"[5].

Рассматривая тенденции развития российской социологии, Ж.Т. Тощенко отмечает как позитивные моменты этого развития, обусловленные теоретическими поисками, так и негативные, связанные с рецепцией западной социологической мысли. В плане теоретических поисков он обращает внимание на то, что в работах российских ученых получили дальнейшее развитие такие социологические концепции, как общество знания, турбулентный социум, социология жизни. Отечественные ученые добились теоретически значимых результатов при изучении таких новых явлений и процессов в российском обществе, которые связаны с конфликтогенностью миграционных потоков (А.В. Дмитриев), образом жизни (Г.И. Осадчая), в том числе этнических диаспор (Ю.В. Арутюнян), жизненными силами общества (С.И. Григорьев), сдвигами в общественном сознании и поведении различных социальных групп (В.К. Левашов, В.А. Луков), трансформацией социальной структуры общества (Н.Е. Тихонова), институциональными матрицами общественного развития (С.Г. Кирдина).

Негативные тенденции в развитии российской социологии проявляются в том, что "многие авторы, — как подчеркивает Ж.Т. Тощенко, — пока не могут обойтись без того, чтобы при объяснении происходящих изменений не прибегать к многочисленным ссылкам на коллег-социологов за рубежом", и поэтому "самый незначительный анализ сопровождается перечнем и цитированием имен лишь американских, французских или немецких ученых". В результате создается впечатление, что "российские социологи не могли предложить ни одной новаторской идеи по изучаемой проблеме. Авторы не пытаются сделать свои выводы, пусть спорные, но основанные на анализе реальной ситуации"[6].

В связи с этим следует отметить, что Ж.Т. Тощенко затрагивает очень "щепетильную" для российской социологии тему, связанную с некритическим использованием в отечественных социоло-

---

[3] См.: *Гудков Л.* О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314–339.

[4] См.: *Филиппов А.* Теоретическая социология в России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 185–204.

[5] *Тихонов А.В.* Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Новые идеи в социологии. С. 33–49.

[6] *Тощенко Ж.Т.* Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии. С. 10–24.

гических практиках западных теоретических конструктов. Сегодня в социологических исследованиях особое значение придается принципу контекстуальности, предполагающему необходимость изучения социальных явлений в рамках той культурно-исторической среды, которая их породила. Поэтому прежний поиск универсальных понятий и моделей, пригодных при изучении любой страны, независимо от ее социокультурного своеобразия в настоящее время, как подчеркивают некоторые специалисты, признается сциентистской иллюзией. Даже такие понятия, как "глобализация" или "модернизация", предлагается использовать только применительно к конкретному этапу развития региона, страны, мира[7], наполняя их национальной спецификой[8].

При этом речь, разумеется, идет не том, что при изучении российского общества нельзя использовать методологические подходы, разработанные в современной западной социологии, а о том, что, во-первых, эти подходы не следует превращать в универсальные познавательные средства, а во-вторых, их познавательный потенциал надо соизмерять с российской социокультурной спецификой. При изучении конкретных социокультурных реалий необходима социологическая экспертиза возможности использования социологических теорий, возникших, например, в западноевропейском интеллектуальном контексте, которая предполагает выяснение степени соизмеримости различных пластов российского и западноевропейского социокультурного опыта или поиск областей их социокультурного совпадения. При использовании понятий, возникших в рамках определенной социокультурной среды для описания и объяснения иного социокультурного опыта, надо также учитывать методологическое предостережение П. Фейерабенда, который писал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя "подогнать" под западноевропейский способ мышления»[9].

На необходимость соблюдения принципа контекстуальности обращает внимание также В.А. Ядов, который, размышляя о будущем социологии, пишет, что в перспективе следует ожидать дальнейших коррекций глобалистских концепций с более адекватной привязкой к особым континентам, культурам, обществам. При этом он полагает, что идею глокализации, т.е. сочетания глобальное — локальное, надо расширить до формулы глобальное — ло-

---

[7] См.: *Титаренко Л.Г.* Современная теоретическая социология // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 16–24.

[8] См.: *Федотова В.Г.* Новые идеи в социальной теории // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 18.

[9] *Файерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 432.

кальное — анклавное[10]. С.А. Кравченко, раскрывая новые идеи в области теории нелинейно развивающегося социума в эпоху постмодерна, отмечает, что без учета всех амбивалентных последствий увеличения открытости “открытого социума”, включая анклавизацию, “мы не определим корректно тенденции формирования и направления развития современного глобального сообщества”. Однако, по мнению автора, адекватный теоретико-методологический инструментарий для анализа такого социума должен быть не универсальным и завершенным, а становящимся, основанным на новом типе социологического воображения, на переходе к альтернативным моделям научного, в том числе и нелинейно-гуманистического, мышления[11]. С.Г. Кирдина применительно к изучению гражданского общества также отмечает, что очень часто оно изучается с помощью заранее заданных понятий, сформированных для конкретного культурного и институционального контекстов и превращенных в российском интеллектуальном дискурсе в своего рода идеологемы[12].

Обращая внимание на низкий уровень терминологической культуры российских социологов, Д.Г. Подвойский поднимает целый ряд вопросов, относящихся к проблемной сфере особенностей языка социологии и ее понятийного аппарата в условиях мультипарадигмальности[13]. Актуализация проблемы языка научного дискурса в отечественной социологии может рассматриваться, на наш взгляд, как попытка преодоления в ней, с одной стороны, синдрома интеллектуального подражания, а с другой — антитеоретического консенсуса[14]. Соглашаясь с выводом автора о том, что формирование универсального понятийного аппарата — это “манящая сциентистская утопия”, полагаем, что в условиях методологического плюрализма в научно-исследовательской деятельности следует исходить из принципа, удачно сформулированного Ф. Граусом. Суть его состоит в том, что понятия не могут быть “правильными” или “неправильными” — они могут быть либо “работающими”, либо “неработающими”[15]. Чтобы сделать понятия “работающими”, их надо предварительно операционализировать, т.е. адапти-

---

[10] См.: *Ядов В.А.* Каким мне видится будущее социологии // Новые идеи в социологии. С. 25–32.

[11] См.: *Кравченко С.А.* Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Там же. С. 78–98.

[12] См.: *Кирдина С.Г.* Гражданское общество: уход от идеологемы // Там же. С. 99–116.

[13] См.: *Подвойский Д.Г.* Языки социологии: многоголосие или какофония? // Там же. С. 67–78.

[14] См.: *Розов Н.С.* (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3. С. 284–293.

[15] *Graus F.* Mentalität — Versuch einer Bergriffbestimmung und Methoden der Untersuchung // Mentalitäten im Mittelalter. Sigmaringen, 1987. S. 11.

ровать к предметной области социологического исследовании, а затем инструментализировать, т.е. превратить в познавательные конструкты[16].

В монографии поднимаются и другие проблемы методологического характера. Так, Ж.Т. Тощенко подчеркивает, что в социологии сегодня "померк структурно-функциональный подход, на ведущие позиции стал претендовать антропоцентризм в его социальном контексте". В результате, как образно замечает В.А. Ядов, "железная клетка" социальных структур рухнула, и взамен явился субъект, который выходит из заточения и начинает "самовольничать". О методологических возможностях антропоцентризма в социологии свидетельствуют результаты исследований Н.В. Романовского и Л.А. Гуцаленко, в которых рассматриваются проблемы коллективной памяти и идентичности, парадоксальности "человеческого измерения" социальных инноваций и квазиинноваций в обществе[17].

В настоящее время в социологии, как подчеркивает А.В. Тихонов, сложилась методологическая ситуация, которая характеризуется не столько необходимостью смены старой парадигмы, сколько осознанием потребности в ревизии исторического пути развития социологических представлений об обществе. В связи с этим следует отметить, что результатом такой ревизии стало возникновение различных представлений о стратегии дальнейшего развития социологии. Так, В.А. Ядов говорит о необходимости создания новой интегративной социологической теории[18]. А.В. Тихонов полагает, что одной из таких стратегий может стать синтез социологии жизни и деятельностно-активистского подхода. С.А. Кравченко обращает внимание на идеи "рефлексивной социологии", методологически ориентирующие исследователя на изучение трансформаций рефлексивности социальных акторов, выступающей посредником между социальной структурой и социальной деятельностью, ведущей к переопределению социальных ситуаций и переструктурированию социальных отношений. В последнее время большое внимание в социологии уделяется научным исследованиям интердисциплинарного характера. В этом плане интерес представляют методологические идеи А.В. Шкурко, рассматривающего проблемы синтеза нейрофизиологического и социологического объяснений[19].

---

[16] См.: *Лубский А.В.* Российская социология: язык научного дискурса // Методология, теория и история социологии: Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2012. С. 127–143.

[17] См.: *Романовский Н.В.* Новое в социологии — "бум памяти" // Новые идеи в социологии. С. 50–66; *Гуцаленко Л.А.* Социальные инновации и квазиинновации в человеческом измерении // Там же. С. 117–133.

[18] См.: *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформации. СПб., 2006. С. 81.

[19] См.: *Шкурко А.В.* На пути к нейросоциологии // Новые идеи в социологии. С. 184–200.

Результаты социологических исследований новых явлений в российском обществе представлены в монографии авторами, изучающими прежде всего процессы его трансформации в условиях модернизации. Так, А.В. Кива в сравнительном плане анализирует модели реформ и результаты их реализации в России и Китае[20]. Н.И. Лапин в контексте иерархии базовых ценностей показывает социокультурные факторы российской стагнации и модернизации, обосновывая системный разрыв между человеческими измерениями стагнации в России и модернизации в развитых странах Европы[21]. В.К. Левашов в контексте мирового экономического кризиса рассматривает вопросы устойчивого развития российского общества на базе принципов новой политической культуры и стратегии, основанной на согласовании интересов человека, общества и природы[22]. Л.А. Беляева, раскрывая связь между образованием и культурным капиталом, подчеркивает значимость образовательного потенциала населения для проведения модернизации в России[23]. Д.В. Трубицын рассматривает проблемы модернизации российского общества в контексте негативной мобилизации как его контрмодернизационной стратегии[24]. Ю.Г. Волков, предлагая сценарии будущего креативного общества в России, рассматривает предпосылки его формирования применительно к проекту российской модернизации[25]. О.А. Кармадонов, обобщая опыт исследования ресурсов консолидации российского общества, делает вывод о том, что отсутствие эмпатии как на макросоциальном уровне, так и на уровне микросоциальных интеракций является негативным фактором в процессе российской модернизации[26]. Ф.И. Минюшев предпринимает попытку объяснения социальных трансформаций в российском обществе с позиций мегапарадигмы, включающей теории социального отчуждения, социальных компромиссов и социальной конвергенции[27].

---

[20] См.: *Кива А.В.* Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее // Там же. С. 293–313.

[21] См.: *Лапин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Там же. С. 214–239.

[22] См.: *Левашов В.К.* Мировой экономический кризис и устойчивое развитие // Там же. С. 255–270.

[23] См.: *Беляева Л.А.* Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // Там же. С. 377–396.

[24] См.: *Трубицын Д.В.* “Модернизация” и “негативная мобилизация”: конструкты и сущность // Там же. С. 134–159.

[25] См.: *Волков Ю.Г.* Креативное общество как цель российской модернизации // Там же. С. 212–213.

[26] См.: *Кармадонов О.А.* Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Там же. С. 450–463.

[27] См.: *Минюшев Ф.И.* Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения // Там же. С. 151–167.

Н.Е. Тихонова, изучая социальную структуру российского общества, пришла к выводу о том, что наличие в ней андеркласса, или низшего класса, делает Россию похожей не на постиндустриальные страны, а на США или Европу первой трети XX в.[28] Вал. А. Луков, анализируя новые идеи в изучении российской молодежи, отмечает, что в исследовательской практике в последнее время на передний план выдвинулись три ее ведущие характеристики: 1) социальная и культурная субъектность; 2) социальная и культурная автономия; 3) многообразие социальных и культурных практик[29]. В.А. Авксентьев и Б.В. Аксюмов, представляя "портфель" идентичности молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора, делают вывод о размытости цивилизационной ориентации этой молодежи и ее зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности[30]. В.В. Пациорковский, рассматривая становление социологии расселения в качестве особой отрасли социологического знания, полагает, что в практическом плане она будет способствовать устойчивости пространственной организации российского общества[31]. П.П. Великий, изучая неоотходничество как "механизм" сезонной трудовой миграции сельского населения, делает вывод о том, что в нем заключена единственная возможность территориальной мобильности "лишних людей" современной российской деревни[32]. Н.Е. Покровский и Т.Г. Нефедова, изучая новые тенденции в сельских сообществах российского Севера, вводят понятие "клеточная глобализация" для характеристики ее "гибридной" формы в условиях российской специфики[33].

С.Г. Кирдина, рассматривая проблемы формирования гражданского общества, подчеркивает, что оно формируется в условиях доминирования Y-институциональной матрицы (рыночная экономика, федеративное политическое устройство, индивидуалистическая идеология). В условиях доминирования X-институциональной матрицы (редистрибутивная экономика, унитарное политическое устройство, коммунитарная идеология), в том числе и в России, термин "гражданское общество", по ее мнению, следует исклю-

---

[28] См.: *Тихонова Н.Е.* Низший класс в социальной структуре российского общества // Там же. С. 339–358.

[29] См.: *Луков Вал.А.* Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Там же. С. 397–417.

[30] См.: *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Там же. С. 464–477.

[31] См.: *Пациорковский В.В.* Социология расселения как специальная социологическая теория // Там же. С. 168–183.

[32] См.: *Великий П.П.* Неоотходничество, или Лишние люди современной деревни // Там же. С. 441–149.

[33] См.: *Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.* "Клеточная глобализация" и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России // Там же. С. 314–338.

чить из научного дискурса, заменив его понятием “гражданское участие”. А.С. Запесоцкий, подчеркивая роль СМИ в формировании российской культуры и информационной политики Российского государства, считает ориентацию на рыночные механизмы регулирования деятельности СМИ в российском обществе ошибочной, неравнозначной общественному контролю и участию[34].

Особый интерес вызывают представленные в монографии результаты социологических исследований новых явлений в России в сфере общественного сознания. Так, Ж.Т. Тощенко, отмечая, что в российском сознании одновременно происходят процессы универсализации и диверсификации, выделяет такие его специфические черты, как раскол и антиномичность, неопределенность и размытость, злободневность и динамичность. Выделяя антиномичность как наиболее характерную черту российского общественного сознания, автор рассматривает антиномии как своеобразные формы его “кентавризма”[35]. М.К. Горшков, анализируя представления россиян о желаемом будущем для себя и общества в целом, делает вывод о том, что мечта — это не только особая форма социального воображения, но и мотивационная установка, и побудительная сила социальных преобразований. При этом автор отмечает, что в российском общественном сознании сегодня имеются все те компоненты, из которых синтезировалась русская мечта в прошлом: идея государства как “общего дела”, приоритет социальных прав над политическими, чувство справедливости, приверженность социальному равенству, понимание свободы как “воли”[36]. О.Н. Яницкий, рассматривая такую патологию российского общественного сознания, как “мусорная культура”, обращает внимание на то, что это — культура людей и сообществ, сознательно разрушающих свое экологическое пространство, живущих в мусорной среде и поэтому воспринимающих ее как норму[37].

В целом содержание монографии свидетельствует о том, что не все так “грустно” на интеллектуальном ландшафте российской социологии, как это иногда представляется в отдельных работах. В последнее время в ней стали появляться оригинальные идеи и наметились определенные когнитивные прорывы, особенно в рамках неоклассической модели социологических исследований[38].

---

[34] См.: *Запесоцкий А.С.* Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Там же. С. 359–376.

[35] См.: *Тощенко Ж.Т.* Антиномия — новая характеристика общественного сознания в современной России // Там же. С. 271–292.

[36] См.: *Горшков М.К.* “Русская мечта” // Там же. С. 240–254.

[37] См.: *Яницкий О.Н.* “Мусорная культура” // Там же. С. 438–440.

[38] См.: *Лубский А.В.* Неоклассическая модель социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 112–120.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Л. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314–339. (*Gudkov L.* O polozhenii social'nyh nauk v Rossii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. N 77. S. 314–339.)

Козлова Л.А. Теоретико-методологическая ситуация в российской социологии: мнения экспертов // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации. М., 2010. (*Kozlova L.A.* Teoretiko-metodologicheskaja situacija v rossijskoj sociologii: mnenija jekspertov // Teorija i metodologija v praktikah rossijskih sociologov: postsovetskie transformacii. M., 2010.)

Лубский А.В. Неоклассическая модель социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012а. № 7. С. 112–120. (*Lubskij A.V.* Neoklassicheskaja model' sociologicheskogo issledovanija // Social'no-gumanitarnye znanija. 2012a. N 7. S. 112–120.)

Лубский А.В. Российская социология на рубеже веков: состояние и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. 2012б. № 1. С. 59–75. (*Lubskij A.V.* Rossijskaja sociologija na rubezhe vekov: sostojanie i tendencii razvitija // Gumanitarij Juga Rossii. 2012b. N 1. S. 59–75.)

Лубский А.В. Российская социология: язык научного дискурса // Методология, теория и история социологии: Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2012в. С. 127–143. (*Lubskij A.V.* Rossijskaja sociologija: jazyk nauchnogo diskursa // Metodologija, teorija i istorija sociologii: sbornik nauchnyh statej. Rostov n/D, 2012v. S. 127–143.)

Новые идеи в социологии: Монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013. (Novye idei v sociologii: Monografija / Otv. red. Zh.T. Toshchenko. M., 2013.)

Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3. С. 284–293. (*Rozov N.S.* (Ne)mysljashchaja Rossija: antiteoreticheskij konsensus kak faktor intellektual'noj stagnacii // Prognozis. 2007. N 3. S. 284–293.)

Титаренко Л.Г. Современная теоретическая социология // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 16–24. (*Titarenko L.G.* Sovremennaja teoreticheskaja sociologija // Sociologicheskie issledovanija. 2009. N 1. S. 16–24.)

Файерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. (*Fajerabend P.* Izbrannye trudy po metodologii nauki. M., 1986.)

Федотова В.Г. Новые идеи в социальной теории // Социологические исследования. 2011. № 11. (*Fedotova V.G.* Novye idei v social'noj teorii // Sociologicheskie issledovanija. 2011. N 11.)

Филиппов А. Теоретическая социология в России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 185–204. (*Filippov A.* Teoreticheskaja sociologija v Rossii // Mysljashchaja Rossija. Kartografija sovremennyh intellektual'nyh napravlenij. M., 2006. S. 185–204.)

Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006. (*Jadov V.A.* Sovremennaja teoreticheskaja sociologija kak konceptual'naja baza issledovanija rossijskih transformaciy. SPb., 2006.)

Graus F. Mentalität — Versuch einer Bergriffbestimmung und Methoden der Untersuchung // Mentalitäten im Mittelalter. Sigmaringen, 1987.

Э.Д. Коркия, канд. социол. наук, доц. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

НАСЛЕДИЕ Т. ПАРСОНСА: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (рецензия на монографию Е.М. Бабосова, Е.С. Бабосовой, А.К. Мамедова "Теоретическая социология Толкотта Парсонса")

Статья представляет собой рецензию на монографию Е.М. Бабосова, Е.С. Бабосовой и А.К. Мамедова "Теоретическая социология Толкотта Парсонса".

Ключевые слова: *Т. Парсонс, теоретическая социология, структурный функционализм, социальная антропология.*

The article is a review of the monograph by EM Babosova, ES Babosovoy and AK Mamedov "Theoretical sociology Talcott Parsons".

Key words: *T. Parsons, theoretical sociology, structural functionalism, social anthropology.*

Рецензируемая монография отражает анализ итогов научной и творческой деятельности американского социолога-теоретика, главы школы структурного функционализма, одного из создателей современной теоретической социологии и социальной антропологии Толкотта Парсонса.

Обращение авторов к идеям Т. Парсонса должно способствовать более полному усвоению его идей российской социологией и должно стать первым шагом на пути к более осознанному использованию широких теоретических возможностей его концепции. Таким образом, актуальность представленной монографии обусловлена прежде всего необходимостью более тщательного и последовательного изучения творчества одного из выдающихся представителей западной социологической мысли, что является необходимым условием создания полноценной социологической теории в России.

Монография Е.М. Бабосова, Е.С. Бабосовой, А.К. Мамедова содержит значительный объем редко встречающейся и разрозненной информации по значимой социологической концепции теоретической социологии Т. Парсонса. Американский социолог, безусловно, оказал огромное влияние на развитие социологии в США: во многом именно благодаря ему американская теоретическая социология и до настоящего времени занимает ведущие места в мировой теоретической социологии. Т. Парсонс создал развернутую социо-

* **Коркия Эка Демуриевна,** e-mail: ekakorkiya@mail.ru

логическую концепцию, представляющую собой одно из важнейших теоретических оснований современной социологической науки. Без полного и глубокого анализа и усвоения ее содержания невозможна успешная интеграция в мировую социологию вообще, а значит, и превращение российской социологической традиции в одну из ведущих.

Для российской социологии восприятие и использование идей влиятельных социологических концепций приобрело особую значимость в условиях интенсивного вхождения в современное открытое научное сообщество. Для любой науки важно наличие общепринятой терминологии, способность ученых, принадлежащих различным школам и традициям, говорить на одном теоретическом языке, использовать схожий набор понятий. В этом контексте актуализируется необходимость более глубокого усвоения и понимания наследия Т. Парсонса как интегративной фигуры, ученого, синтезировавшего широкую палитру наследия классиков социологической науки и предложившего на основе этого синтеза свое оригинальное видение современной социальной науки.

За социологической концепцией Т. Парсонса, у которой был свой период высокого расцвета, тем не менее долгое время отрицалась всякая практическая ценность. История развития социологии в современную эпоху во многом опровергла это утверждение. В настоящее время в западной социологии говорят даже о “ренессансе Парсонса”[1]. Впрочем, данная проблема носит более общий характер, ведь речь идет о значимости и ценности теоретического знания в социогуманитарных науках вообще.

Авторы монографии рассматривают широкий круг вопросов, освещающих общее панорамное видение многомерного теоретического синтеза социологического понимания и истолкования динамически развивающейся социальной реальности.

Структура монографии является классической (логичной) для научных работ самого высокого уровня: каждый обособленный блок информации выделен в самостоятельную главу, а все главы в своей совокупности представляют цельную логически связанную картину исследуемого процесса.

В монографии проводится обстоятельный критический анализ теоретической и концептуально-приоритетной экспликаций, которые, с одной стороны, выступают в качестве основной единицы системы действия, а с другой — выполняют функции внешнего окружения данной системы. Такая двойственность “приводит к парадоксальному результату: одни и те же социальные факторы

[1] См.: *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 162.

в одной интерпретации приводят к стабилизации социальной системы, а в другой — подталкивают ее к изменениям”[2].

Особый интерес также представляют приводимые авторами компаративистские исследования идеологических основ и базовых позиций Т. Парсонса, с которыми можно соглашаться или не соглашаться, сравнивать и переосмысливать их.

Хочется отметить, что погружение в представленную монографию является чрезвычайно увлекательным не только благодаря ее содержанию, но и благодаря ее форме, избранному авторами жанру, доступному языку и профессиональной терминологии.

Авторы доказательно и аргументированно выявляют и прослеживают:

– методологические установки Т. Парсонса, касающиеся общей стратегии построения социологической концепции;

– научную эволюцию социологической концепции Т. Парсонса. Авторы также выделяют ее основные хронологические этапы;

– логические и понятийные связи между различными вариантами его концепции на важнейших этапах ее развития.

Е.М. Бабосов, Е.С. Бабосова, А.К. Мамедов выделяют в особую проблему вопрос общефилософского смысла концептуальных построений американского ученого. Авторы анализируемой работы сопоставляют различные оценки идеологических установок Т. Парсонса, которые бытуют в западной социологии, указывая, что «общим местом... стала критика Парсонса за статичность, выдвижение на первый план “проблемы порядка”, неисторизм, неспособность справиться с проблемой общественного развития и т.д.»[3]. Также авторы обращаются к анализу теорий Т. Парсонса Дж. Александером, Ю. Хабермасом, Р. Мюнхом и А. Туреном, которые попытались дать новую интерпретацию парсоновских концептуальных постороений. В частности, особое внимание уделяется попытке Дж. Александера показать, каким образом Парсонс пытался пройти между Сциллой “просветительского анархизма”, истоки которого Дж. Александер находит в работах Ж.-Ж. Руссо и У. Годвина, и Харибдой гегелевско-дюркгеймовского “обожествления социальной тотальности”[4]. В частности, отмечается некоторая общность кантианской этики с идеями Т. Парсонса.

Существенное внимание в рецензируемой работе уделяется предпосылкам формирования концепции Т. Парсонса и ее логической связи с научными положениями таких классиков социоло-

---

[2] *Бабосов Е.М., Бабосова Е.С., Мамедов А.К.* Теоретическая социология Толкотта Парсонса. М., 2013. С. 259.

[3] Там же. С. 238.

[4] Там же. С. 252.

гии, как М. Вебер, Э. Дюркгейм и В. Парето. Авторы убедительно подчеркивают, что проблема системного исследования творческого наследия, методологической роли и содержательного анализа категориально-понятийного аппарата Т. Парсонса до сих пор не получила должного решения. В отечественной социологии остается много белых "культурных" пятен, касающихся влияния американского социолога на развитие частных социологических теорий (теории личности, социализации, экономической, политической социологии и т.д.), в значительной степени определивших направленность исследований в области эмпирической социологии.

Таким образом, рецензируемая монография имеет три важных достоинства. Во-первых, она принадлежит к числу тех немногих фундаментальных работ, в которых проводится достаточно объективный, научно квалифицированный концептуальный анализ научной, творческой деятельности Т. Парсонса. Во-вторых, работа рассматривает и анализирует концепцию Т. Парсонса в контексте ее взаимосвязи с другими социальными науками (социальной психологией, экономической теорией, политологией, культурологией). И в-третьих, на фоне анализа методологических установок Т. Парсонса авторам монографии удалось доказать, что в основе его исследовательской стратегии лежит стремление выработать "средний курс", примирив в собственной методологии традиционно противостоявшие друг другу в ходе предшествующего развития социологической науки принципы социологического "реализма" и "номинализма". С этой целью, как подчеркивают авторы рецензируемой работы, Т. Парсонс формулирует принцип "аналитического реализма", призванный снять противоречия предшествующего развития социологической науки. Позиция "аналитического реализма" предполагает, что "научная концептуализация должна двигаться путем аналитической абстракции, идентифицируя существенные элементы феноменов и связывая их в системы понятий"[5].

На мой взгляд, авторам удалось решить довольно трудную задачу — совместить академический стиль и глубину мысли с простотой формы. Полагаю, что монография найдет своего заинтересованного читателя и вызовет интерес как у профессионального сообщества социологов, так и у широкого круга представителей неравнодушной, мыслящей, ищущей социологической, философской и культурной общественности. Представленная монография — прекрасное свидетельство профессиональной деятельности социологов, направленной на служение науке и обществу. Это и осмысление возможностей, задач и результатов данной деятельности. Социо-

[5] Судьбы теории Толкотта Парсонса в России // О структуре социального действия. М., 2002. С. 21.

логия, безусловно, остро нуждается в подобного рода саморефлексии, которая способна обеспечить наиболее успешное и интенсивное развитие социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабосов Е.М., Бабосова Е.С., Мамедов А.К.* Теоретическая социология Толкотта Парсонса. М., 2013. (*Babosov E.M., Babosova E.S., Mamedov A.K.* Teoreticheskaja sociologija Tolkotta Parsonsa. M., 2013.)

2. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002. (*Ritcer Dzh.* Sovremennye sociologicheskie teorii. SPb., 2002.)

3. Судьбы теории Толкотта Парсонса в России // О структуре социального действия. М., 2002. (Sud'by teorii Tolkotta Parsonsa v Rossii // O strukture social'nogo dejstvija. M., 2002.)

ПРОБА ПЕРА. СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

Ю.А. Иванова, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ДИСКУССИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ФЕМИНИЗМЕ

В статье рассматриваются понятия “субъект”, “женская субъективность”, “номадическая субъективность”, “идентичность”, “феминизм”.

Ключевые слова: *идентичность, экзистенция, постмодерн.*

In article are considered the concept of “subject”, “women's subjectivity”, “nomadic subjectivity”, “identity”, “feminism”.

Key words: *identity, existence, postmodernism.*

Феминистская полемика по проблеме субъекта является частью как общего современного социально-философского дискурса, так и различных феминистских направлений мысли.

Современный социально-философский дискурс рассматривает проблему субъекта через проблему идентичности. Под идентичностью принято понимать соотнесенность чего-либо с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости. Такое понимание идентичности наследует аристотелевскую традицию наделения тождества более фундаментальным значением, чем различие. По сути дела, понятая таким образом идентичность совпадает с понятием субъекта в классическом рационализме и выступает как беспроблемная категория. Однако еще Д. Юм попытался обосновать тезис о конституировании идентичности не “изнутри” (исходя из “самости” человека), а “извне” (из общества), поскольку идея Я как тождественности самому себе опирается на метафизическую идею Я как субстанции, не имеющей никакого эмпирического подтверждения. В русле такого “социологизированного”, а не “натуралистического” подхода стоит рассматривать собственно феминистские дебаты по вопросу о поле, сексуальности и субъективности.

Логическим основанием современного феминистского дискурса является концепция женского, разработанная Симоной де Бовуар, которую так или иначе используют практически все феминистские направления. С. де Бовуар определила женскую субъективность как Другое или Иное по отношению к мужскому типу субъективации в культуре[1]. Таким образом, феминистская эпистемология

* **Иванова Юлия Александровна,** e-mail: jkhramova@mail.ru

[1] *Beauvoir S. de.* Le deuxieme sexe. P., 1949. (Пер. на рус.: *Бовуар С. де.* Второй пол. СПб., 1997).

субъективности, определяющая значимость других типов антропологических практик, базируется на концепциях иного, специфического и множественного женского опыта и женских способов бытия, и занимается поисками дискурсивных средств для репрезентации этого опыта в мышлении и культуре.

Тема Другого — линия демаркации между классической и современной социальной философией. В классической социальной философии эта тема практически отсутствует, так как в центре внимания находится именно автономия и суверенность человеческого разума. Можно определить несколько перспектив в истолковании темы другого в современной философии. Во-первых, это экзистенциально-феноменологическая перспектива, акцентирующая проблему межличностного социального общения. В качестве опосредующей функции являемости Другого в мире выбирается тело. Во-вторых, это герменевтический анализ. Здесь Другой не конкретное лицо, или тело, или взгляд. Посредником всех возможных смыслопонимательных отношений выступает текст. Отношение к себе и отношение к другим строятся на основе текстов. Другим тогда является все то, что не подверглось интерпретации, что осталось непонятным, что не наделено смыслом. В-третьих, это диалогическая теория, или теория коммуникации. В-четвертых, постструктуралистский анализ. Все они используются различными феминистскими направлениями.

Э. Гуссерль предполагал, что функция тела существенна, так как позволяет по аналогии феноменального переживания собственного тела судить о теле другого[2]. Тело — транзит, оно на переходе от одного телесного опыта к другому. Я способна/-ен выступать как субъект только благодаря тому, что обладаю телом. Я обладаю телом, потому что оно мое, иными словами, принадлежность есть условие обладания, а не наоборот. Avoir (“иметь/обладать”) — один из предикатов существования. Моя суверенность — телесная, психическая и познавательная автономия — не может быть поставлена под сомнение Другим, в силу чего и Я не способна/-ен пренебречь существованием Другого, реального двойника моего опыта обладания. Поэтому Другой выступает как тело-объект, готовое в любой момент стать телом-субъектом и превратить в объект меня.

В европейской мысли понятие “различие” является одним из центральных, поскольку она всегда оперировала бинарными парами, неизбежно создающими подкатегории “инаковости” и “отличного от чего-то”. Поскольку “различие” понимается через отношения доминации и исключения, то неудивительно, что “быть отличным от” становится “быть меньше, чем”, “быть менее цен-

[2] См.: *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Минск; М., 2000. С. 442–443.

ным". Рози Брайдотти пытается разрешить эту ситуацию путем отказа от эссенциалистских коннотаций данного понятия[3]. Она предлагает воспринимать "различие" как процесс. В рамках предложенного ею "номадического мышления" "различие", понятое в измерении процессуальности, становится базовым для формирования "номадической субъективности". Дискурс номадической субъективности — это "дискурс становления", того становления, в котором женщине было отказано в рамках патриархальной традиции. Женщина описывалась как статическое, ибо так легче было воспринимать ее в качестве гаранта (гаранта сохранности и преемственности традиции, гаранта маскулинной идентичности). Номадическая субъективность не подразумевает полного отказа от создания каких бы то ни было стабильных и убедительных оснований идентичности. Однако никакая идентичность в рамках номадического сознания не воспринимается как постоянная. Такое номадическое сознание несет с собой не только дестабилизацию фаллократических ценностей, но и способность породить новый язык. В области гносеологии концепция номадической субъективности является логическим продолжением процесса децентрации трансцендентальной парадигмы, начало которому было положено диалогической традицией.

Проблема субъективности в рамках феминистского дискурса не ограничивается проблемой Другого. Следующим важным (и связанным с первым) пунктом является вопрос о том, обладает ли субъект онтологической первичностью по отношению к параметрам сексуальности и гендерной идентичности[4]. Некоторые исследователи полагают, что сексуальная и гендерная идентичность является вторичными характеристиками субъекта, другие же считают, что само понятие "человек", определяемое в языке как "субъект", представляет собой конструкцию мужского рода. Такое разногласие указывает на то, что в контексте радикальной гендерной асимметрии понятия "субъект" и "идентичность" неизбежно проблематизируются и требуют коренного переосмысления.

Гуманистические теории склонны допускать существование независимой личности как носителя различных (существенных и несущественных) свойств. Однако такая всеобъемлющая концепция личности вытесняется теми антропологическими подходами, ко-

---

[3] См.: *Брайдотти Р.* Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 220–251; *Она же.* Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 18–44.

[4] Мы используем здесь понятия "гендерная идентичность" и "гендер", хотя, как будет показано далее, понятия, близкие английскому "gender", либо имеют иную семантику, либо вовсе отсутствуют в европейских языках. Однако в данном случае речь идет о смысловых обертонах, связываемых в отечественном дискурсе именно с этим понятием.

торые понимают под гендером отношение между социально сконструированными субъектами в определенных ситуациях. С этой точки зрения то, чем "является" личность и гендер, зависит от тех отношений, в которых они будут определяться. Будучи изменчивым и контекстуальным явлением, гендер обозначает не сущностное бытие, а некоторый момент конвергенции культурно и исторически определенных типов отношений.

Для С. де Бовуар "мужчины" и "женщины" сконструированы, но предполагается действующее лицо, "cogito", которое принимает на себя данный культурный конструкт. "Конструирование", таким образом, становится некоей формой волевого выбора, хотя С. де Бовуар и признает, что выбор совершается в силу культурного принуждения. Однако с ее точки зрения, только женщины определяются в терминах пола, универсальная же человеческая личность и принадлежность к мужскому полу сливаются воедино (женщина всегда представляет только женщин, а мужчина может представлять как мужчин, так и людей вообще).

Моника Виттиг, как и С. де Бовуар, считает, что маркирован только женский пол. "Универсальный субъект" отторгает от себя женщину как Другое, которое, таким образом, означает собой все безнадежно "частное", лежащее вне общепринятых критериев личности. Претендуя на универсальность, мужской субъект оказывается абстрактным, поскольку он отказывается от своего социально маркированного телесного воплощения, проецируя его на то, что было отвергнуто и унижено, т.е. на область женского, и переименовывает тело в "женское тело". Женское тело обозначается в мужском дискурсе, тогда как мужское тело, сливаясь с "универсальным человеческим телом вообще", остается необозначенным. Соединение понятий "женское" и "тело" в рамках классической метафизики означает противопоставление "бестелесной универсальности" (мужской субъект, носитель "ratio" и свободы) и "отрицаемой вещественности" (женский объект, ограниченный рамками тела).

В философской традиции, которой придерживается С. де Бовуар, в традиции Платона, Р. Декарта, Э. Гуссерля и Ж.П. Сартра онтологическое разделение души (сознания и разума) и тела всегда служило основой для политической и психической иерархии. Поэтому дихотомия субъект-сознание/объект-тело, имплицитно содержащая в себе эти связи, всегда с гораздо большим успехом может быть использована для утверждения и рационального объяснения (фактически легитимации) гендерной иерархии, нежели для уничтожения и критики оной.

В противоположность С. де Бовуар Люс Иригарэ доказывает, что и субъект и Другой являются мужскими порождениями закрытой

фаллогоцентристской экономии означивания, в которой женщинам суждено оставаться нерепрезентируемым полом. Л. Иригарэ считает, что женщины не просто ложно представлены в сартровской модели “означающего субъекта” и “означаемого Другого”; ложность означивания указывает здесь на неадекватность структуры репрезентации в целом. По мнению Л. Иригарэ, женский пол, всегда ускользающий от репрезентации, не может быть меткой субъекта. Субъект же, который Л. Иригарэ понимает как фантазию автогенеза, всегда оказывается маскулинным.

Таким образом, если С. де Бовуар остается на позициях западноевропейской метафизики, то Л. Иригарэ критикует эту метафизику как фаллогоцентристскую экономию означивания, из которой женщины как таковые исключены, и в которой любая попытка репрезентации женского/женщин обречена на провал. В прочтении Л. Иригарэ заявление С. де Бовуар о том, что женщина “имеет пол”, может означать только следующее: женщина оказывается существом не того пола, который ей присущ, а, скорее, существом мужского пола, взятого в модусе своей инаковости. Мнения С. де Бовуар и Л. Иригарэ расходятся в определении фундаментальных структур, воспроизводящих гендерную асимметрию: первая склоняется к идее асимметричного диалектического взаимодействия, а вторая предлагает рассматривать сам диалектический процесс как монологический продукт фаллогоцентрической экономии означивания.

Таким образом, Л. Иригарэ согласна с С. де Бовуар по поводу маскулинного характера “универсального субъекта”, но противостоит ей в вопросе относительно возможности оккупации женщиной субъектной позиции. В противоположность теориям “сексуальных различий”, феминистская линия так называемых “антисексуальных различений” представленная Моникой Плаза, Моникой Виттиг, Кристиной Дельфай, выдвигает аргументы в пользу “внегендерного” или “постгендерного” типа субъективности, и этим в определенной степени согласуется с С. де Бовуар по второму вопросу. Отождествление женщины с “полом” означает и для С. де Бовуар, и для М. Виттиг совмещение женщин с теми свойствами их тел, которым приписывается однозначно сексуальное значение (или значение в рамках экономии воспроизводства), и вследствие этого отказ предоставить им свободу и автономию в том же объеме, в каком ею обладают мужчины[5]. «Гендер является языковым индексом политического противостояния полов. Это понятие используется здесь в единственном числе, так как в действительности не существует двух гендеров. Есть только один — женский; “мужской” же

[5] См.: *Виттиг М.* Прямое мышление. М., 2002. С. 108.

не является гендером, так как мужское не является мужским, а выступает как всеобщее»[6]. В этой системе отношений только мужчины выступают как “личности” и нет иного гендера, кроме женского. Отсюда вывод: женщины смогут присвоить себе статус универсального субъекта, только уничтожив понятие пола.

По мнению М. Виттиг, идеология половых различий действует в нашей культуре как цензура, которая, апеллируя к природе, маскирует социальные противоречия между людьми с мужской и женской анатомией. Настаивая на том, что социальные различия между мужчинами и женщинами принадлежат к экономическому, политическому и идеологическому порядку, М. Виттиг понимает “мужчин” и “женщин” как идентичности, сформированные в рамках исключительно гетеросексуальной (вернее, гетеросексистской) парадигмы. Принципы деления на материальном и экономическом уровне, установленные системой господства, абстрагируются и превращаются в концепции доминирующей группой, а впоследствии и доминируемой. При денатурализации понятия пола М. Виттиг отталкивается от утверждения, что “угнетение создает пол”, а не наоборот. Идеология половых различий мешает нам осознать этот простой факт и формирует наше сознание таким образом, чтобы не позволить обратиться внутрь себя и подвергнуть критическому анализу тот базис, что формирует различия.

Будучи категорией господства, категория пола не существует до и вне человеческого общества. Категория пола — это политическая категория, и как таковая она определяет не живых существ, а только взаимоотношения между ними. Иными словами, можно сказать, что “мужчины” и “женщины” — это результат взаимоотношений индивидов в рамка идеологии определенного типа (патриархатной, гетеросексистской и т.п.). “Пол” — это знак, посредством которого отношение женщин к концепту “человек” делается очень неопределенным и даже сомнительным. Поэтому М. Виттиг говорит, что категория пола тоталитарна, что она имеет свою инквизицию, суды, свод законов, террор, экзекуцию и полицию. Эта категория формирует сознание и контролирует все то, что наше сознание производит, причем этот контроль столь жесток, что мы и не умеем думать вне ее пределов.

Виттиг отстаивает существование “личности” до ее определения в поле, и только такую личность она считает подлинно свободной. Таким образом, она признает статус человеческой свободы как предшествующей образованию общества. Произнося “Я”, человек каждый раз заново присваивает себе весь язык. Именно в этот мо-

---

[6] *Wittig M.* The point of view: universal or particular? // Feminist Issues. 1983. Fall. Vol. 2. P. 64.

мент происходит наивысший акт субъективации. Но чтобы это действие осуществилось, говорящий должен быть абсолютным субъектом, ибо относительный субъект (статус которого навязывается женщине) попросту неспособен говорить. Поэтому, несмотря на жесткие схемы формирования пола в языке, всякая женщина, произнося "Я", становится для самой себя универсальной целостностью, а значит, и внеродовым (внегендерным) субъектом. Однако в процессе коммуникативного взаимодействия язык, навязывая говорящей женщине категорию гендера (здесь — грамматического рода), лишает ее авторства речи. Именно маркированность полом через категорию грамматического рода выступает в качестве причины того, что женщине отказано в любом притязании на абстрактный, философский, политический дискурс, определяющий социальное существо.

Отстаивая идею до- и внесексуализированного (гендерированного) субъекта, М. Виттиг тем самым противостоит психоаналитическому толкованию субъективности, согласно которому сексуальность есть способ формирования субъекта. Поэтому данный подход упрекают, как правило, в недооценке роли бессознательного в формировании идентичности, результатом чего является, по мнению некоторых теоретиков, неоправданно волюнтаристский взгляд на проблему пола. Считается, что разработка проблемы субъекта у М. Виттиг предстает как реабилитация агента экзистенциального выбора[7]. Однако именно такой подход к субъекту позволяет избежать тупика "гипердетерминированности" раннего постструктурализма. Позиция М. Виттиг созвучна подходу Кристофера Батлера, пытавшегося дать теоретическое оправдание свободы индивида. "Как только была выделена природа социальных дискурсов, которые предположительно структурируют нас в мире и тексте как мужчин и женщин, нам остается лишь одно из двух: либо брать на себя ответственность за их использование, или изменить наш дискурс, взглянув на него критически... Если субъект в результате этого всего лишь перемещается в другой, в равной мере социально детерминированный дискурс, то тогда перед нами открывается лишь перспектива бесконечного регресса. Тем не менее и в данном случае сохраняет свой смысл утверждение, что мы способны принимать рациональные решения в пограничных сферах, существующих между этими дискурсами, при условии, что мы их осознаем"[8].

Поскольку философия как дисциплина мышления в строгом смысле слова является порождением западноевропейской культур-

---

[7] Критику позиции М. Виттиг см. в интервью Рози Брайдотти и Джудит Батлер ("Feminism by any other Name").

[8] Differences. 1994. Summer–Fall. Vol. 6. N 2, 3.

ной традиции, то, по мнению Р. Брайдотти, Л. Иригарэ и Э. Сиксу, на ней также стоит несмываемое клеймо фаллогоцентризма. “Структурная необходимость уничижительных практик друговости (не-мужчин, не-ученых и пр.) заставляет меня сомневаться в способности теоретического дискурса действовать, не стремясь исключать и главенствовать”[9]. Но если философский (и шире — теоретический) дискурс неизбежно подчинен законам “маскулинистской экономии мышления”, оставляющей все “женское” за пределами репрезентации, следовательно, женщины не могут претендовать на сколько-нибудь вразумительную речь, не будучи при этом обвиненными в “маскулинизации”. Такой взгляд поддерживает и упрочивает фатальную для женщин связку “мужское — рациональное”. Попытки позитивно переосмыслить “феминное” неизбежно влекут за собой репродуцирование дихотомии “мужское” — “женское”, чье властное наполнение внушает сомнения в успехе самого предприятия. Единственным продуктивным подходом для теорий, ориентированных на различие, а не на равенство, видится дестабилизация идентичностей. Тогда открывается возможность разрешить комплекс проблем, связанных, во-первых, с девальвацией ценностей, ассоциируемых с женщинами (иными словами, так называемой “феминности”), а во-вторых, с “натурализацией” половых/гендерных различий, в результате чего женщины и мужчины делятся как “естественные” носители “феминных” и “маскулинных” ценностей. Если подходить к идеалу стабильной и фиксированной идентичности каждого из полов как к неоправданной фантазии, тогда было бы возможно создание этики и политики, построенных не на жертвенности и репрессии. Однако сколь бы ни были остры противоречия между теми направлениями феминизма, которые ориентируются на равенство, и теми, которые акцентируют различия, ясно одно: необходимо исследовать как материальные, так и символические формы угнетения.

Если мы отказываемся от иллюзии стабильной идентичности, и к анализу символических конструктов “феминное” и “маскулинное” добавляем анализ материальных форм угнетения и социальных условий конструирования гендерной идентичности, то мы оказываемся в русле идей гендерной теории, приобретающей все большее влияние в современных социальных науках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бовуар С. де. Второй пол. СПб., 1997. (*Bovuar S. de.* Vtoroj pol. SPb., 1997.)

[9] *Брайдотти Р.* Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 24.

Брайдотти Р. Путем номадизма // Гендерные исследования. 2000а. № 4. С. 18–44. (*Brajdotti R.* Putem nomadizma // Gendernye issledovanija. 2000a. N 4. S. 18–44.)

Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000б. С. 220–251. (*Brajdotti R.* Polovoe razlichie kak politicheskij proekt nomadizma // Hrestomatija feministskih tekstov. SPb., 2000b. P. 220–251.)

Виттиг М. Прямое мышление. М., 2002. (*Vittig M.* Prjamoe myshlenie. M., 2002.)

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск; М., 2000. (*Gusserl' Je.* Logicheskie issledovanija. Kartezianskie razmyshlenija. Minsk; M., 2000.)

Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 230–263. (*Kant I.* Kritika chistogo razuma. SPb., 1993. S. 230–263.)

Плотников Н.С. Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000. (*Plotnikov N.S.* Filosofskaja programma Vil'gel'ma Dil'teja. M., 2000.)

Beauvoir S. de. Le deuxieme sexe. P., 1949.

Butler Ch. Interpretation, deconstruction, and ideology. Oxford, 1986.

Differences. 1994. Summer-Fall. Vol. 6. N 2, 3.

Wittig M. The point of view: universal or particular? // Feminist Issues. 1983. Fall. Vol. 2.

К.С. Таланова, асп. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

МОДЕЛЬ МОРАЛЬНОГО КРИЗИСА ПО Э. ДЮРКГЕЙМУ

Статья посвящена разработке Э. Дюркгеймом концепции структуры и развития общества, сфокусированной на нравственности и морали.

Ключевые слова: *концепция общества Э. Дюркгейма, ценности, нормы, мораль, механическая солидарность, органическая солидарность.*

Article is devoted to the development of the concept of Emile Durkheim and the structure of society, focused on ethics and morality.

Key words: *concept Durkheim society, values, norms, morals, mechanical solidarity, organic solidarity.*

Э. Дюркгейма можно считать одним из первых социологов, проложивших путь социологии к академическому самоопределению и университетской специализации. Он начинал карьеру как философ, потративший значительную часть своей жизни на лекционную практику в области теории и педагогической практики. Именно поэтому он надеялся заложить фундамент социологической науки о морали[1].

Современная социология возникла в XIX в. прежде всего для целей перестройки французского общества после разрушений, вызванных Французской революцией 1789 г. и Прусской войной 1870–1871 гг. Два француза, внесших несомненный вклад в ее развитие, — О. Конт (1798–1857) в послереволюционное время и Э. Дюркгейм (1858–1917) после Франко-прусской войны[2]. Дюркгейм стал очевидцем нарастающих кризисных процессов в экономической, политической, социальной и духовной сферах современного ему общества — формирующегося индустриального общества. Позже обострение противоречий между трудом и капиталом и анархию производства он назовет “ненормальными” формами разделения труда, вызванными слишком быстрыми темпами индустриального и капиталистического развития. В каком-то смысле социологию надо считать — по аналогии с современной модой — “кризисным менеджментом”, ибо формируется оно по поводу общественного кризиса и призвана дать эффективные рецепты преодоления кризиса, в том числе, а быть может в первую очередь,

* **Таланова Ксения Сергеевна,** e-mail: theory@socio.msu.ru

[1] *Thompson K.* Emile Durkheim. L.; N.Y., 1988. P. 50.

[2] Ibid. P. 11.

духовно-нравственного кризиса общества. Дюркгейм явился, возможно, первым теоретиком и практиком транзитивного общества, того самого, в котором ныне живем мы, но только на более высокой фазе развития.

Для социологии, полагали французские социологи XIX — начала XX в., в том числе и Дюркгейм, нет более гуманной задачи, чем понять, что побуждает людей жить сообща, почему для них стабильный социальный порядок выступает наивысшей ценностью, какие законы управляют межличностными отношениями. Не борьба классов, а совместное существование всесторонне развитых личностей (не замкнутых в классовые, профессиональные или кастовые интересы), "солидарное бытие" является для Дюркгейма высшей целью. Общество, по Дюркгейму, — это особая реальность, несводимая к сумме составляющих его элементов, а позже он говорил об обществе как о Боге, превосходящем по моральной и материальной силе индивида и навязывающем ему определенное поведение и мышление.

Дюркгейм проработал не только теоретическую концепцию структуры и развития общества, сфокусированную на нравственности и морали, но анализировал также методологию изучения ценностей: "Предметом не называется все, что дается, что предлагается или, скорее, навязывается наблюдению. Рассуждать о явлениях как о предметах — значит рассуждать о них как о данных, составляющих точку отправления науки. Социальные явления, бесспорно, обладают этим характером. Наблюдению открыта не идея, составляемая людьми о ценности, — она ему недоступна, — а ценности, действительно обменивающиеся в сфере экономических отношений. Нам дано не то или иное представление о нравственном идеале, а совокупность правил, действительно определяющих поведение. Нам дано не понятие о полезном или о богатстве, а экономическая организация во всей ее полноте. Возможно, что социальная жизнь есть лишь развитие известных понятий, но если предположить, что это так, что все-таки эти понятия не даны непосредственно. Дойти до них можно, следовательно, не прямо, а лишь через посредство выражающих их явлений"[3].

Ценности — некие абстрактные клише, позаимствованные социологами из обыденной речи и некритично используемые ими как сами собой разумеющиеся, считает Дюркгейм. Чаще всего социологи не рефлексируют над такими понятиями, и отсюда проистекает множество ошибок. Самая главная — принимать обыденные понятия о ценностях за научные. В докладе «Ценностные

[3] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Послесловие А.Б. Гофмана. М., 1990. С. 432.

и “реальные” суждения»[4], сделанном на Международном философском конгрессе в Болонье (1911), Дюркгейм анализирует такие понятия, как “ценность”, “ценностное суждение”, “идеал”, “положительная ценность”, “отрицательная ценность”. Он предлагает различать а) ценности и б) оценки, доказывая, что если оценки “связаны с определенными личностями и не могут быть от них отделены”, то “ценности существуют, в некотором смысле, вне меня”[5]. Дюркгейм поясняет свою мысль: “Совершено иначе обстоит дело, когда я говорю: этот человек *имеет* высокую нравственную ценность; эта картина *имеет* высокую эстетическую ценность; эта драгоценность *стоит* столько-то. Во всех подобных случаях я приписываю людям или вещам, о которых идет речь, объективно существующее свойство, совершенно независимое от того, как я воспринимаю его в то время, когда высказываюсь. Лично я могу не назначать никакой цены за драгоценности, тем не менее их ценность останется в рассматриваемый момент той же самой”[6]. Дюркгейм настаивает на том, что “ценностям, о которых только что шла речь, присуща та же объективность, что и вещам”[7].

Если «“реальные суждения”, или “суждения о реальности”, опираются на факты, то ценностные суждения — на идеалы. Судить о фактах и идеалах социологу необходимо одинаковым образом». С точки зрения научной логики между двумя видами суждений нет принципиальной разницы. У них разный источник, но методология рассуждения одна и та же. Дюркгейм так и пишет: «...между нами нет различий по существу. Ценностное суждение выражает связь вещи с идеалом. Но и идеал дан нам в качестве вещи, хотя и иным образом; он также своего рода реальность. Выражаемая связь, стало быть, соединяет два понятия точно так же, как в “реальном” суждении. Правда, можно сказать, что ценностные суждения опираются на идеалы. Но так же обстоит дело и с “реальными” суждениями... Элементы суждения, стало быть, одни и те же в обоих случаях»[8].

Как полагает А.Б. Гофман, известный исследователь социологии Дюркгейма, у него “нравственный фактор всегда занимал центральное место”[9], от себя же добавим: в теории, в методологии и на практике, а в поздних работах получил еще более тонкое и глу-

---

[4] См.: *Дюркгейм Э.* Ценностные и “реальные” суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.

[5] *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Послесловие и прим. А.Б. Гофмана. М., 1995. С. 287.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] *Дюркгейм Э.* Ценностные и “реальные” суждения. С. 113.

[9] *Гофман А.Б.* Э. Дюркгейм о ценностях и идеалах // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 105.

бокое обоснование. Дюркгейм опубликовал свою первую статью об основании социологии морали в 1887 г., провозгласив тем самым необходимость науки о морали[10]. Тогда же он предложил курсы в Бордо, а затем в Сорбонне, которые были опубликованы посмертно в *Leçons de sociology* и в *L'Education morale*. Некоторые специалисты, в том числе Р. Белла[11], считают, что вся научная деятельность Дюркгейма связана с анализом и исследованием вопроса о нравственности. Этико-педагогическим проблемам воспитания, духовно-нравственного формирования человека посвящена его работа "Нравственное воспитание", написанная в 1902–1903 гг. и опубликованная посмертно в 1923 г. Исследование происхождения морали и права, вопросы социальной роли нравственности и религии образовали ядро его фундаментального труда "Элементарные формы религиозной жизни" (1912). Последняя неоконченная работа французского социолога была посвящена проблемам этики. Дюркгейм вынашивал мысль о создании особой науки о нравственных фактах, которую он называл "физикой нравов"[12].

Если для Макса Вебера, представителя понимающей социологии, ценности находятся вне эмпирической реальности, они несводимы к ней и могут быть предметом лишь веры, но не научного познания, то для Дюркгейма, представителя позитивистской социологии, ценности трансценденты по своей сущности (смыслу), но эмпиричны по форме проявления. Они выражаются через традиции, верования, обычаи народа и все то, что составляет коллективное сознание. Главным признаком морали Дюркгейм считал долг, следование которому делает поведение человека моральным.

У Дюркгейма коллектив, а не отдельный человек выступает гарантом и хранителем духовных ценностей: "Поскольку общество сильнее и авторитетнее индивида, то обязательными компонентами морали являются необходимые ему требования — бескорыстие, самопожертвование"[13]. Когда моральные регулятивы в обществе ослабевают, наступает аномия, а вместе с ней и духовно-нравственный кризис. Солидарность — это причина возникновения и одновременно последствие такого кризиса. Кризис и дезорганизация общественных отношений порождают моральный вакуум.

Ценности и ценностные ориентации выполняют функцию социальной детерминации поведения, т.е. служат внутренними регуляторами человеческих поступков и воплощаются в социальных нормах. Нормы отражают должное и желаемое, но так происходит

---

[10] *Durkheim E.* La science positive de la morale en Allemagne // Journal sociologique. 1969. N 5. P. 24.

[11] *Bellah R.N.* Emile Durkheim, on morality and society. Chicago, 1973.

[12] *Durkheim E.* Introduction la morale // Revue philosophique. 1920. N 89. P. 96.

[13] Философия культуры. Становление и развитие. СПб., 1998. С. 125.

только в нормальных условиях. В кризисных же условиях социальный порядок расстраивается и в обществе возникает безнормие, или аномия.

Социальные нормы эффективны только в том случае, когда они опираются не на внешнее принуждение, а на нравственный авторитет общества, и в этом принципиальное различие между социальными фактами, которые носят принудительный характер, и социальными нормами, которым индивид подчиняется свободно. А раз так, то он может подчиняться или не подчиняться социальным нормам, т.е. признавать моральный авторитет общества или не признавать его, следовательно, ориентироваться на социально одобряемые ценности или не подчиняться им. Поскольку поведение человека — это такой социальный конструкт, который не может находиться вне ценностного поля в принципе, то индивид, отвергая одни ценности, добрые, подчиняется другим, злым. Конечно, в реальной жизни не все так категорично и социальная действительность скроена из множества цветов, соцветий и оттенков. Отклоняя ценности добра, человек не обязательно принимает ценности зла. Он отклоняет одну трактовку или понимание ценности добра ради другой, которую считает более уместной или адекватной своим нравственным убеждениям или реально сложившейся ситуации. Коллективное создание представляет для общества особую и предпочтительную ценность. Если общие верования, дорогие каждому идеалы и традиции оказываются под угрозой, то все сообща берутся за их охрану.

Развитие общества, социальный прогресс, впервые приобретает у Дюркгейма четко выраженную морально-нравственную атрибутику. Разделение общественного труда, в течение многих и многих тысячелетий ведшее человеческое общество к вершинам цивилизации — от механической солидарности к органической, — имеет две стороны — позитивную и негативную. Дюркгейм первым среди социологов предложил задуматься о гуманистической цене безумной машинизации и специализации труда. Иными словами, Дюкргейм заявил моральные ценности как *системообразующий фактор* организации и развития человеческого фактора, который не только действует на протяжении всех исторических этапов (хронологический аспект), но и во всех сферах общества на одном историческом этапе, т.е. в экономической, политической, социальной, культурной. Таким образом, Дюркгейм явился первым “системщиком” в подходе к пониманию духовно-нравственного кризиса и ценностных систем.

Дюркгейм, как и К. Маркс, был реалистом. Он считал экономическую структуру доминантным фактором индустриального общества. В то же самое время он верил, что она должна быть чем-то

большим, чем только экономической структурой, чтобы продуцировать социальную стабильность и интеграцию. Дюркгейм подчеркивал именно моральные возможности экономической структуры и способность (потенциал) для придания индивиду чувства позитивной принадлежности обществу[14]. Дюркгейм отмечал, что экономический обмен в современном разделении труда базируется на контрактах, а контракты требуют априорно моральных рамок, которые нельзя объяснить как результат обмена. Дюркгейм отрицал эволюционистскую теорию, которая возводила индивидуальный интерес (эгоизм) в начало человеческой истории и утверждал кооперацию и солидарность (альтруизм) как современный исторический феномен[15]. Дюркгейм говорит об экономике как области, которая должна изучаться социологически, хотя ей он уделил очень мало внимания, сосредоточившись на моральных факторах.

В своей докторской диссертации "О разделении общественного труда"[16] Дюркгейм формулирует предмет социологии как сущность социальной солидарности. Он трактует солидарность как высший и универсальный (для всех эпох и народов) моральный принцип, признаваемый всеми членами общества. В связи с этим Дюркгейм обсуждает совокупность эмпирических явлений, включая изменения в социальной структуре в соответствии с изменениями в институтах и коллективном сознании. Здесь он анализирует также и "ненормальные" формы: аномию (отсутствие законности и порядка), социальное неравенство, рутинизацию труда, деградацию рабочей силы, классовые конфликты, институциональную дисфункциональность.

Полагаясь на понятие социальной солидарности, Дюркгейм построил одну из самых плодотворных теорий развития общества в мировой социологии[17]. От степени солидарности зависит состояние общества — нормальное или патологическое. Патология общества получила у Дюркгейма название ***аномии*** — ощущение отсутствия норм, возникающее в обществе, членов которого не только убедили, но и воспитали быть законопослушными, однако не позаботились создать для этого необходимые условия, прежде всего законодательные. Под аномией Дюркгейм понимал отсутствие четкой системы социальных ценностей и норм, регулирующих поведение людей. Такое отсутствие встречается обычно в пе-

---

[14] *Thompson K.* Op. cit. P. 74.

[15] Ibid. P. 74–75.

[16] См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Одесса, 1900; *Он же.* О разделении общественного труда. Метод социологии; *Он же.* О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX — начала XX века. М., 1996. С. 256–309.

[17] Подробнее см.: *Кравченко А.И.* Трудовые организации: структура, функции, поведение. М., 1991.

реходные периоды и кризисные периоды развития общества, когда старые ценности и нормы перестали полностью или частично действовать, а новые еще не созданы либо не утвердились, будучи созданными. Причину появления аномии Дюркгейм искал в неразработанности правил, регулирующих отношения между социальными функциями, которые "не приспособлены друг к другу"[18].

Мораль в истолковании Дюркгейма неотделима от социальной солидарности. Полагая, что разделение труда порождает солидарность, он одновременно доказывал, что оно выполняет нравственную функцию. В книге "О разделении общественного труда" Дюркгейм указывал, что смена одного типа общества, переход от механической солидарности к солидарности органической непременно сопровождается глубоким кризисом морали: "За небольшой промежуток времени в структуре наших обществ произошли глубокие изменения; они освободились от сегментарного типа со скоростью и в масштабах, подобных которым нельзя найти в истории. Поэтому нравственность, соответствующая этому типу, испытала регресс, но другая не развилась достаточно быстро, чтобы заполнить пустоту, оставленную прежней нравственностью в наших сознаниях. Наша вера поколеблена; традиция потеряла свою власть; индивидуальное суждение освободилось от коллективного. Но, с другой стороны, у функций, разъединившихся в ходе переворота, еще не было времени для взаимного приспособления, новая жизнь, как бы сразу вырвавшаяся наружу, еще не смогла полностью организоваться, причем организоваться прежде всего так, чтобы удовлетворить потребность в справедливости, овладевшую нашими сердцами. Если это так, то лекарство от зла состоит не в том, чтобы стараться во что бы то ни стало воскресить традиции и обычаи, которые, не отвечая более теперешним социальным условиям, смогут жить лишь искусственной и кажущейся жизнью. Что необходимо — так это прекратить аномию, найти средства заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях, внести в их отношения больше справедливости, все более ослабляя источник зла — разного рода внешнее неравенство... Словом, наш первейший долг в настоящее время — создать себе нравственность"[19].

Основной теоретический интерес Дюркгейма лежал в области функционирования и соединения коллективного сознания и коллективных репрезентаций, которые охватывали наибольшую часть того, что современная социология зовет культурой, особенно те аспекты культуры, которые носят обязательный характер, откло-

[18] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. С. 284.

[19] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. С. 379–380.

нения от которого вызывают санкции, типичные для любого общества на той или иной конкретной стадии его развития. Все уровни культуры структурированы или кодифицированы, и эти коды должны быть расшифрованы социологами[20].

Доказывая в своей книге, что разделение труда порождает солидарность, он одновременно доказывал, что оно выполняет нравственную функцию. Дюркгейм предсказал, что общество будет безнадежно деградировать, когда разделение труда в нем будет основано на протекционизме, родственных связях, привилегиях, происхождении и прочих формах противоестественного социального отбора. И наоборот, общество может процветать в условиях свободного соревнования трудовых достижений, умов, талантов, нравственных достоинств[21].

Внимательный анализ высказывания классика французской социологии позволяет нам сделать следующие наблюдения и выводы:

1. Моральный кризис происходит только (и только) в тех условиях, когда структура общества претерпевает а) глубокие изменения, б) за короткий период времени. Если изменения носят постепенный характер и протекают достаточно долго, то общество успевает адаптироваться к новым условиям и морального кризиса не происходит. Дюркгейм уточняет: изменения должны быть беспрецедентными по масштабу и скорости.

2. В период ускоренного перехода от одного типа общества к другому старая мораль испытывает регресс, она выявляет свою историческую неаутентичность. Поскольку переход очень быстрый, то новая мораль не успевает появиться. Для ее формирования требуется большое время. На месте разрыва возникает *моральный вакуум*. На рисунке моральный вакуум обозначает объем всего провала.

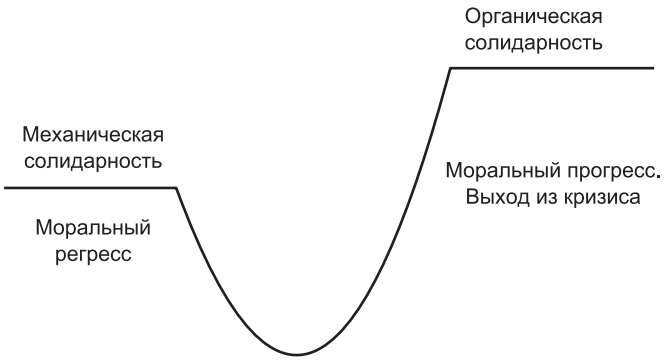
3. Переход от механической солидарности к органической у Дюркгейма знаменует переход от первобытного коллективизма к капиталистическому индивидуализму. В терминах модели Белла это означает переход от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному. Два последних базируются на развитом

---

[20] *Thompson K.* Op. cit. P. 75.

[21] Подробнее см.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана; Примеч. В.В. Сапова. М., 1996; *Гофман А.Б.* Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001. С. 25–56; *Он же.* О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; *Он же.* Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. М., 1995. С. 157–182; *Он же.* Социология Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995; *Он же.* Становление французской социологической школы: Э. Дюркгейм // История теоретической социологии: В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. Т. 1. М., 1997. С. 315–340; История теоретической социологии: В 5 т. Т. 2. Социология XIX века: (Профессионализация социально-научного знания). М., 1997. С. 292–313.

личностном начале и индивидуализме. Применительно к России мы берем на себя смелость утверждать, что модель морального кризиса Дюркгейма вполне может репрезентировать переход от советского (коллективистского, социалистического) к постсоветскому (индивидуалистическому, капиталистическому) обществу. Начало перехода можно датировать второй половиной 1980-х гг. — горбачевской перестройкой, середину кризиса — концом 1990-х гг., ельцинской шоковой терапией. Основные признаки морального кризиса (уже приводимые нами выше), указанные Дюркгеймом, применимы к этому периоду развития нашего общества: “Наша вера поколеблена; традиция потеряла свою власть; индивидуальное суждение освободилось от коллективного”.



Модель морального кризиса при резком переходе от одного типа общества к другому по Э. Дюркгейму

4. Фраза Дюркгейма “функции, разъединившиеся в ходе переворота”, как можно предположить, характеризует некий функциональный разрыв в функционировании социальных институтов, смешение позитивных и негативных функций, явных и латентных. Иными словами, моральный кризис в обществе глубокого транзита сопровождается *институциональным*, или *функциональным кризисом*. У старых и новых функций в силу сжатости временного периода не было возможности “приспособиться” друг к другу. На отладку функций у социальных институтов, по всей видимости, уходит немалое время.

5. Обратим внимание на такую подробность текста Дюркгейма: в начале фрагмента он говорит о моральном регрессе, а затем о перевороте, в ходе которого функции разъединились. Какая характеристика морального кризиса выразительнее, сильнее, драматичнее — регресс или переворот? Регресс означает ухудшение чего-либо, а переворот — полную смену векторов: то, что было добром, стало злом. Возможна и другая интерпретация морального переворота:

истинные ценности добра в период трансформации общества были заменены псевдоистинными. Не откровенно ложными (хотя и такой момент следует, на наш взгляд, учитывать), а замаскированными под истину. Так ведет себя только один феномен — *превращенная социальная форма*, о которой до Дюркгейма писал Маркс.

6. Состояние морального вакуума означает, по Дюркгейму, пустоту. Она возникает как следствие аномии. Аномия и есть пустота, когда обществом не управляют социальные нормы и законы, люди поступают так, как хотят, руководствуясь ложно понятой свободой (псевдоистинной свободой). Иными словами, в переходном обществе царит беспредел (ведь предел — это ограничения, накладываемые на поведение больших масс людей социальными нормами). Дюркгейм уточняет: общественная жизнь в этот период не смогла "полностью организоваться, причем организоваться прежде всего так, чтобы удовлетворить потребность в справедливости".

Принципиально важным уточнением того, как должна организоваться общественная жизнь на новых началах (органическая солидарность), служит понятие "*потребность в справедливости*". У россиян, согласно многочисленным социологическим исследованиям, обострено чувство справедливости проводимых реформ, существующего политического режима, поведения чиновников, оплаты труда и многого другого. *Справедливость* как фундаментальная потребность населения не удовлетворена. Неудовлетворенность выводит массы на митинги протеста, демонстрации, провоцирует гражданское неповиновение, скрытый саботаж. Справедливость становится основным критерием успешности или неуспешности проводимых для выхода из кризиса правительственных реформ. Этот критерий легко измеряем средствами эмпирической социологии, и им необходимо активно пользоваться.

Отметим еще одну особенность. Дюркгейм говорит о том, что потребность в справедливости овладела нашими сердцами. Что означает эта его фраза? Такие фундаментальные ценности, как добро, зло, свобода и некоторые другие, представляют для человека, скорее всего, умственные потребности. Они познаются интеллектом и там же — в "абстрактных высях" — остаются. Но справедливость и честь — глубоко эмоциональные ценности. В том смысле, что нашу честь легко задеть, унизив наше достоинство, и человек мгновенно реагирует, часто самым непредсказуемым образом. Легко поступить несправедливо по отношению к любому человеку и практически любым действием, которое он сочтет таковым. Как бы мы ни убеждали, что с ним поступили совершенно справедливо, как и с сотнями других людей (например, не выпуская за границу за невыплаченные алименты), т.е. по закону, рассудочные аргументы на него вряд ли подействуют. *Справедливость* владеет нашим

сердцем, а не разумом. Разум запускается уже тогда, когда произошла оценка действия против данного индивида как несправедливого, он обиделся до глубины души, а затем начинает обосновывать — себе или другим — то, почему он считает действие несправедливым и почему у него был мотив так себя вести. Социологические исследования демонстрируют, что россияне охотнее расстаются с полной (в либеральном понимании) свободой, довольствуясь частичной свободой (ограниченной), а то и полным ее отсутствием (например, в обмен за социальный порядок в обществе), но только не с умалением справедливости.

7. Следующая мысль Дюркгейма касается проблемы выхода из кризиса. Французский социолог предупреждает, что выход из него состоит не в реанимации старого. Моральный кризис всегда зло. "Лекарство от зла" не в том, чтобы "воскресить традиции и обычаи", которые больше не соответствуют социальным условиям. Почему? Ведь к отказу от традиционных ценностей может привести иностранная интервенция. В таких ситуациях общество после национально-освободительной войны возвращается к своим традиционным ценностям. Однако Дюркгейм пишет не о насильственном и потому искусственном переходе общества. Он рассуждает об историческом и вполне естественном рывке, совершаемом страной от одного типа общества к другому, одной формации к другой.

Скачок можно назвать еще и революцией. Ее как раз описывает понятие "моральный переворот" — низвержение одних ценностей и замена их другими, альтернативными. Именно это и случилось с нашей страной в 1917 г., когда на смену буржуазной морали с одним нравственным кодом пришла пролетарская мораль с другим нравственным кодом. То, что уважалось и ценилось больше всего в "старой жизни", например благородное происхождение, обесценилось в "новой жизни". Более того, стало поводом для депривации, тюремного заключения, высылки за границу, расстрела.

В новых социальных условиях никак нельзя было возрождать старые традиции. Такое возрождение, и в этом нельзя не согласиться с Дюркгеймом, было бы искусственным приемом, т.е. псевдоистинным. По форме старая традиция или ценность была бы той же, а по содержанию — другой, прямо противоположной. Для выхода из кризиса требовалась новая ценностная система. И ее советская власть создавала и насаждала. В течение 75 лет сменилось несколько поколений советских граждан. И поколение внуков уже не разделяло ценности своих дедов и прадедов, полностью или частично сформировавшихся при "старой жизни".

Сегодня появилось на свет новое поколение внуков 2000-х гг. рождения, которое не знает о советских традициях и ценностях.

Новое поколение сформировало новую систему взглядов, потребностей и ценностей. Можно ли искать выход из морального кризиса 2000-х гг. на пути реанимации прежних, пролетарских традиций и ценностей? Согласно Дюркгейму, нет, ибо такое возвращение будет ложным — похожим по форме, но отличным по содержанию. В окружающей нас реальности мы можем обнаружить множество таких "*кентавров*". (Кстати сказать, этот термин в последние годы стал вполне социологическим понятием при описании духовно-нравственного кризиса российского общества.)

В снятом виде проблема механической и органической солидарности исследуется отечественными социологами на материалах изучения неисполнения семьей ее специфических социальных функций — репродуктивной и социализирующей. Проведя сравнительный анализ, Н.В. Богачёва[22] приходит к выводу о том, что воспитание детей в татарских семьях строится по моделям традиционного общества и коллективизма, в то время как воспитание в русских семьях в большей мере тяготеет к моделям индустриального общества и, на наш взгляд, органической солидарности. У татар воспитание служит средством трансляции семейных ценностей от старших к младшим. "Ценность детей у русских и татар неодинакова: для русских дети — средство удовлетворения потребности в родительстве, для татар — самостоятельная ценность. Сельские семейные пары гораздо более консервативны во взглядах на семью, дом, детей, чем городские. Их отношения остаются более традиционными, что имеет немало положительных сторон. Дети растут в большем уважении к своим родителям, родственные связи остаются более крепкими, чем в городских семьях. Сельчане более скованны в общении с детьми и реже предоставляют им свободу в принятии решений, чем горожане (7,8 против 17,9% соответственно), а значит, дети менее автономны и более зависимы в сельской семье, чем в городской, что является причиной большей согласованности в мыслях и действиях членов сельской семьи, а значит и ее большей устойчивости"[23].

Итак, делает вывод Н.В. Богачёва, "с одной стороны, с повышением уровня образованности растет степень толерантности членов семьи друг к другу, в том числе и родителей к детям, что повышает статус последних в семье и формирует их индивидуалистическую, автономную позицию, отрицательно коррелирующую с семейными ценностями. С другой стороны, высокий уровень образования делает отношение к детям более одухотворенным, гуманным, и это

---

[22] См.: *Богачёва Н.В.* Отношения родителей и детей // Социология. 2006. № 3–4. С. 136–138.

[23] Там же. С. 136–137.

отношение требует учета детских интересов при принятии решения о сохранении брака”[24].

На малом примере опроса семей, на наш взгляд, подтверждается теория механической и органической солидарности Дюркгейма. По мере социального прогресса — общественного или семейного, — выражающегося в том числе в повышении уровня образования, снижается чувство “незрячего коллективизма” и растет чувство “зрячего индивидуализма”. На стадии механической солидарности и в сельских семьях дети ценятся сами по себе, в органической солидарности и в городских семьях дети ценятся как личности. В первых необходимо безусловное подчинение младших старшим, на основе чего достигается консенсус. Во вторых необходимо партнерство, независимость, что служит базой для взаимопонимания. В первых — неравенство старших и младших, во вторых — их равенство. Семья крепче у первых, слабее у вторых. Но следует уточнить мысль автора: если автономная позиция детей отрицательно коррелирует с крепостью семьи, то тогда с ней отрицательно коррелирует и высший уровень образования. Иными словами, формируется обратная зависимость: чем выше уровень образования, тем ниже крепость семьи. Так это или нет? Быть “зрячим” — значит иметь соответствующее образование. Образованные люди не станут копировать манеры поведения, ценности, образ мыслей и мировоззрение друг друга, в данном случае младшие — старших. Крепость традиционной семьи, семьи малограмотных людей основана на механическом подражании: делай как я, а то накажу, не раздумывая. Крепость современной семьи, соответствующей органической солидарности, основана на размышляющем и критическом подражании. Младшие подражают родителям и учатся у них, если те достойны того. Дети становятся личностями, если их родители тоже являются личностями. Такая крепость семьи достигается гораздо труднее, потому ныне и разводов много, но она более естественна. Недаром Дюркгейм назвал ее органической, т.е. присущей всему живому. Живое — дерево, рыба, тигр — состоит из множества автономных, разнородных и разнофункциональных компонентов, соединившихся в единое и неразрушимое целое. Здесь микробы, вирусы, клетки, тромбоциты, печень, мозг, кровь и т.д. Такова крепость органическая. К ней и стремится человечество. А механическое копирование младшими старших, клонирование родителями себе подобных отпрысков — пройденный этап. В этом смысле традиционная система ценностей требует переосмысления.

Результаты исследования Н.В. Богачёвой свидетельствуют о том, что “родительскими ролями опрошенные овладевают не столько

[24] Там же. С. 138.

из-за ответственного отношения к семье как социальному институту и стремления максимально исполнить свои социальные функции по отношению к своим детям, сколько из-за любви к ним и удовлетворения родительского инстинкта, потребности быть родителем. Индивидуализм в основных семейных ролях — отцовской и материнской — еще один аспект, характеризующий причины малодетности в российском обществе”[25].

Между прочим, автор делает очень важные стратегические выводы. Во-первых, подтверждается закономерность перехода от механической к органической солидарности Дюркгейма. Во-вторых, на первый план в отношениях к детям выходят личные мотивы, а на второй — социальные. Стало быть, родители ценят детей потому, что любят их, они приносят им усладу и утешение. Никакой ответственности перед обществом за правильное исполнение своих родительских ролей. Иначе бы семья как социальный институт вышла бы на первое место. Значит, никакие призывы к родительской ответственности, пропаганда общественно значимых норм семьи успеха иметь не будут. Родители любят или не любят детей, и в зависимости от этого они воспитывают их или бросают на произвол судьбы. Опять на первый план выходит эгоистическое “Я” родителей. Автор не прав в том, что родительский эгоизм переводит в разряд родительского инстинкта. Почему? Потому что инстинкт действует неукоснительно, а в России сегодня родители слишком часто бросают детей. Значит любовь к ним не врожденная. Безответственных родителей можно только запугать: не будешь беречь своего ребенка, сядешь на десять лет. На Западе так и сделали: ювенальная юстиция “стреножила” родителей до максимума. И в этом тоже прослеживается “перебор”, однако в данном случае важен мировой тренд.

Посмотрим, как точно Дюркгейм описывает способ выхода из морального кризиса: “Что необходимо — так это прекратить аномию, найти средства заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях, внести в их отношения больше справедливости, все более ослабляя источник зла — разного рода внешнее неравенство”[26]. Медицински точно выписан рецепт духовного выздоровления:

1) прекратить аномию, т.е. ввести справедливые законы и приложить усилия к их соблюдению;

2) заставить гармонически сотрудничать органы, т.е. ликвидировать дисфункциональность социальных институтов, “которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях” (полиция ловит

---

[25] Там же.

[26] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. С. 379.

преступников, а суды их оправдывают; президент критикует чиновников за провал государственной политики и коррупцию, а те отделываются незначительными наказаниями, и т.п.);

3) деятельность органов власти и социальных институтов должна основываться на соблюдении принципов справедливости. Пока этого нет, говорить о выходе из кризиса рано. Пока лекарство от зла общество не приняло;

4) источником зла служит внешнее неравенство во всех его проявлениях.

Развиваемая им в книге "Самоубийство" концепция аномии играет исключительно важную роль в социологии морали и в понимании духовно-нравственного кризиса. Изучение системы преступления и наказания, как оказалось, преследует несколько целей. Самая важная — разработать эмпирические индикаторы, определяющие природу и уровни социальной организации и культуры в обществе, соответствующие общесоциологической модели[27]. Другая цель полемическая, которая заключается в том, чтобы бороться с философами-моралистами, придерживающимися абсолютных моральных принципов, из которых якобы происходят законы и мораль в различных обществах. Одновременно Дюркгейм выступил против утилитарного подхода тех философов, которые считают, что моральное поведение индивидов — это соглашение по максимизации собственной выгоды. Дюркгейм полагал, что такого явления, как "внутренне присущий криминальный акт" (изначально криминальный), нет. То, что называется криминальным, зависит от того, какие верования, ценности и обычаи существуют в данном обществе, а они везде разные. По определению Дюркгейма, акт называется криминальным, когда оскорбляются (преступаются) строгие и четко определенные заповеди (states) коллективного сознания. Криминально то, что нарушает общепринятые обычаи. Нет единой и априорной формулы криминального акта, она зависит от конкретного общества[28]. Закон задает эмпирический индикатор (индекс, внешний по отношению к индивидуальной субъективности) самого неясного и труднораспознаваемого[29] социального феномена на всех уровнях социальной системы, и таким эмпирическим индикатором являются мораль и текущее общественное мнение[30]. Функция закона — подавить отклонения, а наиболее репрессивен он по отношению к религиозным нарушениям, ибо религиозные заповеди — ядро, сердцевина сознания[31].

---

[27] *Thompson K.* Op. cit. P. 77.
[28] Ibid. P. 72.
[29] Ibid. P. 78.
[30] Ibid.
[31] Ibid.

Религиозные нарушения наказываются наиболее сурово. В современном обществе даже убийство наказывается меньше. Другая характеристика репрессивного закона заключается в том, что некоторые санкции могут быть специфицированы, а моральные верования — нет. Последние обычно не формализуются, ибо все мы знаем, что они обозначают. Так, закон об убийстве не говорит прямо о необходимости уважать человеческую жизнь, но просто указывает (спецификация) вид наказания. Дюркгейм отрицал объяснение наказания в терминах его устрашающей ценности (как средства устрашения или предохранения). Иначе бы наказания градуировались не по степени серьезности преступлений, а по степени силы, интенсивности мотивации совершения этих преступлений[32]. Функция репрессивных санкций — укрепить солидарность в обществе.

После опубликования книги "О разделении общественного труда" Дюркгейма обвинили в том, что он "материалист". Однако Дюркгейм не согласился с этим, утверждая, что его социология целиком идеалистическая[33]. "Основные социальные феномены — религия, этика, закон, экономика и эстетика — есть не что иное, как системы ценностей"[34], — писал он в "Социологии и философии". И речь шла о процессе институциализации ценностей, артикуляции различных уровней социального феномена — центра его социологии.

Дюркгейм уделяет внимание тому уровню социальных феноменов, на котором верования и ценности кристаллизуются в форму институтов, а поведение регулируется нормами, подкрепленными санкциями[35]. В этом случае описательная социология превращается в аналитическое изучение институтов. В его книге главным институтом выступает закон. Кроме социальных институтов сферой реализации ценностей выступают социальные нормы. Действие норм объясняется Дюркгеймом в терминах двух процессов. Первый процесс — влияние позитивных и негативных санкций, которые есть структурные компоненты норм, второй — легитимирующий эффект, произведенный престижем коллективных репрезентаций, которые дают нормы, появляющиеся из стоящих над нами источников[36]. Первый тип принуждения — санкции наказания и вознаграждения, второй тип — моральный. Последний происходит через интернационализацию норм так, что они становятся нашей собственной природой, имеют власть над нами и дают нам чувство, что они произошли из превосходящих источников (Бог, отечество,

---

[32] Ibid.
[33] Ibid. P. 84.
[34] Ibid.
[35] Ibid.
[36] Ibid. P. 65.

государство) вне нас. Институционализация отвечает за практическое осуществление таких норм (калькуляция, наказание, практика), природа которых находится в нематериальной субстанции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богачёва Н.В. Отношения родителей и детей // Социология. 2006. № 3–4. (*Bogachjova N.V.* Otnoshenija roditelej i detej // Sociologija. 2006. N 3–4.)

Гофман А.Б. Э. Дюркгейм о ценностях и идеалах // Социологические исследования. 1991а. № 2. (*Gofman A.B.* Je. Djurkgejm o cennostjah i idealah // Sociologicheskie issledovanija. 1991a. N 2.)

Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991б. (*Gofman A.B.* O sociologii Jemilja Djurkgejma // Djurkgejm Je. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M., 1991b.)

Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. М., 1995а. С. 157–182. (*Gofman A.B.* Sem' lekcij po istorii sociologii: Ucheb. posobie dlja vuzov. M., 1995a. S. 157–182.)

Гофман А.Б. Социология Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995б. (*Gofman A.B.* Sociologija Jemilja Djurkgejma // Djurkgejm Je. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie. M., 1995b.)

Гофман А.Б. Становление французской социологической школы: Э. Дюркгейм // История теоретической социологии: В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. Т. 1. М., 1997. С. 315–340. (*Gofman A.B.* Stanovlenie francuzskoj sociologicheskoj shkoly: Je. Djurkgejm // Istorija teoreticheskoj sociologii: V 4 t. / Otv. red. i sost. Ju.N. Davydov. T. 1. M., 1997. S. 315–340.)

Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001. С. 25–56. (*Gofman A.B.* Jemil' Djurkgejm v Rossii. Recepcija djurkgejmovskoj sociologii v rossijskoj social'noj mysli. M., 2001. S. 25–56.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshhestvennogo truda. Odessa, 1900.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Послесловие А.Б. Гофмана. М., 1990. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii / Posleslovie A.B. Gofmana. M., 1990.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991а. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M., 1991a.)

Дюркгейм Э. Ценностные и "реальные" суждения // Социологические исследования. 1991б. № 2. С. 106–114. (*Djurkgejm Je.* Cennostnye i "real'nye" suzhdenija // Sociologicheskie issledovanija. 1991b. N 2. S. 106–114.)

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Послесловие и примеч. А.Б. Гофмана. М., 1995. (*Djurkgejm Je.* Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie / Posleslovie i primech. A.B. Gofmana. M., 1995.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 256–309. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshchestvennogo truda // Zapadno-evropejskaja sociologija XIX — nachala XX vekov. M., 1996. S. 256–309.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана; Примеч. В.В. Сапова. М., 1996. (*Djurkgejm Je.* O razdelenii obshhestvennogo truda / Per. s fr. A.B. Gofmana; Primech. V.V. Sapova. M., 1996.)

История теоретической социологии: В 5 т. Т. 2. Социология XIX века: (Профессионализация социально-научного знания). М., 1997. С. 292–313. (Istorija teoreticheskoj sociologii: V 5 t. T. 2. Sociologija XIX veka: (Professionalizacija social'no-nauchnogo znanija). M., 1997. S. 292–313.)

Кравченко А.И. Трудовые организации: структура, функции, поведение. М., 1991. (*Kravchenko A.I.* Trudovye organizacii: struktura, funkcii, povedenie. M., 1991.)

Философия культуры. Становление и развитие. СПб., 1998. (Filosofija kul'tury. Stanovlenie i razvitie. SPb., 1998.)

Bellah R.N. Emile Durkheim, on morality and society. Chicago, 1973.

Durkheim E. La science positive de la morale en Allemagne // Journal sociologique. 1969. N 6.

Durkheim E. Introduction à la morale // Revue philosophique. 1920. N 89.

Thompson K. Emile Durkheim. L.; N.Y., 1988.

О.В. Шустер, асп. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ВИЗУАЛЬНОСТИ КАК КЛЮЧЕВОГО ЭЛЕМЕНТА КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Данная работа посвящена рассмотрению социальных трансформаций второй половины XX в., приведших к увеличению значимости визуального канала коммуникации для культуры информационного общества. В статье анализируется переход к эпохе визуальной самопрезентации, при котором целью передачи сообщения становится не раскрытие содержания, а демонстрация социального статуса индивида.

Ключевые слова: *информационное общество, визуальная коммуникация, коммуникативные сети, массовая культура, массовое образование, массовое потребление, самопрезентация, СМИ, социальный статус.*

This paper is devoted to social transformations of the second half of 20-th century, which have led to increasing significance of the visual channel of communication for the culture of the information society. We analyze the transition to the era of visual self-presentation, where the demonstration of the social status of the individual becomes the main goal of communication, instead of disclosing of the contents.

Key words: *information society, visual communication, communication networks, mass culture, mass education, mass consumption, self-presentation, mass media, social status.*

Тотальная визуальность социальной жизни — относительно новое явление, проявляющееся в полной мере в информационную эпоху. В современном мире визуальная коммуникация принимает массовый характер, превращаясь из способа донесения информации в самоцель. Данная работа посвящена рассмотрению исторических процессов, приведших к визуальному повороту в основных областях жизнедеятельности общества, а также обоснованию главенства роли визуальности в коммуникативных процессах современной эпохи.

Массовое образование

Развитие визуальной коммуникации сопряжено с процессами становления информационного общества, зарождение которого связывается с социальными трансформациями 60–70-х гг. XX в.

* **Шустер Ольга Викторовна,** e-mail: shuster_olga@mail.ru

Как считает Дэниел Белл[1], распространение телекоммуникационных технологий в середине XX в. открыло новую эпоху в истории человечества. Образ жизни людей на каждом этапе развития общества определялся доминирующим видом трудовых отношений. С возникновением общества услуг постиндустриальной эпохи предметом труда большинства людей становится обмен информацией, т.е. взаимодействие. Информации становится не просто больше количественно, меняется ее качественная составляющая.

Вследствие возрастания роли сферы услуг появляется все больше работы, связанной с непосредственным общением, а сам труд становится более квалифицированным — увеличивается роль профессионалов в нем. Однако если 1960-е гг., о которых пишет Белл, характеризуются главенствующей ролью специалистов как основных владельцев интеллектуального ресурса, то к концу XX в. знание становится достоянием широкой общественности. Хотя в массовом обществе знание и является высшей ценностью, Хосе Ортега-и-Гассет замечает, что оно очень специфично и имеет мало общего с образованностью в классическом понимании. Автор пишет: "Массы людей таким ускоренным темпом вливались на сцену истории, что у них не было времени, чтобы в достаточной мере приобщиться к традиционной культуре"[2].

Отличительной особенностью информационного общества становится главенствующая роль "специалиста", но его нельзя назвать образованным. Специалист — это "человек, который из всего, что необходимо знать интеллигентному человеку, знаком лишь с одной из наук, да и из той он знает лишь малую часть, в которой непосредственно работает... Современная наука... впустила в свои недра человека заурядного и позволила ему работать с видимым успехом"[3]. Будучи специалистом в одной области, человек информационной эпохи становится профаном в остальных. Таким образом, информационная эпоха начала 60-х гг. выводит на авансцену специалиста, но модифицировавшиеся в XX в. процессы массового образования лишают его действительного знания, оставляя лишь престижный социальный статус и видимость интеллектуальности.

Важно отметить, что процессы образования и воспитания индивида всегда имеют корни в социокультурных общественных подсистемах. Как пишет Мануэль Кастельс, "то, что мы думаем и как мы думаем, находит выражение в товарах, услугах, материальной и интеллектуальной продукции, будь то пища, кров, транс-

---

[1] См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999.

[2] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Нью-Йорк, 1954. С. 54.

[3] Там же. С. 114–116.

портные и коммуникационные системы, компьютеры, ракеты, образование, здравоохранение или образы”[4].

Культурные практики и социальные действия индивидов постиндустриального общества оказываются тесно связанными с новыми сетевыми технологиями, порождаемыми информационной революцией. За счет постоянного технологического совершенствования информация, порождаемая в процессе жизнедеятельности общества, перерабатывается все быстрее, стираются пространство и время, а исключение из коммуникационной сети грозит индивиду или социальным группам неучастием в истории.

Скорость передачи информации в этих сетях постоянно растет, так как благодаря вмешательству технологий в социальные практики продуцируемой информации становится все больше. Индивид уже не успевает следить за всеми новостями, чтобы поддерживать в актуальном состоянии свою осведомленность о непрофильных для его трудовой деятельности сферах общественной жизни. Получается, что индивид социализируется и действует в системе высокотехнологичных коммуникационных сетей, по которым ему постоянно на огромной скорости передаются колоссальные потоки информации, которую он не в состоянии полноценно отслеживать.

Средства массовой информации

Поскольку сетевые коммуникации получают самое широкое распространение, социальное взаимодействие оказывается во многом обусловленным средствами массовой информации. Кастельс замечает, что “средства массовой информации, особенно аудиовизуальные, действительно представляют собой в нашей культуре основной материал коммуникационных процессов. Мы живем в среде СМИ, и из них приходит большинство наших символических стимулов”[5]. С 60-х гг. XX в. наступает эпоха телевидения, а последние 20 лет новейшей истории связаны с развитием интернета.

Появление новых СМИ полностью меняет модели взаимодействия в обществе. Причина, по которой телевидение становится основным видом коммуникации во второй половине XX в., является предметом серьезных споров в научной среде. Вслед за У. Расселом Нейманом Кастельс предполагает, что “успех телевидения есть следствие базового инстинкта ленивой аудитории”[6]. Индивид в постиндустриальном обществе выбирает пути наименьшего сопротивления, стараясь прилагать минимум усилий для восприятия информации.

---

[4] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 50.

[5] Там же. С. 322.

[6] Там же. С. 317.

Печатное слово галактики Гутенберга[7] способствовало систематическому изложению мысли; в структуре коммуникации общества модерна доминировали типографское мышление и фонетический алфавит. Печатное слово во все времена призывало к объяснению, оно апеллировало к умению мыслить концептуально и последовательно. Аналитическая деятельность не требовала суеты, жизнь эпохи преобладания печатных СМИ можно было назвать размеренной и даже неспешной.

Появление телевидения, с его неупорядоченными образами и не требующими особых интерпретативных способностей аудиовизуальными сигналами, положило конец господству галактики Гутенберга. Используя цитату Постмана у Кастельса, можно сказать, что здесь "развлечение представляет собой основу всей системы общения со зрителем... При этом не имеет никакого значения, что именно и с какой точки зрения отображается; всеми и повсюду принято, что происходящее на экране показывается для нашего развлечения и удовольствия"[8]. Телевидение вторгается в сферу обыденного, меняя социальные практики и культурные обычаи целых континентов. Теперь мир у каждого как на ладони: стираются пространство и время, растет скорость передачи информации. Телезрителю некогда думать и анализировать, он постоянно переключает каналы в поисках зрелищ.

Еще больше скорости и еще больше упрощенности требует коммуникация в интернете. Общение в виртуальных социальных сетях максимально ориентировано на обмен образами и минимизирует текстовую коммуникацию. И даже когда интернет-ресурсы строятся вокруг печатных записей, информация подается максимально сжато, представляя собой экстракт, основную суть, избавляясь от всего "лишнего".

Таким образом, возникает тенденция к передаче информации по визуальному каналу. Зрительное восприятие является наиболее простым способом получения информации. Кроме того, в современном мире не нужно обладать дополнительными умениями, чтобы читать визуальные коды: например, фотографии, в отличие от живописи, не содержат переносных смыслов, они полностью дублируют реальность; инфографическое упорядочение текста не требует аналитических или логических операций, индивиду необходимо просто потребить данные; элементы одежды или интерьера рассказывают о статусе их владельца за него, ему не нужно демонстрировать свои качества публике.

---

[7] См.: *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: сотворение человека печатающего. Киев, 2003.

[8] *Кастельс М.* Указ. соч. С. 319.

Информационная экономика

С наступлением цифровой эпохи появляется новая экономика, которую Кастельс называет “информациональной” и глобальной: “Разнообразие культурных контекстов, в которых информациональная экономика возникает и эволюционирует, не мешает наличию общей матрицы организационных форм в процессе производства, распределения и потребления”[9].

Жан Бодрийяр пишет, что новое общество, формирующееся в 60-х гг. XX в., перестает быть только обществом производства, оно становится обществом социально ориентированного отношения к произведенному товару. Выделяются два разных вида потребления: одно является удовлетворением потребностей и характерно во многом для прошлых исторических периодов, другое — знаковое потребление, ставшее сегодня языком общения между людьми[10]. Последнее предстает, скорее, как культурная особенность, поскольку “не существует разделения между реальностью и символическим отображением. Во всех обществах человечество существовало в символической среде и действовало через нее”[11].

Сегодня люди “потребляют” предметы, которые являются в их представлении признанными символами референтных социальных групп или желаемых социальных статусов. Делается это для того, чтобы создать впечатление обладания соответствующим авторитетом и социальным признанием. Речь идет о социальной самопрезентации, которая являет собой одну из основ культуры общества постмодерна. И в основе такого представления себя другим лежит визуальная коммуникация.

Как пишет американский социолог Ирвин Гофман, чтобы наиболее удачно взаимодействовать с другими в незнакомой ситуации, человек должен обладать полной информацией об их общественном положении. Но поскольку это объективно невозможно, в повседневной жизни человек руководствуется статусными символами, случайными репликами и т.п. Гофман считает, что “человек склонен обращаться с другими присутствующими на основе впечатления, которое они создают о своем прошлом и будущем во время взаимодействия”[12].

Разыгрываемый социальный спектакль берет свое начало в жизненных мирах индивида — совокупности социальных групп, институтов, общностей, с которыми он связан. И участники комму-

---

[9] Там же. С. 157.

[10] См.: *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

[11] *Кастельс М.* Указ. соч. С. 351.

[12] *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 297.

никативной ситуации (зрители спектакля) интерпретируют его поведение на основании своего социального опыта, т.е. знаний о взаимодействии внутри тех социальных институтов и групп, с которыми связаны они.

Поскольку коммуникативные особенности информационной эпохи, как мы выяснили ранее, тесно связаны с визуальностью, именно визуальные символы и знаки становятся основным средством представления себя другим. Речь идет об элементах одежды, ассоциирующихся с референтной группой и используемых для символизации своей принадлежности к ней; о деталях интерьера, призванных рассказать окружающим об уровне достатка индивида; о гаджетах[13], приобретаемых не для выполнения возлагаемых на них функций, а для демонстрации социального статуса их владельца, и т.п.

Также важно отметить, что визуальное представление себя другим через потребление статусных символов почти всегда нерепрезентативно. Оно не отражает реального социального статуса самопрезентующегося, а призвано выставить его в наилучшем свете. Тем более что информационная эпоха предоставляет для этого широкий диапазон возможностей. Так, фотографии можно ретушировать при помощи компьютерных технологий, создавать образы посредством статусных знаков и символов, а затем публиковать нерепрезентативные изображения в интернете. При этом целевая аудитория такого визуального послания может быть крайне широкой. Более того, любой желающий может приобрести услуги видеозаписи, монтаж которой представит реальность максимально адаптированной под желания заказчика. Примером здесь могут служить террабайты свадебных видеороликов, в которых события знаменательного дня отражены не в соответствии с действительной историей, а с ориентацией на запросы молодоженов.

Кроме того, сегодня у любого редкого и дорогого изделия или произведения всегда находятся репродукции, более дешевые и более доступные массовому потребителю. Таким образом, создание видимости, основанное в первую очередь на потреблении визуальных символов, становится главной социокультурной составляющей коммуникации и претворяется в жизнь благодаря возможностям технологического прогресса.

Итак, сделаем выводы. Образ мысли индивида детерминируется особенностями трудовой деятельности, которая в информационном обществе определяется сферой услуг и обменом информацией, т.е. взаимодействием. На первый план выходят два феномена: во-первых, массовое образование, производящее на свет специа-

[13] См.: *Бодрийяр Ж.* Указ. соч.

листов, хорошо разбирающихся только в своей узкой профессиональной области, и, во-вторых, средства массовой информации (в XXI в. основными становятся телевидение и интернет), привносящие в коммуникацию элементы культуры "наименьшего сопротивления". Развитие СМИ в невиданном ранее масштабе обеспечивает огромным массам людей доступ к отрывочным знаниям: "Появляется высокообразованный слой, при том, что прочих захлестывает волна пустячных сообщений, сенсаций и сбивающей с толку пропаганды"[14].

Возникают виртуальные коммуникационные сети, по которым на огромной скорости передаются колоссальные потоки информации, уничтожая пространство и время. Большая скорость движения требует от информации быть простой для восприятия, иначе данные рискуют быть потерянными. Следовательно, появляется тенденция к упрощению, приоритет отдается максимально доступным каналам коммуникации, по которым передается понятное самой широкой аудитории сообщение. Визуальное послание, принимающее формы фотографий, элементов одежды, деталей интерьера и т.п., не требует специальных знаний для своей интерпретации. Поэтому одним из главнейших аспектов культуры информационного общества становится визуальность, не подразумевающая дополнительных умений и простая в восприятии.

Социальная реальность информационного общества в его современной модификации представляет собой виртуальную сеть визуальной самопрезентации. Визуальная коммуникация становится частью культуры потребления, которая в свою очередь ориентирована на представление себя другим и демонстрацию своего социального статуса посредством потребления соответствующих знаков и символов. В передаваемом в процессе коммуникации сообщении становится больше информации о социальном статусе автора, нежели содержания. Это новое явление еще мало изучено и требует отдельного внимания социологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999. (*Bell D.* Grjadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt social'nogo prognozirovanija. M., 1999.)

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. (*Bodrijjar Zh.* Obshchestvo potreblenija. Ego mify i struktury. M., 2006.)

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. (*Gofman I.* Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni. M., 2000.)

[14] *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004. С. 5.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. (*Kastel's M.* Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshchestvo, kul'tura. M., 2000.)

Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатающего. Киев, 2003. (*Makljujen M.* Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatajushchego. Kiev, 2003.)

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Нью-Йорк, 1954. (*Ortega-i-Gasset H.* Vosstanie mass. N'ju-Jork, 1954.)

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. (*Ujebster F.* Teorii informacionnogo obshchestva. M., 2004.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология” публикует статьи по социологии и политологии, результаты исследований и экспериментов в различных сферах социальной и политической жизни России и зарубежных стран, методические материалы, информацию о конференциях, библиографические обзоры и критические рецензии. Журнал открыт для публикации результатов научных исследований ученых Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, других научных учреждений и высших учебных заведений.

Материалы представляются в редакцию в электронной версии (на дискете, компакт-диске или по электронной почте) и в распечатанном виде (1 экз.).

Требования к оформлению статей

К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 0,7 (28 тыс. знаков) до одного авторского листа (40 тыс. знаков). Объем аспирантских статей, как правило, не должен превышать 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Ссылки обычные (не конечные и не постраничные), нумерация сквозная. Документ должен быть выполнен в формате MS Word for Windows. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14; интервал — 1,5; абзацный отступ — 1,25 см. Обязательны ссылки на источники всей информации (цитат, цифр) и расшифровка необщеупотребительной аббревиатуры. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Автор сопровождает статью краткой аннотацией (около 5 строк) на русском и английском языках и ключевыми словами также на русском и английском языках. В конце приводится список литературы (10—15 названий). Обязательно указание следующих сведений об авторах: ученой степени, должности и места работы, а также контактной информации (e-mail).

Напоминаем, что все рукописи направляются редакцией на рецензию (экспертную оценку).

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам не выплачивается. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала.

Адрес редакции: 119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, социологический факультет, каб. 514 (e-mail: vestnik@socio.msu.ru), тел.: (495) 939-08-54; 8(903) 268-89-69.